

ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Дело «Ибрагим и другие (Ibrahim and Others) против Соединенного Королевства»¹

(Жалобы №№ 50541/08, 50571/08,
50573/08 и 40351/09)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 13 сентября 2016 г.

По делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» Европейский Суд по правам человека, заседавая Большой Палатой в составе:

Гвидо Раймонди, *Председателя Большой Палаты,*

Андраша Шайо,
Ишиль Каракаш,
Луиса Лопеса Герра,
Мирьяны Лазаровой Трайковской,
Анны Юдковской,
Ханлара Гаджиева,
Ноны Цоцория,
Винсента А. де Гаэтано,
Юлии Лаффранк,
Пауля Лемменса,
Пола Махони,
Иоганнеса Силвиса,
Дмитрия Дедова,
Роберта Спано,
Юлии Моток,
Шюофра О'Лири, *судей,*

а также при участии Лоуренса Эрли, *главного юридического советника Европейского Суда,*
рассмотрев дело в открытых заседаниях 25 ноября 2015 г. и 2 июня 2016 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано четырьмя жалобами (№№ 50541/08, 50571/08, 50573/08 и 40351/09), поданными против Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (далее также – власти Соединенного Королевства или власти государства-ответчика) в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция).

2. Первые три жалобы поданы тремя гражданами Сомали: Муктаром Саидом Ибрагимом (*Muktar Said Ibrahim*), Рамзи Мухаммедом (*Ramzi Mohammed*) и Яссином Омаром (*Yassin Omar*) (далее – первый – третий заявители соответственно) 22 октября 2008 г. Четвертая жалоба была подана 29 июля 2009 г. Исмаилом Абдурахманом (*Ismail Abdurahman*), уроженцем Сомали, получившим британское подданство (далее – четвертый заявитель).

3. Заявители были представлены в Европейском Суде следующим образом:

– Ибрагима и Мухаммеда представляла юридическая фирма «Ирвин Танви Натас» (*Irvine Thanvi Natas*), находящаяся в г. Лондоне, которой помогал королевский адвокат Дж. Беннатан (*J. Bennathan*), адвокат;

– Омара представляла юридическая фирма «Арани Солиситорз» (*Arani Solicitors*), находящаяся в графстве Мидлсекс (*Middlesex*), которой помогал адвокат С. Вулло (*S. Vullo*);

– Абдурахмана представляли адвокаты Дж. Кинг и А. Фаул (*J. King, A. Faul*).

4. Власти Соединенного Королевства были представлены Уполномоченным Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии при Европейском Суде П. Маккеллом (*P. McKell*), сотрудником Министерства иностранных дел и по делам Содружества.

5. Заявители утверждали, что по делу было допущено нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции в связи с тем, что их допрашивали в полиции в отсутствие доступа к адвокату и использовали полученные на этих допросах показания на суде.

6. Жалобы были переданы в производство Четвертой Секции Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). 14 сентября 2010 г. Европейский Суд решил коммуницировать жалобу Абдурахмана властям государства-ответчика.

7. 22 мая 2012 г. Палата Четвертой Секции объединила жалобы, поданные первыми тремя заявителями, для рассмотрения в одном производстве, и объявила некоторые их части неприемлемыми для рассмотрения по существу. В тот же день

¹ Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» / Под ред. Ю.Ю. Берестнева (примеч. редактора).

² Настоящее Постановление вступило в силу 13 сентября 2016 г. в соответствии с пунктом 1 статьи 44 Конвенции (примеч. редактора).

Палата решила коммуницировать властям государства-ответчика жалобы на отсутствие доступа к адвокату и на использование показаний заявителей в ходе судебного заседания.

8. 16 декабря 2014 г. Палата Четвертой Секции в следующем составе: Инеты Зиемеле, Паави Хирвеля, Георга Николау, Леди Биянку, Здравки Калайджиевой, Пола Махони и Кшиштофа Войтычека, а также при участии Франсуазы Эленс-Пассос, Секретаря Четвертой Секции, – вынесла Постановление по настоящему делу. Она единогласно объявила приемлемыми для рассмотрения по существу жалобы заявителей на нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции в связи с отсутствием доступа заявителей к адвокату и использованием их показаний в ходе судебного заседания. Палата Европейского Суда большинством голосов пришла к выводу, что по делу не было допущено нарушения пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции. К Постановлению было приложено особое мнение судьи Здравки Калайджиевой.

9. Омар и Абдурахман в письмах от 5 и 16 марта 2015 г. ходатайствовали о передаче дела на рассмотрение Большой Палатой Европейского Суда в соответствии со статьей 43 Конвенции. 1 июня 2015 г. коллегия судей Большой Палаты Европейского Суда удовлетворила эти ходатайства.

10. Состав Большой Палаты был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Суда.

11. Заявители и власти государства-ответчика предоставили дополнительные письменные замечания по делу (пункт 1 правила 59 Регламента Суда). Кроме того, комментарии по делу были получены от организации «Фейр Трайлз Интернешнл» (*Fair Trials International*), которой Председатель Большой Палаты Европейского Суда разрешил вступить в письменное производство по делу в качестве третьей стороны (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 3 правила 44 Регламента Суда).

12. Открытое слушание по делу состоялось во Дворце прав человека в г. Страсбурге 25 ноября 2015 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Суда).

В заседании Европейского Суда приняли участие:

(а) со стороны властей государства-ответчика:

П. Маккелл, Уполномоченный Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии при Европейском Суде,

лорд Кин Эллийский (*Lord Keen Of Elie*), королевский адвокат, Генеральный адвокат Шотландии, Д. Перри (*D. Perry*), королевский адвокат, Л. Мэбли (*L. Mably*), адвокаты,

Р. Макнивен (*R. Macniven*), консультант;

(б) со стороны первых трех заявителей:

Дж. Беннатан, королевский адвокат,

Дж. Бантинг (*J. Bunting*), адвокаты;

(с) со стороны четвертого заявителя:

Дж. Кинг,

А. Фаул, адвокаты.

Европейский Суд заслушал выступления лорда Кина, Дж. Беннатана и Дж. Кинга и их ответы на вопросы судей Европейского Суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

13. Заявители родились в 1978 (Ибрагим), 1981 (Мухаммед и Омар) и 1982 (Абдурахман) годах. Первые три заявителя находятся в местах лишения свободы, четвертый заявитель проживает в г. Лондоне.

A. ВВЕДЕНИЕ

14. 7 июля 2005 г. в трех поездах метро и в автобусе в центральной части г. Лондона взорвались четыре террориста-смертника. В результате погибли 52 человека, несколько сотен человек были ранены.

15. Через две недели после этого, 21 июля 2005 г., первые три заявителя и еще один человек, Хусейн Осман, взорвали четыре бомбы в трех поездах метро и в автобусе в центральной части г. Лондона. 23 июля 2005 г. в лондонском парке нашли пятое, оставленное кем-то и несработавшее взрывное устройство. Позднее была установлена личность пятого участника совершения терактов. Им оказался Манфо Асиеду (*Manfo Asiedu*).

16. Несмотря на то, что четыре взрывных устройства были приведены в действие, в каждом случае основной заряд, жидкая перекись водорода, не взорвался. Дальнейшие исследования показали, что, по всей вероятности, это было вызвано недостаточной для взрыва концентрацией перекиси водорода с учетом количества ТАТП (перекиси ацетона, основного взрывчатого вещества), используемого в качестве детонатора. Доказательства свидетельствуют о том, что, если бы концентрация перекиси водорода была выше или ТАТП сильнее, взрывные устройства сработали бы.

17. Первые три заявителя и Осман покинули места неудавшихся взрывов. Однако изображения четырех террористов попали на камеры видеонаблюдения. Полиция Соединенного Королевства объявила их в розыск по всей стране, а фотографии этих людей и снимки с камер видеонаблюдения были показаны в эфире общегосударственных телевизионных каналов и опубликованы в центральных газетах. 22 июля 2005 г. сотрудники полиции по ошибке застрелили в метро г. Лондона молодого человека, приняв его за Османа (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Армани Да Сильва против Соединенного

Королевства» (*Armani Da Silva v. United Kingdom*) от 30 марта 2016 г., жалоба № 5878/08¹). В последующие дни были задержаны четверо мужчин: первые три заявителя – в Соединенном Королевстве с 27 по 29 июля, а Осман – в г. Риме (Италия) 30 июля. Их судили и признали виновными в сговоре с целью убийства.

18. Четвертый заявитель предоставил Осману укрытие в своем доме в г. Лондоне, когда Осман скрывался от полиции, прежде чем сбежать в г. Рим. Сотрудники полиции допросили четвертого заявителя в Соединенном Королевстве 27 и 28 июля 2005 г., а впоследствии заключили его под стражу. В рамках отдельного судебного разбирательства он был признан виновным в оказании помощи Осману, а после произошедшего скрыл эту информацию.

19. Более подробные сведения о задержании заявителей и их первом допросе в полиции приведены ниже.

В. ПЕРВЫЕ ТРИ ЗАЯВИТЕЛЯ

1. Задержания и допросы

(а) Омар

20. Первым из террористов был задержан Омар. Его задержали 27 июля 2005 г., в 5.15, в доме в Бирмингеме. Сотрудники полиции ворвались в дом и нашли Омара стоящим в ванной, полностью одетым и кричащим, с рюкзаком за спиной. Сотрудники полиции подумали, что в рюкзаке, по размеру напоминавшем те, которые использовались при неудавшихся взрывах, находится бомба. Они выкрикивали предупреждения, а потом обезвредили Омара с помощью специального средства «ТАЗЕР» (TAZER) и отобрали у него рюкзак. В нем оказалось пустое ведро.

21. После задержания сотрудники полиции сделали Омару предупреждение «по новой форме» (см. § 184 настоящего Постановления) о том, что он не обязан отвечать на вопросы, но всё сказанное им может быть использовано в качестве доказательства, а из его молчания могут быть сделаны выводы не в его пользу, если он не скажет того, что далее может быть использовано в суде. Его спросили, известно ли ему о каких-либо предметах, которые могут причинить кому-то ущерб. Он ответил, что нет. Полицейские, сопровождавшие его в отделение полиции в г. Лондоне, впоследствии дали показания о том, что в машине состоялся небольшой допрос. По их словам, они снова спросили у него, есть ли где-либо предметы, которые могут причинить кому-то вред, и нужно ли сотрудникам полиции искать опасные предметы у него дома, и он

ответил на эти вопросы отрицательно. Позднее во время поездки Омар добровольно сделал следующее заявление:

«Я был на той станции метро во время взрывов. Я не знал, что должен был произойти взрыв, и не хотел никому причинять вреда... Я не изготавливал взрывчатых веществ. Мне велели их забрать. Я пришел в переулок недалеко от магазина и забрал рюкзак».

22. Омара доставили в отделение полиции района Паддингтон Грин (*Paddington Green*) (г. Лондон) в 7.20. В 7.50 он попросил предоставить ему дежурного адвоката. Ему сказали, что он имеет право советоваться с адвокатом, но при осуществлении этого права возможна задержка на срок до 48 часов, если она санкционирована сотрудником полиции в чине не ниже инспектора. В 7.50 старший инспектор Макбрейн (*MacBrayne*) распорядился содержать Омара в изоляции согласно Приложению № 8 к Закону «О терроризме» 2000 года (см. §§ 187 и 189 настоящего Постановления).

23. Вскоре после этого старший инспектор Маккенна (*McKenna*) распорядился провести допрос Омара «в интересах безопасности». Допросом в интересах безопасности называют для краткости безотлагательный допрос для защиты жизни людей и предотвращения крупного имущественного ущерба. Задержанного допрашивают с целью получить информацию, которая может помочь предотвратить причинение вреда населению, например, путем предотвращения других террористических актов. Допрос может проводиться в отсутствие адвоката и до того, как у задержанного появится возможность обратиться за юридической помощью (см. §§ 188–190 и 193–198 настоящего Постановления).

24. Около 8.50 для осмотра Омара был вызван врач, который подтвердил, что подозреваемого можно допрашивать.

25. В 9.00 был проведен краткий допрос в интересах безопасности. Допрос продолжался три минуты и касался главным образом того, не было ли в сумке, брошенной Омаром при задержании, опасных предметов.

26. В 9.15 сотрудник отделения полиции района Паддингтон Грин, занимающийся вопросами содержания под стражей, связался с дежурным адвокатом по поводу Омара. Дежурному адвокату сказали, что с ним свяжутся снова по окончании регистрации задержанного.

27. В 10.06 и 10.14 Омар вновь просил вызвать ему адвоката. Ему сказали, что его просьба будет удовлетворена сразу же по окончании регистрации. Вскоре после этого регистрация закончилась.

28. В 10.24 сотруднику полиции, занимающемуся вопросами содержания под стражей, сказали, что старший инспектор Маккенна разрешил провести еще один допрос в интересах безопасности. Было зафиксировано письменно, что Омар не смог

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 23017. № 3 (примеч. редактора).

воспользоваться юридической помощью на основании того, что перенос допроса повлек бы за собой непосредственную опасность причинения вреда людям или имущественного ущерба и что оказание юридической помощи насторожило бы других подозреваемых, которые еще не были задержаны, а это, в свою очередь, осложнило бы предотвращение террористических актов, задержание и уголовное преследование лиц, причастных к их совершению, и вынесение им обвинительных приговоров. Далее в мотивировочной части решения было сказано следующее:

«Омар подозревается в подрыве самодельного взрывного устройства в... поезде во вторник 21 июля 2005 г. Данный акт являлся частью организованного одновременного теракта с участием по меньшей мере троих человек, которых еще предстоит задержать. Личность одного из этих людей еще не установлена, как и местонахождение троих остальных участников.

Я полагаю, что дом Омара (Кёртис Хаус (*Curtis House*), 58) использовался для производства самодельных взрывчатых веществ. Я подозреваю, что Омар и (как минимум) трое его пособников пытались осуществить “теракт с участием смертников”, уничтожив себя и людей в непосредственной близости от них. Остальные участники данного теракта еще не установлены, и для сохранения и обеспечения безопасности общества их личности обязательно нужно установить, выяснить их местонахождение и задержать их до того, как они попытаются повторить теракты 21 июля. Для предотвращения гибели людей или серьезного имущественного ущерба НЕОБХОДИМО¹ определить непосредственное местонахождение остальных участников, наличие других самодельных взрывных устройств, а также личности и местонахождение ЛЮБЫХ других лиц, причастных к совершению и подготовке террористических актов или подстрекательству к ним, которые связаны с Омаром. Если ждать адвоката и разрешить задержанному консультироваться с ним до начала допроса, прежде чем попытаться выяснить указанные выше факты, это вызовет ненужную задержку в ходе допроса. Рассмотрев требования [Закона “О полиции и доказательствах по уголовным делам” 1984 года] и соответствующих кодексов практических указаний, я считаю подобный порядок действий необходимым и соразмерным. ЛЮБОЙ допрос с участием Омара согласно этому разрешению должен прекратиться, если удастся предотвратить угрозу для жизни людей и безопасности населения.

Выдавая это разрешение, я принял во внимание права Омара, предусмотренные статьей 6 [Конвенции], и считаю его соразмерным и необходимым для обеспечения прав общества в целом, предусмотренных статьей 2 [Конвенции].»

29. После этого были проведены четыре допроса в интересах безопасности продолжительностью около 45 минут каждый с перерывом примерно в 15–20 минут.

30. Допрос в интересах безопасности А² начался в 10.25 и закончился в 11.11. В начале допроса Омару было вынесено предупреждение по старой форме (см. § 182 настоящего Постановления) о том, что он не обязан ничего говорить, но всё, сказанное им может использоваться в качестве доказательства.

31. Допрос в интересах безопасности В начался в 11.26 и закончился в 12.11. В начале допроса Омару сделали предупреждение по старой форме.

32. Около 12.15 для осмотра Омара был вызван врач, который подтвердил, что подозреваемого можно допрашивать.

33. В 12.19 полицейские позвонили дежурному адвокату и рассказали ему о проведении допросов в интересах безопасности.

34. В 12.31 начался допрос в интересах безопасности С. На этот раз Омару сделали предупреждение по новой форме (см. § 184 настоящего Постановления). Допрос закончился в 13.17, и Омару предоставили горячее питание.

35. В 13.35 начался допрос в интересах безопасности D, который предварялся вынесением предупреждения по старой форме. Допрос закончился в 14.20.

36. На допросах в интересах безопасности Омар либо утверждал, что он не узнает остальных подозреваемых по фотографиям в газетах, либо давал неправильное описание того, как он познакомился с некоторыми из них. Он умышленно допускал ошибки, описывая их участие в событиях 21 июля.

37. Тем временем, в 14.15, сотрудник полиции, занимающийся вопросами содержания под стражей, связался с дежурным адвокатом, и тот сказал, что приедет в отделение полиции в 15.30. В 15.40 дежурный адвокат пришел в изолятор, и ему разрешили ознакомиться с протоколом задержания.

38. В 16.08 Омара привели в зал для встречи с дежурным адвокатом. В 16.15 эта встреча была прервана с целью проведения еще одного краткого допроса в интересах безопасности. Данный допрос, который начался в 16.19 и закончился в 16.21, проводился в присутствии адвоката.

(b) Ибрагим

39. Следующим был задержан Ибрагим. Его задержали через два дня, 29 июля 2005 г., в 13.45, на квартире в западной части г. Лондона. В квартире также находился Мухаммед.

40. Ибрагиму было сделано предупреждение по новой форме (см. §§ 21 и 184 настоящего Постановления). Его переодели в комплект для проведения судебно-медицинской экспертизы, и спросили, есть ли в квартире какие-либо вещества, которые могут представлять опасность для

¹ Здесь и далее текст выделен в оригинале Постановления (примеч. редактора).

² Имеются в виду очередность допроса Омара (примеч. редактора).

других лиц. Он ответил на данный вопрос отрицательно. Кроме того, его спросили, имеются ли где-то вещества, о которых полиция должна знать, а он ответил, что полицейские уже знают о «Кёртис Хаус, 58», поскольку они там уже побывали. Он опознал второго человека на квартире в западной части г. Лондона как Мухаммеда. На вопрос о том, находились ли под контролем Мухаммеда вещества, которые могли представлять опасность, он ответил: «Нет, слушайте, я видел свою фотографию, и я был в автобусе, но ничего не делал, я просто был в автобусе». Ему сказали, что с ним побеседуют об этом позже и что всё, что хочет знать полиция, это не находятся ли где-то еще какие-то предметы, которые могут представлять опасность. Ибрагим сказал: «Смотрите, я знаю, что вы пытаетесь привязать нас к 7/7. Я видел это по телевизору. Мы не имеем к ним никакого отношения. Я не знаю этих людей. Я мусульманин. Я не могу говорить неправду. Ну ладно, я действительно был в автобусе, но не имею никакого отношения к 7/7». Сотрудник полиции ответил: «Смотрите, мы не допрашиваем вас на этом этапе ни по одному из этих вопросов».

41. Ибрагим был доставлен в отделение полиции района Паддингтон Грин в 14.20 и попросил помощи дежурного адвоката.

42. В 16.20 ему напомнили о том, что он имеет право на бесплатное получение юридической помощи, и он ответил, что понял сказанному ему. С дежурным адвокатом связались в 16.42. В 17.00 дежурный адвокат позвонила в отделение полиции и попросила позвать к телефону Ибрагима. Ей сказали, что Ибрагим не может подойти к телефону. Адвокат позвонила еще раз в 17.40, и ей ответили, что ее данные передадут сотруднику, отвечающему за проведение расследования, но телефонный разговор невозможен из-за отсутствия свободных комнат для встреч.

43. В 18.10 старший инспектор Макбрейн велел безотлагательно провести допрос в интересах безопасности и распорядился содержать Ибрагима в изоляции. Как поясняется в протоколе задержания, в реализации его права на получение юридической помощи произошла задержка, поскольку имелись убедительные основания полагать, что перенос допроса повлечет за собой непосредственную опасность причинения вреда для здоровья и жизни людей или серьезного имущественного ущерба и что это насторожит других, еще незадержанных подозреваемых в совершении террористического акта, затруднит предотвращение террористического акта, а также задержание, преследование и вынесение обвинительного приговора в связи с террористическими актами. В протоколе принятое решение было подробно обосновано следующим образом:

«ИБРАГИМ подозревается в том, что он привел в действие самодельное взрывное устройство

на транспорте в г. Лондоне во вторник 21 июля 2005 г. Это было частью организованного одно-временного теракта с привлечением еще по меньшей мере троих человек, и, как я полагаю, это был “теракт с участием смертников”, а исполнители планировали убить себя и множество других людей. Общее количество участников терактов еще не установлено, и по большей части могут оставаться другие подозреваемые... На данном этапе неизвестно, сколько было произведено взрывчатых веществ, где могут находиться их остатки, и находятся ли они под контролем лица или лиц, которые еще могут совершить аналогичный террористический акт.

Для сохранения и обеспечения безопасности общества необходимо, чтобы были приняты все соответствующие меры по выявлению, установлению местонахождения и задержанию всех остальных подозреваемых до того, как они попытаются повторить теракты 21 июля. Следует принять все необходимые меры по задержанию лиц, причастных к совершению и подготовке террористических актов по данному вопросу, а также подстрекавших к их совершению, по предотвращению угрозы жизни людей и существенного имущественного ущерба. Если ожидать адвоката и разрешить консультироваться с ним до начала допроса, прежде чем попытаться установить указанные выше факты, это вызовет ненужную задержку в ходе допроса. Приняв во внимание требования [Закона “О полиции и доказательствах по уголовным делам” 1984 года] и соответствующих кодексов практических указаний, я считаю данный порядок действий необходимым и соразмерным. ЛЮБОЙ допрос с участием Ибрагима согласно этому разрешению должен прекратиться, когда опасность для жизни людей и безопасности населения удастся предотвратить.

Выдавая это разрешение, я принял во внимание права Ибрагима, предусмотренные статьей 6 [Конвенции]... и считаю его соразмерным и необходимым для обеспечения прав общества в целом, предусмотренных статьей 2 [Конвенции]».

44. В 19.00 другой адвокат позвонила в отделение полиции и попросила позвать к телефону «Ибрагима Муктара Саида». Ей сказали, что в отделении полиции не содержится человека с таким именем. В 19.45, когда было установлено, что Ибрагим находится в отделении полиции, ей позволили и сказали, что его интересы уже представляет дежурный адвокат. Тем временем Ибрагим был осмотрен судебно-медицинским экспертом и получил горячее вегетарианское питание.

45. В 19.58 Ибрагима вызвали из камеры на допрос в интересах безопасности. В начале допроса ему сделали предупреждение по новой форме (см. §§ 21 и 184 настоящего Постановления). На допросе ему зачитали замечания сотрудников полиции относительно того, что он сказал при задержании, но Ибрагим отказался от комментариев по поводу этих замечаний и от их подписания. Его спросили, хранятся ли у него где-либо такие материалы, как взрывчатые вещества или химикаты. Он ответил, что не знает, где могут храниться подобные мате-

риалы, и что ему неизвестно о планируемых террористических актах, которые могут представлять угрозу для общества. Он сообщил сотрудникам полиции, что ничего не знает о взрывчатых веществах и не связан с террористическими группировками. Когда на него надавили, спросив, знает ли он что-то о других людях, иных устройствах и планах, Ибрагим ответил, что не имеет дела со взрывчатыми веществами и не знает никого, кто связан с ними. Когда его спросили о том, нет ли у него потенциально опасных предметов, он ответил, что, если бы он что-то знал, он рассказал бы об этом полиции. Он повторил, что ему ничего не известно о взрывчатых веществах и он не знает никого, кто планировал бы теракты с участием смертников. Он добавил, что не знает никого, кто имеет дело со взрывчатыми веществами, представляет опасность для общества или планирует террористические акты. Ибрагим признал, что знаком с Омаром, но заявил, что не знает двух других участников событий 21 июля, чьи фотографии были показаны по телевизору. Он пояснил, что не знает никого, кто, насколько ему известно, участвовал в рассматриваемых событиях. Ибрагим утверждал, что Мухаммед – это не тот человек, который был бы готов сделать нечто подобное. Допрос в интересах безопасности закончился в 20.35.

46. Тем временем, в 20.00, второй адвокат связался с сотрудником полиции, занимающимся вопросами содержания под стражей, и в журнале содержания под стражей появилась запись о том, что представлять интересы Ибрагима хотят два адвоката. В 20.15 второй адвокат позвонил снова и еще раз сказал, что хочет поговорить со своим клиентом.

47. В 20.45 дежурный адвокат пришел в отделение полиции. Ибрагим спал и встретился с адвокатом в 22.05. Примерно через час Ибрагим заявил, что на данном этапе он не хочет пользоваться услугами второго адвоката.

48. На последующих допросах, проводившихся во время содержания Ибрагима под стражей в присутствии адвоката, он воздержался от комментариев.

(с) Мухаммед

49. Последним из троих подозреваемых был задержан Мухаммед. Это произошло 29 июля, в 15.22, в той же квартире в западной части г. Лондона, где был задержан Ибрагим. Мухаммеду сделали предупреждение по новой форме (см. §§ 21 и 184 настоящего Постановления). Его спросили, есть ли в квартире предметы, которые могут представлять опасность для сотрудников полиции или других людей. Он ответил, что «нет».

50. Мухаммеда доставили в отделение полиции района Паддингтон Грин в 16.29. В 16.39 он попросил помощи дежурного адвоката, и началась процедура дознания. В 17.05 сотрудник, занимаю-

щийся вопросами содержания под стражей, попросил компетентных сотрудников разъяснить ему, необходимо ли содержать Мухаммеда в изоляции, и в 17.48 соответствующее разрешение было получено.

51. В это же время старший инспектор Макбрейн разрешил провести допрос в интересах безопасности. В протокол были занесены причины задержки в получении юридической помощи. Инспектор указал, что, по его мнению, перенос допроса повлек бы за собой непосредственную опасность причинения вреда для жизни и здоровья людей или серьезного имущественного ущерба, что это насторожило бы других, еще незадержанных подозреваемых и, таким образом, осложнило бы предотвращение террористического акта, задержание, преследование и вынесение обвинительного приговора в связи с совершением или подготовкой террористического акта или подстрекательством к его совершению. Подробные основания по сути ничем не отличались от оснований, приведенных при допросе Ибрагима (см. § 43 настоящего Постановления).

52. В 18.59 сотрудник полиции, занимающийся вопросами содержания под стражей, позвонил дежурному адвокату. В 19.16 завершился досмотр, и в 19.19 Мухаммед подписал протокол задержания, в котором указывалось, что он хочет при первой же возможности поговорить с адвокатом. В 19.34 ему сказали, что он содержится в изоляции, и через какое-то время ему разрешат вернуться в свою камеру, чтобы помолиться.

53. Около 20.00 дежурные адвокаты пришли в отделение полиции района Паддингтон Грин, подойдя к стойке регистрации.

54. В 20.14 допрос Мухаммеда в интересах безопасности начался в отсутствие адвоката. Ему сделали предупреждение по новой форме (см. §§ 21 и 184 настоящего Постановления). Мухаммеду сказали, что он подозревается в причастности к совершению террористических актов 21 июля и что полиция беспокоится о безопасности своих сотрудников и других людей. В связи с этим полиции нужна информация о том, какие еще остались взрывчатые вещества, которые могут причинить вред населению в ближайшем будущем, и о людях, у которых они хранятся. Он ответил, что не имеет никакого отношения к событиям 21 июля и ничего о них не знает. Мухаммед не опознал предполагаемых террористов по фотографиям, которые он видел в средствах массовой информации, и не знает, где искать взрывные устройства. Допрос в интересах безопасности закончился через восемь минут, в 20.22.

55. Дежурные адвокаты пришли в изолятор в 20.40 и встретились с Мухаммедом в 21.45. Данная задержка отчасти была вызвана тем, что Мухаммед просил дать ему время, чтобы помолиться и сделать перерыв на ужин.

56. Через два дня, 31 июля 2005 г., Мухаммеда допросили повторно, на этот раз в присутствии адвоката. В начале допроса адвокат зачитал следующее заявление Мухаммеда:

«Я не террорист и не имею никакого отношения к террористическим актам, в частности, тем, которые произошли 21 июля и 7 июля 2005 г.».

57. После этого Мухаммед воспользовался своим правом хранить молчание.

2. Суд над первыми тремя заявителями

58. Первым трем заявителям были предъявлены обвинения в сговоре с целью убийства. В сентябре 2006 года были получены письменные возражения против обвинения. В своих возражениях против обвинения Омар пояснил, что они вместе с Ибрагимом задумали сделать устройство, которое внешне напоминало бы взрывное, но производило бы только шум. Омар признал, что он принимал участие в изготовлении устройств, приведенных в действие 21 июля 2005 г., и являлся одним из тех лиц, кто взорвал бомбы в метро.

59. Ибрагим в своих возражениях против обвинения признал, что он точно знал, как сделать ТАТП и концентрированную перекись. Он сознался, что приобрел большую часть компонентов для изготовления бомб, которые, по его словам, делали так, чтобы они не взрывались, а лишь вызывали шум, поскольку ТАТП было недостаточно для активации основного заряда. Он рассказал о встрече с Омаром, Мухаммедом и Османом 19 июля 2005 г. по адресу: Кёртис Хаус, 58, – и объяснил, что Мухаммеду и Осману передали компоненты, которые должны были использоваться при изготовлении устройств. Ибрагим утверждал, что взрыв устройства в автобусе был его ошибкой, так как он не смог привести его в действие в метро, поскольку вокруг было слишком много народа и его бегство могло быть затруднено.

60. Мухаммед в своих возражениях против обвинения признал, что он являлся одним из лиц, взорвавших бомбы в метро. Он заявил, что переносил устройство, но утверждал, что получил его от Ибрагима, который сказал, что оно лишь производит шум и его нужно заложить под поезд метро, чтобы привлечь как можно больше внимания. Мухаммед пояснил, что он помог перенести некоторое количество перекиси водорода, используемой в производстве устройств, и что 21 июля 2005 г. он смешал перекись водорода с мукой и поместил ее в контейнер, а затем добавил туда металлические шайбы и шурупы.

61. Суд над первыми тремя заявителями по обвинению в сговоре с целью убийства начался в Вулвичском суде короны 15 января 2007 г. под председательством судьи Фулфорда (Fulford) и с участием присяжных. Заявители предстали перед судом вместе с Османом, Асиеду (см. § 15

настоящего Постановления), Аделем Яхия (Adel Yahya) (которому было предъявлено обвинение в том, что он участвовал в основной подготовке террористических актов). Суд продолжался семь месяцев.

62. На суде заявители, как указано в их возражениях против обвинения, ссылались в свою защиту на то, что они были причастны к событиям 21 июля 2005 г. и привели в действие взрывные устройства, но они не преследовали цели убить людей, а хотели лишь устроить имитацию взрыва в знак протеста против войны в Ираке. Бомбы были изготовлены таким образом, чтобы они выглядели реалистично и произвели шум, когда их приведут в действие, но их специально сделали так, чтобы основной заряд не взорвался.

63. Главный вопрос на суде заключался в том, почему устройства не взорвались: из-за того, что этого сознательно добивались изготовители (в этом случае заявителей нельзя было считать виновными в сговоре с целью убийства), или вследствие ошибки в изготовлении устройств, как утверждала сторона обвинения. Сторона обвинения опровергала возражения заявителей относительно того, что события 21 июля планировались как проведение имитация взрыва, опираясь на их показания на допросах в интересах безопасности.

(а) Использование показаний, данных на допросах в интересах безопасности

64. Первые три заявителя утверждали, что использование их показаний на допросах в интересах безопасности в отделении полиции настолько негативно повлияло бы на справедливость разбирательства дела, что от использования этих показаний следовало отказаться согласно статье 78 Закона «О полиции и доказательствах по уголовным делам» 1984 года (см. § 201 настоящего Постановления). Адвокат Омара согласился с тем, что у сотрудников полиции имелись веские основания проводить допросы так, как они проводились. Адвокат Ибрагима утверждал, что предупреждение по новой форме предполагает элемент принуждения и что допрос его подзащитного в интересах безопасности вышел за рамки целей обеспечения безопасности. Адвокат Мухаммеда заявил, что причины, по которым было принято решение провести допрос его подзащитного в интересах безопасности, не могли являться убедительными ввиду основополагающего характера права на помощь адвоката. Он усомнился в том, являлся ли вообще допрос Мухаммеда по соображениям безопасности безотлагательным допросом, и утверждал, что по содержанию данный допрос вышел за рамки необходимых мер для обеспечения безопасности населения.

65. Была проведена предварительная проверка допустимости доказательств (*voir dire*), «разби-

рательство в рамках разбирательства». Поскольку Омар не оспаривал законность допросов в интересах безопасности и порядок их проведения, обвинение не должно было представлять в связи с этим каких-либо доказательств. Все проведенные допросы и, в частности, его показания на допросах в интересах безопасности были восприняты как прочитанные. Аналогичным образом поступили и с показаниями старшего инспектора Маккенна, руководящего сотрудника полиции, отвечавшего за проведение расследования, и соответствующими выписками из журнала содержания под стражей. В частности, были заслушаны показания старшего инспектора Макбрейна, проводивших допросы сотрудников полиции и надзирателя из отделения полиции района Паддингтон Грин. Кроме того, судья заслушал выступления адвокатов.

66. Показания старшего инспектора Маккенна были представлены в виде заявления от 5 октября 2006 г. в следующем виде:

«В течение нескольких часов после событий 21 июля следствие установило предполагаемые личности трех из четырех основных подозреваемых. За эти первые дни расследование осложнилось из-за ряда факторов, в частности: в субботу 23 июля было обнаружено еще одно заложенное самодельное взрывное устройство (далее – СВУ)... это означало, что, возможно, имелся пятый, неустановленный подозреваемый. В то время было обнаружено помещение в г. Энфилде (*Enfield*), связанное с двумя известными подозреваемыми. Поблизости от этого помещения было найдено большое количество веществ-прекурсоров. Количество этих веществ, по-видимому, значительно превышало то, которое требовалось для изготовления СВУ, использованных в терактах 21 июля. Вероятно, подозреваемые в событиях 21 июля получали после этих терактов существенную помощь от других неустановленных лиц.

Совокупное воздействие вышеизложенных факторов заключается в том, что необходимость установить личности и местонахождение всех участников событий 21 июля стала основным приоритетом расследования. Существуют весьма реальные опасения того, что может быть организован еще один теракт либо участниками событий 21 июля, либо иными лицами, действующими отдельно, но под контролем тех же лиц или в сговоре с подозреваемыми в совершении терактов 21 июля».

67. Старший инспектор Макбрейн заявил, что, когда он давал разрешение отложить получение Ибрагимом юридической помощи, он знал, что адвокаты находятся на связи с изолятором. В своем решении об отложении предоставления юридической помощи он принял во внимание возможную продолжительность консультаций, но не учел возможность поговорить с адвокатом по телефону. Что касается задержки с разрешением провести допрос в интересах безопасности и начать допрос Ибрагима, старший инспектор Макбрейн пояснил, что момент начала допроса сотрудники полиции

выбирают по своему усмотрению. После того, как он дал разрешение провести допрос безотлагательно, при таких обстоятельствах нельзя было ожидать, что он постоянно будет возвращаться к этому вопросу и определять момент начала допроса: некоторые решения сотрудники отделения полиции принимают самостоятельно. Старший инспектор Макбрейн согласился с тем, что до начала допроса Ибрагима в интересах безопасности с ним могли бы встретиться адвокаты, но отметил, что, как показывает его опыт, такие встречи могут сильно затянуться. Он согласился, что встречу с адвокатом можно было прервать или ограничить по времени. Относительно допроса Мухаммеда в интересах безопасности старший инспектор Макбрейн указал, что на момент начала данного допроса необходимость задавать вопросы была столь же настоятельной, как и в момент выдачи разрешения на его проведение. Старший инспектор Макбрейн пояснил, что он разрешил сотрудникам отделения полиции самостоятельно принять решение по поводу конкретного времени проведения допроса.

68. В подробном постановлении по результатам предварительной проверки допустимости доказательств судья первой инстанции пришел к выводу, что показания на допросах в интересах безопасности можно использовать в суде. Прежде всего судья сослался на то, как старший инспектор Маккенн объяснил ситуацию, в которой он оказался (см. § 66 настоящего Постановления). Кроме того, судья установил, сколько помещений имелось в изоляторе отделения полиции района Паддингтон Грин, где содержались заявители после задержания и где проходили допросы в интересах безопасности. Он отметил, что в расследовании попытки взорвать бомбы были задействованы все помещения для содержания под стражей. В них были 22 камеры, кабинеты для медицинского и судебно-медицинского тестирования и четыре комнаты для встреч подозреваемых и их адвокатов. Однако на момент допросов Ибрагима и Мухаммеда в интересах безопасности в отделении полиции содержались 18 человек, подозреваемых в терроризме.

69. Судья тщательно рассмотрел обстоятельства задержания каждого заявителя и их допросов в интересах безопасности. Рассмотрев сначала дело Омара, он отметил, что адвокат Омара не утверждал, будто на допросах использовались методы принуждения. Напротив, по его словам, адвокат согласился с тем, что допросы были необходимы и проводились справедливо. Судья отметил следующее:

«...30. По всем существенным вопросам нужно признать, что Омар с самого начала не стал говорить правду на этих допросах, в результате чего он ничем не помог полиции в попытках обеспечить безопасность общества. Фактически он занял прямо противоположную позицию...».

70. Судья отметил, что, отвечая на вопросы, заданные с целью защиты населения, Омар добро-

вольно сообщил очень много вводящих в заблуждение сведений. Он ни разу не дал показаний против самого себя, а вместо этого много лгал для своего оправдания. Сотрудники полиции сосредоточились на вопросах, которые могли бы установить информацию, важную для того, чтобы помочь им установить местонахождение людей или предметов, потенциально опасных для общества. Несмотря на то, что допросы были длительными, адвокаты не предполагали, что полиция вышла за рамки необходимости, и признали, что ход допросов отвечал логике защиты общества.

71. В отношении Ибрагима судья подробно рассмотрел обстоятельства его задержания и допросов и отметил:

«...48. ...Были задержаны 18 человек. Все они были задержаны по подозрению в причастности к событиям 21 июля... В целом создается впечатление чрезвычайно большой загруженности отделения полиции, и я без колебаний признаю, что не было практической возможности организовать телефонный разговор между [дежурным адвокатом] и Ибрагимом, когда адвокат дважды звонила в отделение... Очевидно, что сержанты, отвечающие за содержание под стражей, отдали предпочтение личным встречам... и было нереально, чтобы оказалась свободна комната с телефонным разъемом для разговоров с адвокатами по телефону. [Сержант, занимавшийся вопросами содержания под стражей], допустил, однако, что коммуникации были прерваны тем, что проводившим допрос сотрудникам рассказали о попытках [дежурного адвоката] связаться с Ибрагимом по телефону».

72. Судья отметил, что полиция подходила к вопросу о необнаруженных предметах с разных сторон, но Ибрагим каждый раз утверждал, что ему неизвестно о планируемых в будущем нападениях и спрятанных взрывчатых веществах.

73. Затем судья рассмотрел обстоятельства задержания Мухаммеда и его допросов в полиции. В отношении того, сколько времени прошло с момента его доставления в отделение полиции и начала его допроса в интересах безопасности, судья сослался на показания старшего инспектора Макбрейна (см. § 67 настоящего Постановления).

74. Далее судья первой инстанции сослался на правовые нормы по вопросу о получении задержанными юридической помощи согласно законодательству по борьбе с терроризмом (см. §§ 188–190 и 193–198 настоящего Постановления), из которых ясно следует, что при допросе подозреваемого в отсутствие адвоката ему нужно делать предупреждение по старой форме, так как пункт 2А статьи 34 Закона «О правосудии по уголовным делам и общественном порядке» 1994 года запрещает делать неблагоприятные выводы из молчания подозреваемого, если у того нет возможности получить юридическую помощь (см. § 195 настоящего Постановления). Однако, по мнению судьи, из этого не следует, что суд не может использовать

заявления, сделанные подозреваемым во время допросов, в том числе, и ложные. Как указал судья, присяжным, во-первых, скажут, что, вопреки предупреждению по новой форме, которое иногда производилось, нельзя делать неблагоприятных выводов на основании того, что на допросах заявители не упоминали об обстоятельствах, на которые они впоследствии ссылались на суде, а, во-вторых, они должны учитывать, что подозреваемым делались неправильные предупреждения.

75. Далее судья перешел к анализу прецедентной практики судов Соединенного Королевства и Страсбургского суда по вопросу о возможности получения юридической помощи и праве хранить молчание, сославшись на Постановление Европейского Суда по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства» (John Murray v. United Kingdom) от 8 февраля 1996 г., *Reports* 1996-I, Постановление Европейского Суда по делу «Кондрон против Соединенного Королевства» (Condron v. United Kingdom), жалоба № 35718/97, § 60, *ECHR* 2000-V, Постановление Европейского Суда по делу «Маги против Соединенного Королевства» (Magee v. United Kingdom), жалоба № 28135/95, *ECHR* 2000-VI, и Постановление Европейского Суда по делу «Аверилл против Соединенного Королевства» (Averill v. United Kingdom), жалоба № 36408/97, *ECHR* 2000-VI. Далее судья отметил следующее:

«...129. На мой взгляд, из этих дел Европейского Суда можно сделать следующие выводы. Прежде всего в юридической помощи может быть отказано по уважительным причинам на первых стадиях допросов, если условия проведения допросов не являются слишком сдерживающими (дело «Маги против Соединенного Королевства»), а ее получение не откладывается слишком надолго (дело «Джон Мюррей против Соединенного Королевства»). Кроме того, допрос подозреваемого, которому было отказано в юридической помощи и сделано предупреждение по новой форме, не играет решающей роли при определении того, было ли по делу допущено нарушение статьи 6 [Конвенции] (дело «Аверилл против Соединенного Королевства»). Скорее, суд должен рассмотреть обстоятельства дела в целом и то, как используются доказательства (в том числе делаются ли при этом неблагоприятные выводы). Соответственно, если в целом обстоятельства не причинили неправомерного ущерба правам подсудимого, многое будет зависеть от указаний, которые получают присяжные относительно того, как они должны воспринимать молчание или высказывания подозреваемого в этих обстоятельствах. Как Европейский Суд дал понять в Постановлении по делу «Аверилл против Соединенного Королевства», требуется проявлять значительную осторожность, когда значение придается тому, что человек, задержанный в связи с совершением тяжкого преступления, которому отказали в праве воспользоваться услугами адвоката на первых стадиях допроса, определенным образом отвечает на задаваемые ему вопросы или, как в том деле, не отвечает на них вообще. Необходимость проявлять осторожность

не исчезает просто потому, что обвиняемому в итоге разрешают встретиться со своим адвокатом, а он потом отказывается отвечать на вопросы. Присяжным следует делать серьезное и продуманное предупреждение, что они должны принимать во внимание все обстоятельства, имеющие отношение к делу. Они должны были отменить все разумные (“невинные”) объяснения молчания обвиняемого или его заявлений, прежде чем рассматривать возможность использования этих материалов против него, и присяжным следовало сказать, чтобы они постарались не придавать этим доказательствам несоразмерного значения».

76. Судья первой инстанции пришел к выводу, что применимый кодекс практических указаний (см. §§ 181–185 настоящего Постановления) и предупреждение были направлены прежде всего на то, чтобы защитить обвиняемого от дачи показаний против самого себя (предупреждения и по старой, и по новой форме), а также предупредить его о возможных последствиях отказа отвечать на вопросы (оба предупреждения) и о вреде, который может быть причинен его позиции, если он не заявит о фактах, на которых он впоследствии будет строить свою защиту на суде (предупреждение по новой форме). Ни кодекс, ни предупреждение не преследовали цель защиты подсудимых от ложных показаний. Судья пояснил:

«...134 ...Я признаю, что, если адвокат напоминает обвиняемому о его моральной обязанности говорить правду, это может помочь обвиняемому, однако, на мой взгляд, на этом основании нельзя предположить, что данные на допросе показания обязательно являются недопустимыми доказательствами, поскольку подозреваемый не имел возможности посоветоваться с адвокатом, который не участвовал в допросе по уважительной причине и который мог бы сказать своему подзащитному, что он не должен обманывать полицию. Во-вторых... нельзя сказать, что использование предупреждения по новой форме побудило кого-то из этих трех подсудимых рассказать о доводах своей защиты таким образом, чтобы избежать каких-либо неблагоприятных выводов во время судебного разбирательства. Вместо этого они дали ложные показания...».

77. Судья пришел к выводу, что, хотя он и придал значение отсутствию адвоката на допросах в интересах безопасности и использованию предупреждения не по той форме, не было допущено существенной несправедливости и значительно нарушения права заявителей на справедливое разбирательство дела. Далее он перешел к рассмотрению конкретных особенностей производства по делам каждого из трех заявителей.

78. Относительно Омара судья отметил, что он был первым задержанным из тех, кто взрывал устройства, а значит, представлял особенно высокий интерес для следователей. Судья установил, что допросы в интересах безопасности были проведены тщательно и что сразу же по их завершении у Омара появилась возможность воспользоваться помощью адвоката. На допросах не использова-

лись методы давления или принуждения, это признал и адвокат Омара. Несмотря на то, что адвокат прямо не выдвигал данного довода, судья далее отметил отсутствие законных оснований для обжалования общей продолжительности допросов: на допросе Омар рассказал сотрудникам полиции, что он не причастен к предполагаемым преступлениям, хотя далее по ходу допроса выяснилось, что он знал некоторых участников и был в курсе конкретных событий. Судья также отметил:

«...141. Вопрос о том, должны ли такого рода допросы быть краткими, длинными или средней продолжительности, зависит от всех обстоятельств дела. Учитывая важнейшие вопросы, о которых шла речь, необходимость сохранить жизнь и здоровье людей и предотвратить причинение серьезного имущественного ущерба, сотрудники полиции были вправе оказывать давление и изучать вопрос как и на любом традиционном допросе, поскольку, как давно показывает практика, несмотря на то, что вначале могут быть получены бесполезные ответы, а систематические, но спрavedливые допросы могут прояснить подробности, о которых допрашиваемый не хочет или не может рассказать с самого начала. Этот обмен информацией часто происходит естественным образом, и, хотя **причины**, по которым задаются вопросы, должны заключаться только в обеспечении безопасности населения, **суть** задаваемых вопросов может по необходимости затрагивать посторонние на первый взгляд вещи, чтобы сотрудники полиции могли подойти к конкретному вопросу о “безопасности” с нескольких разных точек зрения (текст выделен в оригинале)».

79. Хотя предупреждение по новой форме, сделанное в начале допроса в интересах безопасности С (см. § 34 настоящего Постановления), повлекло за собой нарушение применимого кодекса практических указаний, судья отметил, что это не повлияло на позицию Омара на допросе. Он продолжал говорить неправду, соответствующую его заявлениям на допросах в интересах безопасности А и В, во время которых ему было сделано предупреждение по правильной форме (см. §§ 30–31 настоящего Постановления). Предупреждение по новой форме не заставило его дать показания против самого себя.

80. Относительно Ибрагима судья напомнил, что к тому времени, как его доставили в отделение полиции района Паддингтон Грин, в изоляторе содержались 18 подозреваемых. Все они были задержаны согласно законодательству о терроризме в связи с терактами 21 июля (см. § 71 настоящего Постановления). Далее судья указал:

«...143. ...Сотрудники полиции оказались в уникальных и чрезвычайно сложных обстоятельствах. Они должны были обеспечить, чтобы подозреваемые не контактировали и не общались между собой, а к тем, кто, как Ибрагим, мог дать “ценные показания”, принимались комплексные процессуальные меры для того, чтобы эти показания не были утрачены или скомпрометированы. Его доставили в отделение полиции

района Паддингтон Грин в специальной одежде, а процедура регистрации закончилась только в 16.12–16.20. Во время данной процедуры у него не было практической возможности поговорить с адвокатом. В 17.00 и 17.40, когда звонил дежурный адвокат, были заняты обе комнаты, где имелись подходящие телефонные разъемы. Решение о проведении допроса в интересах безопасности было внесено в журнал содержания под стражей в 18.10, а в 19.58 Ибрагима вызвали из камеры на допрос в интересах безопасности. Из имеющихся доказательств очевидно, что произошел разрыв в передаче информации, так как сотрудникам полиции, которые вели расследование и проводили допрос... не сообщили, что [дежурный адвокат] пытался поговорить с Ибрагимом начиная с 17.00. Далее Макбрейн решил не переносить допрос, чтобы предоставить адвокату возможность приехать в отделение полиции и лично встретиться со своим подзащитным до начала допроса, поскольку эта встреча могла занять много времени. Если не считать опасности переноса допроса, в принципе Макбрейн не возражал против того, чтобы Ибрагим встретился с адвокатом до начала допроса в интересах безопасности.

144. Несмотря на то, что полицейские могли бы ограничить встречу с адвокатом в отделении полиции по времени, эту возможность Макбрейн не рассматривал, я убежден, что решение провести допрос в интересах безопасности, не дожидаясь, пока [дежурный адвокат] приедет в отделение полиции района Паддингтон Грин, было абсолютно рациональным. При имевшихся обстоятельствах тщательная консультация не могла занять несколько минут, действительно, для того, чтобы встреча с адвокатом, который не был знаком с делом, принесла реальную пользу, она должна была продолжаться достаточно длительно. Я признаю, что [дежурный адвокат], офис которого находится чуть далее двух миль от отделения полиции, мог приехать быстро, и что теоретически личная встреча могла состояться с 18.10 до 19.58. Однако на полицейских оказывалось исключительное давление. Было непонятно, когда будет допрошен каждый из 18 подозреваемых, учитывая нехватку помещений, было много желающих воспользоваться четырьмя имеющимися комнатами для встреч адвокатов со своими клиентами, и при всех этих обстоятельствах вполне можно понять, почему ни один полицейский не подумал, что было время попросить [дежурного адвоката] приехать на встречу с Ибрагимом до начала допроса в интересах безопасности. Макбрейн дал разрешение на проведение допроса в интересах безопасности в 18.10, и я не думаю, что при таких обстоятельствах непредсказуемая задержка с проведением допроса до 19.58 представляет собой нарушение прав Ибрагима посоветоваться с адвокатом “при первой же возможности”. Если определять, как нужно было себя вести в этот совершенно необычный день, бездействие при организации личной встречи в течение менее двух часов или даже в течение более долгого срока после первого телефонного звонка дежурного адвоката не было лишено оснований. Эти права необходимо рассматривать не изолированно, а с учетом сложившейся на тот момент ситуации».

81. Однако судья пришел к выводу, что с 17.00 по 19.58 должна была иметься возможность обе-

спечить, чтобы дежурный адвокат мог связаться с Ибрагимом по телефону, и, соответственно, счел, что в этом узком смысле Ибрагиму было несправедливо отказано в получении юридической помощи по телефону. Однако судья заключил, что такая ошибка не причинила существенного ущерба его правам на защиту, указав следующее:

«...145. Это нарушение его прав не имело большого значения: [дежурный адвокат], впервые разговаривая с Ибрагимом по телефону, не смогла бы дать ему подробные и компетентные рекомендации и оказать ему существенную помощь по поводу решения, которое тот должен был принять. Несмотря на то, что у этого подсудимого выбор был несложен, [дежурному адвокату] нужно было бы понять основные исходные обстоятельства во всей полноте, прежде чем она смогла бы дать Ибрагиму полезный совет по поводу имеющихся у него вариантов. Она могла бы дать ему совет в отношении его прав, но, если не считать вопросов, связанных с неправильным использованием предупреждения по новой форме, его основные права уже были ему понятны: он имел право на получение юридической помощи (при осуществлении которого имела место задержка по причинам безопасности населения), имел право хранить молчание, а всё, что он скажет, могло быть использовано в качестве доказательства его виновности. Ничто не указывает на то, что он не понимал этих простых вещей».

82. Судья вновь отметил, что использование предупреждения по новой форме в начале допроса в интересах безопасности было ошибкой, но счел, что ошибочное использование этого предупреждения было очевидным и совершенно понятным недосмотром проводивших допрос полицейских из-за исключительного давления, с которым они столкнулись в своей работе. По уже изложенным выше соображениям (см. § 78 настоящего Постановления) он отклонил предположение о том, что, когда допрашиваемый давал ответ на тот или иной конкретный вопрос, полицейский должен был отказаться от дальнейшего исследования этого вопроса на допросах в интересах безопасности. Подобный подход, по его словам, мог представлять собой невыполнение полицейскими своих должностных обязанностей. По его мнению, до тех пор, пока допрос оставался справедливым и ставил своей целью рассмотрение вопросов безопасности, полицейские имели право оказывать давление и расспрашивать, пытаясь получить ценные сведения, важные для защиты населения. Они не должны были принимать на веру то, что сказал задержанный, и соглашаться с его заявлениями, а расследование его мотивов и отношения к терроризму могло иметь важное значение для выяснения того, сохраняется ли опасность для общества. Судья установил, что допрос Ибрагима в интересах безопасности был кратким, и не предполагалось, что в ходе данного допроса применялись методы принуждения. Он отметил, что задаваемые вопросы не выходили за рамки правомерных вопросов

в интересах безопасности и что Ибрагим встретился с адвокатом примерно через семь с половиной часов после того, как он впервые об этом попросил. Наконец, как отметил судья, Ибрагим согласился с допустимостью разговора, состоявшегося после его задержания (см. § 40 настоящего Постановления), хотя содержание этого разговора является спорным.

83. Относительно Мухаммеда судья отклонил довод о том, что проведение допроса в интересах безопасности не имело под собой объективных оснований. Он выразил уверенность в том, что имел место добросовестный допрос в интересах безопасности и что полицейские были вправе прийти к выводу, что единственный вопрос, заданный Мухаммеду при задержании, недостаточно исследовал потенциальную угрозу. Судья вновь подчеркнул, что оставшиеся взрывчатые вещества и участники сговора представляли существенную опасность для общества, и счел «совершенно обоснованным» проведение допроса в интересах безопасности безотлагательно, без задержки, которую вызвало бы обеспечение ему доступа к адвокату. Судья повторил, что получение на этом этапе полноценных консультаций адвокатов, ранее не участвующих в деле, по всей вероятности, потребовало бы много времени.

84. Судья отметил, что у Мухаммеда не было возможности получить юридическую помощь в течение около четырех часов. За этот период его допрашивали в течение восьми минут. Отсутствуют какие-либо указания на то, что допрос проходил с использованием методов принуждения. Если не считать факта допроса и формулировок предупреждения по новой форме, не представлено доказательств того, что на него оказывали какое-либо давление. Судья отметил, что позиция Мухаммеда на допросе заключалась в том, что он совершенно непричастен к событиям 21 июля и что, хотя полицейские спрашивали его об этом в течение короткого и совершенно обоснованного срока, он решительно утверждал, что не может сообщить ничего важного. Судья выразил уверенность в том, что данный короткий допрос не вышел за предусмотренные законом рамки и цели допроса в интересах безопасности, а, напротив, был целенаправленным и проводился с соблюдением всех установленных требований.

85. Относительно справедливости производства по делу судья с учетом проведенного им анализа обстоятельств дела начал с того, что процитировал фрагменты постановления Палаты лордов Соединенного Королевства, в котором лорды сослались на «треугольник интересов», которые следует принимать во внимание: позицию обвиняемого, потерпевших и их семей и общества. Кроме того, лорды сослались на то, что отдельные права не следует воспринимать так, как если бы ими пользовались изолированно, и что зада-

чей статьи 6 Конвенции не является уничтожение практической возможности привлечения обвиняемых в совершении преступлений к ответственности. Далее судья отметил следующее:

«...158. Данные фрагменты, на мой взгляд, отражают критически важный аспект подхода, которому должен следовать суд, определяя последствия отказа от использования доказательств в связи с предполагаемой несправедливостью. Разбирательство должно быть справедливым, а судьи обязаны обеспечивать, чтобы оно не было скомпрометировано использованием доказательств, которые сведут на нет эту цель. Однако доказательства, отказа от использования которых добывается подсудимый, не следует оценивать изолированно, и суд не должен применять каких-то жестких формул, игнорируя тем самым истинный контекст оспариваемых материалов. По этим материалам от суда требуется осуществлять свободу усмотрения, а это обычно достигается лишь тогда, когда учитываются все доказательства, имеющие отношение к делу. Результат рассмотрения дела не предопределен заранее, и в каждом случае всё зависит от того, как соответствующие принципы применяются к конкретным обстоятельствам дела...».

86. Судья подчеркнул, что в Соединенном Королевстве и Европе право на адвоката признается важной гарантией интересов обвиняемого, отказ в которой допускается лишь в исключительных случаях. Если допрос подсудимого, попросившего обеспечить ему встречу с адвокатом, состоялся до этой встречи, от суда требуется очень тщательно изучать обстоятельства дела.

87. По мнению судьи, довод о том, что предложение принять участие в допросах в интересах безопасности поставило заявителей перед трудноразрешимыми задачами, заслуживает тщательного анализа. Однако он пришел к выводу, что эти задачи не исключали друг друга и не противоречили друг другу. По его мнению, три заявителя должны были принять «непростое, но ясное решение»: они могли или помочь сотрудникам полиции узнать то, что, как им сказали, могло быть использовано против них, или защитить себя и ничего не говорить. Как отметил судья, их предупредили, что, если они не расскажут о доводах защиты, на которые они впоследствии будут ссылаться на суде, это может быть истолковано не в их пользу. Далее судья указал следующее:

«...161. ...Не оставляет сомнений, что подсудимых не обманывали и не вводили в заблуждение относительно основной цели допросов, возможных последствий ответов на вопросы и потенциальных рисков, которые могут возникнуть, если они не расскажут о доводах своей защиты: эти пункты были объяснены в четких выражениях, и стороны не утверждают, что кто-либо из подсудимых не понял этих разъяснений... Изменение формулировки предупреждения [Омара] на допросе С, по-видимому, прошло незамеченным, разумеется, не было ничего сказано в поддержку довода о том, что это вызвало путаницу или давление. Главное, им сообщили, что всё сказанное

ими может быть использовано в качестве доказательства их виновности...».

88. Судья отметил, что вопросы, заданные на допросах, касались изготовления и подрыва устройств, в чем три заявителя сейчас сознались. Следовательно, заявители не были поставлены перед несправедливым выбором: на этом этапе в разворачивающихся событиях они должны были решить, что имеет большее значение: их личные интересы или интересы общества. Далее судья подчеркнул: выбранная заявителями линия защиты, не говорить на том этапе то, что сейчас они называют в своих представлениях правдой, непосредственно затрагивает вопросы безопасности населения, и ее можно легко описать. Она не требовала подробного понимания уголовно-правовых норм или сложного объяснения фактов. Ее можно было описать одним словом – «имитация». Судья согласился, что иногда подозреваемому необходима помощь адвоката, чтобы понять и описать сложную линию защиты, однако, по его словам, в данном случае ситуация иная. Судья отметил:

«...161. ...Позиция подсудимых по этому вопросу, возможно, заслуживала бы большего доверия, если бы они ответили на вопросы таким образом, чтобы хотя бы обозначить желание помочь полиции и в результате дать показания против самих себя. Однако никто не оспаривает, что на допросах в интересах безопасности подсудимые либо лгали, либо умалчивали известные им факты: вместо того, чтобы дать показания против самих себя, они, выгораживая себя, дали не соответствующие действительности объяснения. Их предупредили, что всё сказанное ими может быть использовано в качестве доказательства, и они решили не говорить сотрудникам полиции правды...».

89. Далее судья пришел к выводу, что предложение сотрудничать в процессе защиты общества не было недопустимым. Наконец, он заключил, что предупреждение по новой форме, судя по материалам предварительной проверки допустимости доказательств, не оказало на заявителей давление с тем, чтобы они сообщили элементы различных доводов в свою защиту, и что у них нет оснований утверждать, будто их недопустимым образом заставили изложить свои «настоящие» доводы.

90. Судья еще раз подчеркнул следующее:

«...162. В июле 2005 года в г. Лондоне действительно произошел совершенно исключительный инцидент с тех пор, как закончилась Вторая мировая война, в этом месяце в столице возникла угроза безопасности, не имевшая прецедентов в жизни страны. Когда следователи обнаружили потенциальную связь между событиями 7 и 21 июля, у них не могло не появиться опасений, что Соединенное Королевство стало объектом того, что могло превратиться в серию терактов. 7 июля при ужасных обстоятельствах погибло много людей и еще больше было ранено, и именно через две недели стало понятно, что повторения этих событий удалось избежать лишь по счастливой случайности. Участники событий 7 июля погибли, а у полиции

не было о них полной информации. Когда 21 июля взорвались бомбы, у полиции не было способа узнать, планировались ли в ближайшее время новые взрывы. Те, кто отвечал за безопасность населения, должны были в первую очередь найти и обезвредить остальные взрывные устройства и задержать оставшихся на свободе участников сговора...».

91. Судья отметил, что, помимо прочего, террористы обычно преследуют цель посеять хаос и панику и нарушить нормальное функционирование общества. По его словам, преступники вне всякого сомнения хотели сделать так, чтобы службам экстренной помощи и правоохранительным органам пришлось действовать в очень неблагоприятной обстановке. Действительно, поскольку подсудимые не представили доказательств обратного, справедливо было прийти к выводу, что подсудимые хотели создать существенные сложности или нарушить нормальные предусмотренные законом административные процедуры во многих областях, усугубив тем самым последствия совершенных ими терактов. Данный вывод, по мнению судьи, аналогичным образом применим как в случае, если устройства были изготовлены для того, чтобы убивать или травмировать людей, так и в случае, если они являлись муляжами или имитацией бомб и взорвались лишь частично. Использование полицией допросов в интересах безопасности, задержки в оказании юридической помощи и ошибки в форме предупреждений являлись «непосредственным и не вызывающим удивления результатом умышленных действий подсудимых».

92. В заключительной части решения судья отметил, что заявители, как они сами признались, создали совершенно исключительную и стрессовую обстановку, в которой была вынуждена работать полиция, и что это привело к необходимости провести допросы в интересах безопасности. Далее, вместо того, чтобы помочь полиции осознать сохраняющиеся угрозы или их отсутствие, они подтвердили, что воспользовались этой возможностью для того, чтобы сделать в свое оправдание ряд серьезно вводящих в заблуждение заявлений. По делу не утверждалось, что они не понимали свое право хранить молчание или что они не могли участвовать в допросах.

93. Судья подробно изложил подход, которому он следовал при осуществлении своих дискреционных полномочий по определению допустимости использования доказательств. В частности, он придал должное значение принципу, согласно которому получение юридической помощи до и во время допроса является одним из самых важных прав, отказ в осуществлении которого допускается лишь по убедительным основаниям в особых случаях. Не следует забывать, что суд должен учитывать необходимость того, чтобы в распоряжении полиции были механизмы и ресурсы, позволяющие ей эффективно расследовать все преступления. При

этом, добавил он, нельзя ожидать, что полиция заранее предвидит все исключительные случаи и принимает соответствующие меры, особенно если события, вызвавшие хаос, не имели прецедентов. Кроме того, при определении допустимости показаний суд имеет полное право учитывать, что допросы были необходимы и что ситуация, которая привела к отказу в предоставлении юридической помощи, стала непосредственным результатом умышленных действий заявителей.

94. Как указал судья, он принял во внимание, что условия содержания заявителей ни в коем случае не сопровождалось принуждением в собственном смысле этого слова, на самом деле, по его словам, дело обстояло совершенно иным образом. Диетические и религиозные потребности заявителей тщательно соблюдались, а их способность участвовать в допросах внимательно оценивалась. По делу не предполагалось, что допрос сопровождался принуждением или был несправедливым. Судья допустил, что ошибочное использование предупреждения по новой форме косвенно предполагало определенную степень принуждения, однако это, по его мнению, не имело решающего значения: стоящий перед заявителями выбор был нелегким, а в результате сделанного им предупреждения они не дали показаний против самих себя, а умышленно сделали в свое оправдание не соответствующие действительности заявления.

95. Судья пояснил, что он также принял во внимание, что показания на допросах в интересах безопасности потенциально имели большое значение для основного вопроса, возникшего в ходе судебного разбирательства: могли ли быть правдивыми использующиеся сейчас доводы защиты? Он отметил, что эти показания, следовательно, не являются «периферийными или незначительными доказательствами», а, напротив, могут оказать присяжным существенную помощь в понимании истинных мотивов подсудимых. Поскольку допросы каждого подсудимого в интересах безопасности были справедливыми, с учетом «треугольника интересов» их использование в качестве доказательства однозначно отвечало, по мнению судьи, интересам общества. Судья пришел к выводу, что заявители не столкнулись с существенными сложностями при осуществлении своих прав на защиту. Ни одному из заявителей не требовалось присутствие адвоката в качестве противовеса тем неблагоприятным событиям, которые случились при их задержании или на допросах в интересах безопасности. Использование неправильного предупреждения в обстоятельствах дела не уничтожило гарантий права не свидетельствовать против самого себя. Кроме того, при обстоятельствах, подробно рассмотренных в решении, в использовании показаний не было ничего несправедливого. Таким образом, взвесив требования статьи 6 Конвенции,

судья признал допустимым использование всех данных на допросах показаний. Он отметил, что необходимо будет «тщательно сформулировать» указания присяжным и что в свое время это будет обсуждаться с адвокатами.

(b) Иные доказательства виновности заявителей

96. Помимо показаний, данных на допросах в интересах безопасности, обвинение представило доказательства того, что заявители придерживались экстремистских взглядов. Обвинение ссылалось на книги и печатные материалы, аудиоматериалы, в том числе на последнее сообщение террористов-смертников, совершивших теракт 11 сентября 2001 г., и на видеоматериалы, на которых изображались отрубание голов и другие зверства, а также на самодельные фильмы, обнаруженные на квартирах у Омара и Османа. Имелись доказательства того, что в мае 2004 года первые три заявителя и Осман посещали тренировочный лагерь в Лейк-Дистрикт (Lake District), при этом было очевидно, что целью подготовки был джихад. Ибрагим рассказывал о подготовке к джихаду в Афганистане или Ираке летом 2004 года, а в конце 2004 года он уехал из Соединенного Королевства на джихад и вернулся в марте 2005 года. Некоторые из тех, кто поехал с ним, не вернулись и считаются погибшими. Существовали также доказательства того, что Омар пытался убедить человека, не входящего в группу, в правомерности атак террористов-смертников и другой террористической деятельности и дал понять, что он поддерживает кровавые операции против Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки, выразив поддержку терактам 11 сентября 2001 г. В начале 2005 года он накричал на имама в мечети, осудившего действия террористов-смертников в Пакистане, велел тому «не обманывать людей». Кроме того, в качестве доказательств были представлены наброски изображений, касающихся мучеников, сделанные на том же клочке бумаги, что и расчеты количества материалов на каждое взрывное устройство.

97. Далее обвинение опиралось на доказательства, связанные с закупками материалов для взрывных устройств и их изготовления. С апреля по июль 2005 года Ибрагим, Омар и Асиеду приобрели 443 литра 18-процентного раствора перекиси водорода (максимальная концентрация, имеющаяся в свободной продаже), в общей сложности 284 контейнера. Имелись доказательства того, что они просили продать им 60- или 70-процентный раствор перекиси водорода. Сторона обвинения утверждала, что они кипятили перекись водорода для повышения ее концентрации. На 36 из 228 обнаруженных позднее пустых бутылок было от руки написано «70» или «70%». Сторона обвинения счи-

тала это доказательством того, что, по мнению подсудимых, была достигнута необходимая для взрыва концентрация. В качестве доказательств использовались также написанные от руки расчеты и записи, выполненные почерком Ибрагима. Судя по таблице, перекись водорода кипятили более 200 часов. Приглашенный обвинением эксперт заявил, что ТАТП – это подходящее взрывчатое вещество, которое используется в основном в качестве детонатора. Были представлены доказательства того, что к пластиковым трубочкам снаружи были прикреплены металлические элементы. Это увеличило бы фрагментацию осколков при взрыве и увеличило бы вероятность причинения телесных повреждений.

98. Эксперты, приглашенные сторонами обвинения и защиты, сошлись во мнении, что взрывные устройства не могли сработать. Эксперт со стороны обвинения пояснил, что причиной этого была недостаточная для взрыва концентрация перекиси водорода (58%). Он отметил, что, если бы целью была имитация взрыва, не потребовалось бы повышение концентрации вещества. В ответ на довод защиты о том, что концентрированная перекись водорода разбавлялась затем водопроводной водой (см. § 101 настоящего Постановления), он пояснил следующее: проведенный им анализ изотопного состава водопроводной воды в г. Лондоне показал, что это невозможно, и эксперт со стороны защиты не оспаривал данный довод.

99. Кроме того, сторона обвинения сослалась на множество расшифровок телефонных разговоров и записей с камер видеонаблюдения, указывающих на то, что начиная с марта 2005 года эти люди активно общались между собой. Прощальное письмо Мухаммеда, которое, как утверждало обвинение, являлось предсмертной запиской террориста-смертника, также было признано допустимым доказательством. Свидетель пояснил, что он получил это письмо 21 июля 2005 г. от брата Мухаммеда и его попросили передать это письмо другу Мухаммеда. В квартире Мухаммеда обнаружили штатив от видеокамеры. На коробке со штативом были отпечатки пальцев Мухаммеда, а на самом штативе – отпечатки пальцев Османа. В квартире Османа нашли пустую коробку от видеокамеры, а сама видеокамера была при нем в момент его задержания в г. Риме. Сторона обвинения утверждала, что эта камера использовалась для съемки видеоролика о самоубийстве, хотя сам видеоролик так и не был найден. Кроме того, присяжные заслушали показания пассажиров поездов, в которых были взорваны три бомбы, о поведении заявителей. Говоря об Ибрагиме, водитель автобуса дал показания о его необычном поведении при посадке в автобус. Наконец, сторона обвинения сослалась на отсутствие заслуживающих доверия планов по поводу того, что должно было случиться после детонации взрывных устройств.

100. Присяжным были предоставлены копии записей из журнала содержания под стражей.

(с) Доказательства невиновности заявителей

101. Первые три заявителя дали показания, утверждая, что их действия задумывались как имитация взрывов. Сначала они хотели оставить взрывные устройства в общественных местах, чтобы напомнить людям о войне в Ираке. После событий 7 июля они поменяли планы и решили подорвать бомбы, но не основной заряд перекиси водорода. С этой целью, как утверждали заявители, они кипятили перекись водорода, пытаясь повысить ее концентрацию, но затем разводили ее водой, чтобы сделать концентрацию недостаточной для взрыва.

102. Омар сказал, что на допросах в интересах безопасности он говорил и правду, и неправду. Он пояснял, что говорил правду относительно опасности причинения вреда обществу, но не хотел, чтобы Ибрагим и Мухаммед были убиты полицией, поэтому он не назвал их настоящие имена и местонахождение. По его словам, ему объяснили, что ему лучше сотрудничать с полицией, а он, боясь пыток, сказал полицейским то, что они хотели услышать.

103. Ибрагим пояснил, что на допросах в интересах безопасности он не говорил, что это была имитация, поскольку знал, что, как предполагалось, он должен был получить юридическую помощь, и думал, что что-то происходит. Ибрагим согласился, что для него не представляло трудности сказать на допросе, что это была имитация. Он согласился и с тем, что встреча с адвокатом не повлияла бы на его решение по поводу того, что ему следует сделать: сказать правду или солгать. Ибрагим сообщил, что он не доверяет полиции и, несмотря на то, что велась аудиозапись допроса, он предполагал, что его слова будут искажены. Он рассказал, что пытался защитить других обвиняемых по его делу, что он просто выгораживал себя, что в отделении полиции он был сбит с толку и не знал, что говорить. Ему было известно о цели допроса в интересах безопасности, поскольку ему объяснили, что она заключается в защите общества от террористов-смертников. Он уточнил, что чувствовал себя обязанным отвечать на вопросы, так как это был допрос в интересах безопасности, направленный на спасение жизни людей, хотя он и понимал, что ничего не должен говорить, если не хочет. Ибрагим не признал своей причастности к изготовлению ТАТП, потому что в своих ответах он руководствовался стремлением избежать любой опасности для общества. Ибрагим согласился с тем, что он утверждал, будто он не знаком с другими обвиняемыми по его делу, но он это сделал, поскольку не хотел никого оговаривать. Он сказал, что решил ничего не рассказывать о своем деле и своих планах до встречи с адвокатом. Кроме того, он боялся, что, если он упомянет об имита-

ции, его слова могут быть неправильно истолкованы или искажены.

104. Мухаммед объяснил свое прощальное письмо тем, что в действительности он написал его 23 июля 2005 г., когда был застрелен мужчиной, принятый по ошибке за одного из подозреваемых (см. § 17 настоящего Постановления), так как он думал, что полицейские застрелят и его тоже. Письмо было написано на том же листке, что и тот, который использовался для детонатора, по простому совпадению. На допросе в интересах безопасности Мухаммед, по его словам, понимал, что он не обязан был ничего говорить, если не хочет, но думал, что должен был что-то сказать, поскольку допрос был направлен на спасение жизни людей. Мухаммед пояснил, что он хотел встретиться с адвокатом, но его допросили в отсутствие такового. Он согласился с тем, что к моменту начала допроса он уже не боялся быть убитым, но сказал, что, как он считал, ему причинят телесные повреждения. Это, по его словам, являлось единственной причиной, по которой он лгал на допросе. Мухаммед заявил о своей непричастности к взрывам, так как думал, что полицейские не знают, кто он, и что, если он будет всё отрицать, ему разрешат покинуть отделение полиции и пойти домой. Мухаммед утверждал, что заявление, подготовленное после его разговора с адвокатом (см. § 56 настоящего Постановления), было частично правдивым, а частично нет. Он не сказал всей правды, потому что не получил юридической помощи, чувствовал, что на него давят, и был растерян.

105. Как и в случае первых трех заявителей, позиция Асиеду до суда заключалась в том, что события 21 июля 2005 г. являлись имитацией. Однако после того, как суд заслушал Ибрагима, Асиеду дал устные показания и изменил свою прежнюю позицию. Он утверждал, будто утром 21 июля 2005 г. узнал о том, что устройства представляют собой настоящие бомбы. Он был слишком растерян и испуган, чтобы отказаться взять переданное ему устройство, но, признавая это, он не хотел вступить в сговор или принимать в нем какое-то участие.

(d) Напутствие присяжным

106. Судья предоставил копии своих выводов адвокатам, прежде чем передать их присяжным, и предложил им прокомментировать содержание данных выводов. В своем напутствии присяжным, зачитанном после того, как присяжные получили его копии, судья дал следующие указания по поводу заявлений, сделанных на допросах в интересах безопасности:

«Что сказать, господа присяжные, о ложных показаниях, которые некоторые подсудимые дали в полиции? Признано, что подсудимые Ибрагим, Асиеду, Омар и Мухаммед лгали сотрудникам полиции на допросах по многим вопросам...

Прежде, чем вы начнете рассматривать эти ложные показания, вы должны тщательно взвесить обстоятельства, в которых они были даны, при том, что у каждого подсудимого эти обстоятельства разные.

Во-первых, вспомните, что ввиду исключительных обстоятельств, сложившихся в июле 2005 года, было получено разрешение провести допросы Ибрагима, Омара и Мухаммеда в интересах безопасности. Это означало, что, пытаясь защитить общество от опасности, данных подсудимых допросили до того, как они получили возможность посоветоваться с адвокатом. Никто не утверждает, что, отказывая в юридической помощи, сотрудники полиции руководствовались недобросовестными или нечестными мотивами. Однако получение юридической помощи до начала допроса – это право, которое обычно обеспечивается подозреваемому, и вы должны учитывать, что этого не произошло. Так, адвокат мог бы посоветовать подсудимому хранить молчание, напомнить подсудимому о том, что он должен говорить правду и что ложные показания могут повлечь за собой определенные последствия. Следовательно, рассматривая вопрос о том, использовать ли ложные показания, данные этими тремя подсудимыми на допросах в интересах безопасности, в качестве доказательства их виновности, помните, что подобная гарантия на этих допросах в интересах безопасности не соблюдалась».

107. Кроме того, судья велел присяжным не забывать о неправильных предупреждениях, которые были сделаны подсудимым. Он пояснил:

«В результате оно (предупреждение) оказалось запутанным и потенциально могло сбить с толку всех троих подсудимых. Сделанное подсудимым предупреждение по новой форме могло неправомерно побудить их к даче показаний. Поэтому, рассматривая вопрос о том, следует ли использовать ложные показания подсудимого на допросе в интересах безопасности в качестве доказательства его виновности, примите во внимание это неудовлетворительное использование предупреждения.

Однако в том, что касается использования предупреждения по новой форме, вы также вправе иметь в виду, что ни один из троих подсудимых фактически не подвергался давлению, чтобы заставить их сказать то, на что впоследствии они ссылались в рамках данного судебного разбирательства. Напротив, по всем существенным вопросам или по их основной части подсудимые дали ложные показания».

108. Относительно ложных показаний судья отметил следующее:

«Кроме того, если говорить об Ибрагиме, Асиеду, Омаре, Османе и Мухаммеде, при анализе ложных показаний, данных ими во время содержания под стражей в полиции, будь то на допросе в интересах безопасности или в других обстоятельствах, вы должны рассмотреть еще два вопроса: по конкретному вопросу, который вы рассматриваете, вы должны решить, действительно ли соответствующий подсудимый умышленно дал ложные показания. Если вы в этом не уверены, не принимайте их во внимание. Если же вы уверены, спросите себя: почему подсудимый дал ложные

показания по данному вопросу? То, что подсудимый дает ложные показания, само по себе не доказывает его виновность. Подсудимый может лгать по многим причинам, которые вполне могут быть невинными в том смысле, что не указывают на его виновность. Здесь предполагается, что ложные показания были даны по множеству причин: из страха обвиняемого признать, что он в какой-то степени причастен к преступлению или знал о его подготовке, однако сказанного подсудимым недостаточно, чтобы считать его соучастником, как в случае Асиеду, для защиты других лиц, которым, как они боялись, предъявят необоснованное обвинение и которые в результате могут быть убиты или ранены, из страха признать свою причастность, как они утверждают, в имитации теракта, или из-за паники, страданий, растерянности либо из страха подвергнуться нападению...

Если вы считаете, что у данных соответствующим подсудимым ложных показаний есть или может быть невинное объяснение, вы не должны принимать их во внимание. Лишь в том случае, если вы уверены, что он не лгал по невинной причине, вы можете считать эти ложные показания доказательством, подтверждающим версию обвинения, с учетом других указаний, которые я только что вам дал по вопросу относительно допросов в интересах безопасности».

109. В отношении того, что на допросах в интересах безопасности заявители не упомянули о доводах защиты, на которые они ссылались на суде, судья дал следующие указания:

«Давайте теперь перейдем к тому, что во время допроса подсудимые не отвечали на задаваемые им вопросы. Первое, что нужно подчеркнуть: вы не должны ставить в вину Ибрагиму, Омару и Мухаммеду то, что на допросах в интересах безопасности они не использовали доводы, которые они впоследствии выдвинули на суде. Это произошло потому, что, как я только что вам объяснил, на том этапе им было отказано в услугах адвоката, а по закону подсудимого при таких обстоятельствах нельзя критиковать за то, что он не упомянул о вопросах, которые впоследствии использовались его защитой. Конечно, из указаний, которые я только что вам дал, следует, что, если вместо того, чтобы хранить молчание, они дали ложные показания, вы вправе принять эту ложь во внимание, опять же с учетом вопросов, которые я только что посетовал вам принять во внимание... [Мое] четкое указание вам заключается в том, что вы не должны ставить в вину Ибрагиму, Омару и Мухаммеду то, что на допросах в интересах безопасности они не упоминали о вопросах, на которые они впоследствии ссылались на суде».

110. Относительно допросов Омара в интересах безопасности судья отметил следующее:

«По всем существенным вопросам Омар признал, что сначала он не говорил правды, скорее, наоборот... Господа присяжные, он отрицает всякую ответственность за эти устройства...

Он снова и снова утверждал, что говорил правду и что рассказал сотрудникам полиции всё, что знал. Господа присяжные, неправильное предупреждение в действительности вообще не привело к тому, что он дал показания против самого себя в том смысле, что он был бы вынужден

рассказать о настоящих, по его словам, доводах в свою защиту; вместо этого он, выгораживая себя, дал ряд ложных показаний».

111. Судья напомнил присяжным о том, чем объяснял Омар свое поведение на допросах (см. § 102 настоящего Постановления). Далее он отметил, что, как признал адвокат Омара, сотрудники полиции искренне пытались защитить общество, они хотели предотвратить новый теракт и в результате отказали Омару в юридической помощи. Судья напомнил присяжным, что при обычных обстоятельствах Омар получил бы консультацию адвоката до допроса. Если бы это произошло, заметил он, Омар, возможно, повел бы себя на допросе как-то иначе. Судья отметил, что, как признал адвокат, все допросы в интересах безопасности проводились умеренно, и не выдвигалось предположений об использовании на допросах методов принуждения.

112. Затем судья напомнил присяжным об обстоятельствах поступления Ибрагима в отделение полиции, отметив, что в 17.00 позвонила дежурный адвокат и попросила позвать его к телефону. Судья продолжил:

«[Ей] сказали, что Ибрагим не может подойти к телефону из-за того, что заняты оба зала, где есть телефонные разъемы, и что они могли использоваться для встреч, дактилоскопирования, регистрации или подписания соответствующих форм. В полиции было не менее 17 заключенных, и залов катастрофически не хватало. 28 июля, в 17.08, вопреки обычному порядку использовались все камеры, там содержались задержанные по делам о терроризме, и они были заперты. Так много народа там никогда раньше не содержалось. Нужно было не давать задержанным возможности контактировать и разговаривать друг с другом, за ними нужно было внимательно наблюдать и ограничивать их действия, а это ограничивало возможности по перемещению содержащихся под стражей лиц».

113. Судья отметил, что в 17.40 дежурный адвокат позвонила еще раз, и сотрудник полиции снова ей ответил, что все комнаты заняты. Далее судья пояснил следующее:

«У [сотрудника полиции] был лишь один вариант: ждать, когда освободится один из залов, а потом перезвонить адвокату. Однако определять, кому пользоваться залом в первую очередь, должны были следователи».

114. Судья напомнил присяжным о том, по каким причинам было дано разрешение на проведение допроса в интересах безопасности, и о показаниях старшего инспектора Макбрейна:

«Он сказал вам, что на свободе оставался по меньшей мере один человек. Он опасался повторения теракта с участием смертников. Ему нужно было собрать информацию для предотвращения еще одного теракта и задержать преступников. Он находился на связи со следователями. Они были очень заняты и вели масштабное расследование деятельности террористов. По словам Макбрейна,

безотлагательные допросы встречаются очень редко, и он предполагал, что они пройдут до того, как задержанному удастся встретиться со своим адвокатом.

Макбрейн не возражал бы против разговора по телефону или личного общения, если бы это не привело к переносу допроса. Он согласился с тем, что они могли ограничить консультации по времени. Следователь и сотрудник, занимающийся вопросами содержания под стражей, должны были принять решение, возможна ли встреча адвоката со своим клиентом до начала допроса».

115. Судья напомнил присяжным о том, чем Ибрагим объяснял свое поведение на допросах в интересах безопасности (см. § 103 настоящего Постановления).

116. Наконец, судья сказал присяжным, что, как он выяснил, с 17.00 до 20.00 у Ибрагима должен был состояться телефонный разговор с адвокатом. Он дал присяжным указание не забывать о том, что в этот период Ибрагиму несправедливо отказали в получении юридической помощи по телефону.

117. Говоря о Мухаммеде, судья напомнил присяжным, чем тот объяснял свои ложные показания на допросе в интересах безопасности, а также о его заявлении, подготовленном после получения юридической помощи (см. § 104 настоящего Постановления).

118. Относительно последующих допросов, которые состоялись после того, как заявители встретились со своими представителями и им было сделано предупреждение по новой форме, судья первой инстанции дал присяжным указание, что заявители не упомянули о трех вопросах, на которые они ссылались на суде, хотя на допросе их об этом спрашивали: (i) истинная предыстория событий 21 июля 2005 г., (ii) их знакомство и связь с другими обвиняемыми по их делу и (iii) их истинные настроения, цели и намерения относительно использования взрывных устройств. Согласно пояснениям судьи то, что заявители не упоминали об этом на допросах, состоявшихся после получения ими юридической помощи, можно использовать в качестве доказательства их виновности.

(е) Вердикты присяжных и приговоры суда

119. 9 июля 2007 г. присяжные единогласно признали первых троих заявителей и Османа виновными в сговоре с целью убийства. Присяжные оказались не в состоянии вынести вердикты в отношении Асиеду и Яхии, и по их делам было назначено повторное судебное разбирательство. Впоследствии они были признаны виновными в совершении менее тяжких преступлений.

120. 11 июля 2007 г. первым трем заявителям и Осману было назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы с минимальным отбыванием наказания в течение 40 лет.

3. Жалоба, поданная первыми тремя заявителями

121. Первые три заявителя попросили разрешить им обжаловать приговоры. Они утверждали, в частности, что судья первой инстанции неправильно вынес решение об использовании показаний, данных ими на допросах в интересах безопасности.

122. 23 апреля 2008 г. Апелляционный суд Англии и Уэльса отказался разрешить заявителям обжаловать обвинительный приговор.

123. Излагая обстоятельства задержания и допроса заявителей, Апелляционный суд Англии и Уэльса отметил:

«...5. ...Практически невозможно представить себе давление и тревогу, которые, по-видимому, испытывали следственные группы сотрудников полиции. Двумя неделями раньше были успешно взорваны четыре бомбы с жуткими последствиями, о которых мы хорошо знаем, а теперь они занимались еще четырьмя взрывными устройствами, тоже на транспорте, которые были оснащены детонаторами, но не взорвались. Участники событий 7 июля погибли, но участники второй попытки кровавой бойни по большому счету могли беспрепятственно повторить свои смертоносные планы, но в этот раз более эффективно. Их нужно было найти и задержать, а непосредственная цель расследования, в том числе допросов задержанных в связи с этими инцидентами, заключалась в обеспечении безопасности общества».

124. В начале своего постановления Апелляционный суд Англии и Уэльса сделал следующий общий вывод о характере и ходе процесса:

«...7. Само собой разумеется, что каждый подсудимый, даже тот, кто обвиняется в причастности к непосредственному и опасному насилию над подданными и институтами нашей страны, имеет право на справедливое разбирательство дела, в ходе которого его виновность должна быть доказана. Это разбирательство характеризуется выдающейся справедливостью и доминирующим судебным контролем судьи Фулфорда. Интересы подсудимых были представлены за государственный счет ведущими адвокатами с явными заслугами и опытом, а их профессиональные обязанности были совершенно понятны и их подзащитным, и суду. Сложности согласования присяжными вердиктов в отношении Асиеду и Яхии указывают на то, что они подошли к вопросам непредвзято и справедливо, что является одной из традиционных особенностей суда присяжных. Теперь, когда в результате справедливого разбирательства в беспристрастном суде заявителям был вынесен обвинительный приговор, мы вправе отметить, тщательно рассмотрев доказательства, что их защита по обвинению в сговоре с целью убийства оказалась несостоятельной...».

125. Суд подытожил доказательства виновности заявителей, присутствовавших на суде, в том числе доказательства их экстремистских взглядов, приобретения перекиси водорода и изготовления

взрывных устройств и письмо Мухаммеда (см. §§ 96–99 настоящего Постановления). Он пришел к выводу, что приобретение перекиси водорода в таких огромных количествах «кое-что [говорит] о намерениях покупателей». Сделанные от руки надписи на обнаруженных бутылках являлись «убедительным доказательством» того, что, по мнению изготовителей взрывных устройств, критическая концентрация была достигнута, а также имелись «более чем достаточные доказательства», связывающие всех четырех террористов с изготовлением взрывных устройств. По поводу защиты заявителей на суде Апелляционный суд Англии и Уэльса сделал следующее замечание:

«...17. Если эти бомбы были изготовлены для имитации взрыва, на наш взгляд, трудно себе представить, зачем нужно было кипятить перекись водорода для повышения ее концентрации или для чего и Асиеду, и Яхия независимо друг от друга, покупая перекись водорода, просили продать ее в виде 60–70-процентного раствора или в самой высокой имеющейся концентрации. Аналогичным образом сложно понять, зачем понадобилось кипятить почти 100 галлонов перекиси водорода, если не в целях повышения ее концентрации. Ошеломляющими доказательствами являются цифры “70” или “70%”, написанные от руки на 36 бутылках. Каждая подобная надпись свидетельствует, что, как полагали изготовители взрывных устройств, они фактически достигли критической концентрации, необходимой для того, чтобы бомбы взорвались. Действительно, на протяжении значительной части судебного разбирательства заявители пытались дискредитировать это важнейшее доказательство. Если кратко, они утверждали, что после повышения концентрации перекиси водорода они разводили ее водой. Кроме того, трудно понять, как начинение бомбы металлическими элементами могло способствовать достижению каких-то политических целей, если это было всё, что они хотели. Металлические элементы были предназначены для того, чтобы убивать и калечить людей, и другой цели быть не могло. И если эта попытка задумывалась как имитация взрыва или политическое выступление, молчание самих заявителей после бегства говорит само за себя. Если целью была имитация, несколько секунд внимания потоку новостей о неудавшихся попытках подрыва взрывных устройств продемонстрировали бы, что их цель достигнута. Однако ни полиции, ни средствам массовой информации, ни обществу такого утверждения, требования или объяснения не предлагалось, пока заявителей не задержали...».

126. Что касается последствий использования показаний на допросах в интересах безопасности, Апелляционный суд Англии и Уэльса отметил, что оно было обжаловано в суде первой инстанции и являлось первым основанием для подачи жалобы. Суд пояснил, что он вернется к подробному рассмотрению этого вопроса далее в своем постановлении, и отметил, что:

«...20. ...На данном этапе мы просто фиксируем, что, если записи допросов в полиции были в установленном порядке признаны допустимыми дока-

зательствами, их самих по себе было достаточно, чтобы вдребезги разбить версию защиты о “розыгрыше”...».

127. Завершая вводные замечания, Апелляционный суд Англии и Уэльса сослался на наставления судьи первой инстанции и на его указания присяжным, указав следующее:

«...29. Судья Фулфорд представил присяжным наставления по делу. На самый поверхностный взгляд это результат, отличающийся продуманностью и точностью. За исключением незначительных и совершенно необоснованных доводов, их не критиковали адвокаты заявителей. Основные доводы, выдвинутые адвокатами, отражены в решениях судьи, касающихся допросов в полиции...».

128. Затем Апелляционный суд Англии и Уэльса обратился к обстоятельствам дела. Во-первых, он выяснил, сколько было комнат в отделении полиции района Паддингтон Грин, отметив, что было крайне важно обеспечить отсутствие у подозреваемых возможностей общаться между собой и избегать передачи запрещенных предметов в ходе обысков подозреваемых. Апелляционный суд Англии и Уэльса пояснил, что безотлагательная необходимость развеять обоснованные опасения, о которых говорил старший инспектор Маккенна в своих свидетельских показаниях, данных в октябре 2006 года (см. § 66 настоящего Постановления), была связана с двумя отдельными соображениями: во-первых, правомерное задержание и заключение под стражу тех, кто, как предполагалось, несет ответственность за теракт, а во-вторых, безотлагательная защита населения от повторного применения насилия. Апелляционный суд Англии и Уэльса отметил, что у подозреваемых в совершении терактов, если их подозревали справедливо, могла быть возможность оказать помощь следователям, выполняющим свои обязанности по обеспечению безопасности населения. В связи с этим Апелляционный суд Англии и Уэльса пришел к выводу, что процедура допроса, которая позволила полиции по мере возможности защитить жителей, была необходима. Апелляционный суд Англии и Уэльса счел, что вопрос о том, следует ли использовать результаты таких допросов в качестве доказательства виновности подозреваемых, является неоднозначным. Однако он не согласился с тем, что показания, данные на допросах в интересах безопасности, не следует использовать на суде ни при каких обстоятельствах, пояснив следующее:

«...36. ...Обстоятельства, в которых руководящий сотрудник полиции дает указание провести допросы в интересах безопасности, зависят от ситуации, если кратко, они сводятся к тому, как лучше всего обеспечить безопасность общества. Достижение этой цели с подозреваемым, которому предложено предоставить полиции нужную информацию, может помочь получить важнейшие доказательства, доказывающие его причастность к преступлению, в связи с которым он был задержан, или к другим преступлениям. Использование показа-

ний, данных на допросах в интересах безопасности, или их результатов в качестве доказательств в последующем судебном процессе регламентируется обычными принципами, касающимися справедливости разбирательства дела, и общеприменимыми положениями статьи 78 Закона «О полиции и доказательствах по уголовным делам» 1984 года. Многие зависят от характера предупреждения, которое сотрудники полиции сделали подозреваемому, если оно вообще было сделано. Так, например, если бы подозреваемому буквально гарантировали, что сообщенные им сведения не будут использоваться в качестве доказательства его виновности, это стало бы убедительным доводом в пользу отказа от использования полученных вследствие этого доказательств его виновности. Многие также могут зависеть от того, удалось ли на допросах получить доказательства, непосредственно связанные с предъявленным обвинением, по которому подозреваемый был изначально заключен под стражу, или вытекает ли первая связь, которую обвинение может установить между ним и каким-либо преступлением, непосредственно из его полноценного сотрудничества со следствием в ходе допроса в интересах безопасности. Как правило, эти решения зависят от фактов и принимаются исходя из общей оценки всех обстоятельств каждого конкретного дела. Однако очевидно, что структура законодательства не запрещает использовать показания, полученные на допросах в интересах безопасности и с учетом имеющихся гарантий, которыми пользуется подсудимый, и обязанности судьи первой инстанции вынести решение, необходимое для того, чтобы он мог воспользоваться дискреционными полномочиями, которыми его наделяет статья 78 Закона 1984 года, и было бы совершенно неправильно, если бы мы отказали себе в возможности осуществлять контроль, как этого требуют соображения государственной политики».

129. Апелляционный суд Англии и Уэльса подчеркнул, что допросы в интересах безопасности не выявили ничего, что могло бы побудить полицию принять меры по защите населения, и что заявители не сказали ничего, что прямо указывало бы на их виновность, не сделали признаний в том, что они участвовали в сговоре с целью убийства 21 июля или что им даже отдаленно было о нем известно. Тем не менее, как отметил Апелляционный суд Англии и Уэльса, допросы позволили получить важные доказательства виновности заявителей не потому, что они рассказали правду и сказали, что им известно о террористической деятельности или что они в ней участвовали, а потому, что они сделали множество демонстративно ложных утверждений, не упомянув о доводах, которые они впоследствии выдвинули на суде. В этом смысле допросы позволили получить материалы, на которые предложило опираться обвинение с целью доказать несостоятельность позиции заявителей.

130. Апелляционный суд Англии и Уэльса допустил, что из-за ошибки сотрудников полиции заявителям были сделаны неправильные предупреждения прежде, чем они дали ложные показания, о которых идет речь. Вместе с тем, как подчеркнул

Апелляционный суд Англии и Уэльса, каждого из заявителей предупредили, что ответы, данные на допросах в интересах безопасности, могут быть использованы в качестве доказательства его виновности. Далее Апелляционный суд Англии и Уэльса отметил следующее:

«...37. ...Поэтому у них не было никаких иллюзий. Они не хотели оговаривать себя вообще. Они решили сказать неправду. Конечно, это сыграло большую роль при осуществлении судьей Фулфордом дискреционных полномочий...».

131. Апелляционный суд Англии и Уэльса пришел к убеждению, что при осуществлении дискреционных полномочий судья первой инстанции принял во внимание все необходимые факторы и особенности каждого подсудимого и что он тщательно изучил соответствующие вопросы. Апелляционный суд Англии и Уэльса подробно рассмотрел и одобрил замечания судьи первой инстанции относительно выбора, стоявшего перед заявителями во время допросов, и характера обстоятельств проведения этих допросов, а также его подход к осуществлению своих дискреционных полномочий (см. §§ 87, 90 и 93 настоящего Постановления). Апелляционный суд Англии и Уэльса провел всесторонний анализ обстоятельств задержания и допросов каждого из первых троих заявителей.

132. Относительно Омара Апелляционный суд Англии и Уэльса отметил, что его задержали первым из подсудимых, а значит, его показания имели важнейшее значение с точки зрения проблем обеспечения безопасности населения, которые должна была решать в то время полиция. Он отметил, что в ходе предварительной проверки допустимости доказательств прямо признавалось, что решение провести допрос в интересах безопасности до того, как Омар получил возможность воспользоваться услугами адвоката, было обоснованным с точки зрения Приложения № 8 к Закону «О терроризме» 2000 года (см. §§ 64–65, 68 и 189 настоящего Постановления), что допросы проводились справедливо и сдержанно и что на них не использовались методы давления или принуждения. На суде было признано, что, несмотря на длительность допросов в интересах безопасности, полиция при выявлении потенциальных опасностей для общества не вышла за установленные пределы, что допросы и продолжительность бесед не были несправедливыми и что основной темой вопросов была безопасность населения. Поэтому при предварительной проверке допустимости доказательств обвинение не должно было предоставлять доказательств: показания инспектора Маккенна и содержание допросов в интересах безопасности были приняты как есть (см. § 65 настоящего Постановления). Если бы Омар поставил под сомнение основания решения о задержке в предоставлении ему юридической помощи, обвинение было бы вправе предоставить доказательства, чтобы пояснить, почему полиция

сочла Омара террористом. Далее Апелляционный суд Англии и Уэльса отметил следующее:

«...75. ...По убедительным и понятным соображениям судебной процедуры эти вопросы на суде не затрагивались. Основной довод защиты Омара на предварительной проверке действительности доказательств заключался в том, что любой допрос после отказа в юридической помощи недопустим и что дать ложные показания на допросе в интересах безопасности – это то же самое, что умолчать о каких-то фактах... В любом случае ошибочное использование предупреждения “по новой форме” не обеспечило Омару достаточной защиты, так как, если его правильно истолковать, оно заставило бы его поверить в то, что, если он решит не отвечать на вопросы, его молчание не может быть использовано для подтверждения его виновности...».

133. Объяснив, как судья первой инстанции рассматривал эти доводы, Апелляционный суд Англии и Уэльса отметил, что теперь Омар выдвигает совершенно иные доводы. Он утверждает, что его адвокат в суде первой инстанции неправильно подошел к допросам в интересах безопасности в целом и неподобающим образом признал законность решения инспектора Маккенна. Апелляционный суд Англии и Уэльса отметил, что он не осуществляет пересмотр дела, однако ему, тем не менее, предложено провести повторную проверку допустимости доказательств на основании довода адвоката о том, что в отношении Омара полиция действовала незаконно и что этим незаконным действиям, не рассмотренным судом первой инстанции, необходимо дать оценку сейчас. Далее Апелляционный суд Англии и Уэльса указал:

«...80. В такой формулировке в системе, основанной на верховенстве права, данный довод на первый взгляд кажется привлекательным. Однако он игнорирует или вытесняет на второй план еще два важных соображения. Во-первых, из-за нарушений соответствующего кодекса последующие действия полиции не становятся незаконными, по крайней мере, в том смысле, что они сами по себе являлись или оказались бы достаточными, чтобы привести к отказу от использования результатов последующих допросов. Если, как установил судья, полиция не прибегала умышленно к недобросовестным манипуляциям с системой, суд должен был рассмотреть вопрос об осуществлении исключительных полномочий, которыми его наделяет 78 Закона 1984 года, не более и не менее. Из этого следует второе соображение: на суде у адвокатов подсудимых всегда есть возможность сознательно принять процессуальное решение отказаться от довода о нарушениях соответствующего кодекса или игнорировать подобные нарушения, а значит, не ссылаться на них, если привлечение к ним внимания не способно уменьшить проблемы подсудимого, а может лишь усугубить их. В целом адвокат на суде должен сам решить, выдвигать ли довод о нарушениях соответствующего кодекса или оспаривать некоторые такие нарушения, одно из них, но не все».

134. В отсутствие недобросовестности ключевой вопрос заключается в том, признавать ли

результаты допросов допустимым доказательством, если Омар был лишен юридической помощи, независимо от того, отказали Омару в праве на вызов адвоката, как только он попросил его назначить, или нет. Апелляционный суд Англии и Уэльса не может усмотреть никаких соображений, подкрепляющих вывод о том, что решение использовать показания на допросах в интересах безопасности в деле Омара было необоснованным.

135. Относительно Ибрагима Апелляционный суд Англии и Уэльса отметил, что его адвокат выдвинул три довода. Во-первых, он утверждал, что вывод инспектора, согласно которому встреча Ибрагима с дежурным адвокатом до начала допроса приведет к излишней задержке, являлся серьезной ошибкой, поскольку допрос в интересах безопасности состоялся более чем через час. Во-вторых, он настаивал, что дальнейший допрос Ибрагима после того, как он сказал, что ничего не знает, являлся нарушением применимого кодекса (см. § 196 настоящего Постановления). Наконец, он полагал, что использование предупреждения по новой форме способствовало несправедливости, добавив элемент принуждения. Апелляционный суд Англии и Уэльса подробно изучил, как рассматривал эти вопросы судья первой инстанции, и пришел к выводу, что он не находит оснований вмешиваться в решение судьи об использовании показаний, данных на допросе в интересах безопасности.

136. Что касается Мухаммеда, его адвокат утверждал, что было нарушено право на получение юридической помощи до и во время его допроса в интересах безопасности. Решение отложить получение юридической помощи, по его словам, было неуместным и несправедливым и при внимательном рассмотрении необоснованным. Несмотря на то, что на суде довод о недобросовестности не выдвигался, теперь адвокат предположил, что допрос не являлся безотлагательным вообще, поскольку он начался, когда адвокаты уже направлялись в изолятор. Следовательно, не было оснований проводить допрос безотлагательно. Кроме того, Мухаммеду сделали предупреждение по новой, а не по старой форме. Апелляционный суд Англии и Уэльса изучил, как эти вопросы рассматривал судья первой инстанции, и пришел к выводу, что он не видит оснований вмешиваться в его решение, согласно которому из-за использования показаний, данных на допросе в интересах безопасности, разбирательство дела не станет несправедливым.

С. ДЕЛО ЧЕТВЕРТОГО ЗАЯВИТЕЛЯ

1. Допрос четвертого заявителя в полиции

(а) Введение

137. Четвертым заявителем являлся друг Османа, с которым его познакомил брат Османа,

Абдул Шериф, примерно в 1999 году. 23 июля 2005 г., через два дня после попытки подорвать бомбы, четвертый заявитель и Осман встретились на железнодорожной станции «Клэпхем Джанкшн» (*Clapham Junction*). Они вместе пошли домой к четвертому заявителю. Осман прожил у четвертого заявителя до 26 июля.

138. Тем временем, во второй половине дня 25 июля, в объектив камеры видеонаблюдения, снимавшей вход в подъезд четвертого заявителя, попали четвертый заявитель и его квартира. В 18.00 недалеко от дома четвертого заявителя находился сотрудник, который вел оперативное наблюдение. Утром 26 июля сотрудники видели, как четвертый заявитель и человек, который, как было впоследствии установлено, оказался Османом, вышли из дома. Четвертый заявитель проводил Османа до автобусной остановки, и Осман сел в автобус до вокзала Ватерлоо. Четвертый заявитель вернулся домой.

139. Утром 27 июля четвертый заявитель пошел на работу. Около 17.30, когда он возвращался с работы, к нему подошли двое полицейских и попросили помочь полиции в расследовании терактов 21 июля, выступив в роли возможного свидетеля. Четвертый заявитель согласился оказать им помощь и проследовал с ними в отделение полиции района Кеннингтон.

(b) Допросы в полиции в качестве свидетеля

140. Полицейские начали допрос четвертого заявителя в качестве свидетеля в 18.15. Около 19.15 они пришли к выводу, что из-за своих ответов он подвергается опасности самооговора и что ему необходимо сделать предупреждение и сообщить ему о праве на получение юридической помощи. Они обратились за указаниями к своему начальству. Полицейским сказали, что им следует продолжать допрос четвертого заявителя в качестве свидетеля. Они так и поступили.

141. 28 июля, примерно в 00.10, четвертого заявителя попросили показать квартиру, где, как он полагал, живет Осман.

142. 28 июля, с 1.30 до 5.00, четвертый заявитель давал в отделении полиции показания в качестве свидетеля.

(c) Свидетельские показания

143. В своих показаниях четвертый заявитель рассказал, как он подружился с Османом примерно в 1999 году, но на следующий год потерял его из виду. Он сказал, что 23 июля 2005 г. он встретился с Османом на железнодорожной станции «Клэпхем Джанкшн» (*Clapham Junction*), когда сел в поезд, и они поздоровались как старые друзья. Они сели в один поезд до Воксхолла (*Vauxhall*), а когда четвертому заявителю нужно было сойти,

Осман решил тоже выйти из поезда под предлогом того, что он хочет с ним поговорить. По дороге к дому Осман рассказал четвертому заявителю, что у него возникли проблемы с полицией. Он утверждал, что украл деньги и сбежал из-под стражи. Когда они пришли в квартиру четвертого заявителя, Осман попросил его включить телевизор, и они вместе посмотрели репортаж о попытках подрыва бомб, где показали фотографии людей, разыскиваемых полицией. Потом Осман сказал, что он их знает и что они вполне добропорядочные люди. Когда на экране появилась фотография четвертого человека, разыскиваемого в связи с терактами, Осман показал на экран и сказал: «Это я». Сначала четвертый заявитель ему не поверил, поскольку изображенный на фотографии человек не был похож на Османа. Однако по мере того, как Осман продолжал рассуждать о мотивах терактов, четвертый заявитель начал понимать, что тот говорит правду. Он испугался и захотел, чтобы Осман ушел из его дома. После этого Осман попросил разрешения остаться у четвертого заявителя на две ночи, а четвертый заявитель, боясь, что в случае отказа возникнет угроза его личной безопасности, согласился.

144. В свидетельских показаниях также описывается рана на бедре Османа, хотя тот утверждал, что он поранился, убегая после того, как заложенная им бомба не взорвалась. Далее Осман объяснил, как он нажал на кнопку взрывателя, но ничего не произошло. Осман подробно описал, как выбрался из поезда метро, и где он был следующие два дня, скрываясь у своего приятеля в Брайтоне, который одолжил ему машину. Осман показал четвертому заявителю фотографии других террористов в центральной газете, которую он принес с собой, и сказал, как их зовут. Полицейские показали четвертому заявителю несколько фотографий, и он опознал троих мужчин по описанию, которое дал Осман. Кроме того, четвертый заявитель пояснил, что Осман упоминал о пятом террористе, который не подорвал свою бомбу, четвертый заявитель не знал, кто он. Четвертый заявитель пояснил, что Осман сделал несколько звонков с его мобильного телефона, но говорил при этом по-эритрейски.

145. Далее в показаниях пояснялось, что на следующий день он мало разговаривал с Османом. Однако тот рассказал четвертому заявителю, как террористы изготовили взрывные устройства, и подробно описал видеоролики, записанные группой накануне подрыва бомб, в которых они объясняли свои действия. Во второй половине дня Осман сделал еще один звонок с его мобильного телефона. Позже тем вечером он куда-то ненадолго ушел и вернулся с деньгами. Он попросил одолжить ему одежду, и четвертый заявитель сказал, что тот может взять всё, что захочет. Утром 26 июля Осман собрал вещи и сказал четвертому заявителю, что собирается уехать в г. Париж на поезде «Евростар»

с вокзала Ватерлоо. Он ушел на вокзал около 8.00 и примерно через час позвонил четвертому заявителю, сообщив, что он в поезде. Тогда четвертый заявитель выключил свой сотовый телефон, чтобы Осман не мог больше ему звонить.

146. В своих показаниях четвертый заявитель описал жену Османа. В протоколе допроса указано, что он привел полицейских к подъезду, где, как он считал, живут Осман и его жена. Он завершил свидетельские показания, подчеркнув, что они встретились на станции «Клэпхем Джанкшн» случайно, что он не помогал Осману и не укрывал его. По его словам, он позволил Осману остаться только потому, что был напуган.

(d) Допросы и показания в качестве подозреваемого

147. После того, как утром 28 июля 2005 г. свидетельские показания были подписаны, один из полицейских позвонил своему начальству, запросив дальнейших указаний. Ему велели задержать четвертого заявителя. Четвертого заявителя задержали и сделали ему предупреждение. Его спросили, не хочет ли он воспользоваться услугами адвоката, но он отказался, заявив: «Нет, может быть, после допроса, если дело примет серьезный оборот».

148. 30 июля 2005 г., когда четвертый заявитель получил юридическую помощь, его допросили в качестве подозреваемого в присутствии его адвоката. Его спросили, была ли у него возможность обсудить свои письменные показания со своим адвокатом, и он подтвердил, что он это сделал. У адвоката выяснили, было ли у нее достаточно времени для того, чтобы оказать помощь своему подзащитному, и она ответила следующее:

«Моя роль заключается в том, чтобы консультировать Абдурахмана по поводу его прав и процессуальных аспектов, касающихся его допроса, чтобы выступать в его интересах, когда, как я считаю, это необходимо, и помогать ему, обращая его внимание на вопросы, которые могут в какой-то момент возникнуть относительно его позиции и относительно его прав. В данном контексте у Абдурахмана была возможность рассмотреть показания, которые он дал добровольно, когда его остановили 27 июля. В контексте тех сведений, которые вы сообщили, я рассказала ему, что у него есть различные возможности, и он сказал мне, что он хотел бы опираться на показания, которые он хочет сейчас зачитать под запись, а после этого он не хочет давать более никаких комментариев по этим вопросам, пока ему не сообщат дополнительные сведения. Он надеется, что его показания позволят объяснить те немногие сведения, которые на данный момент ему сообщили, и я думаю, что так и будет».

149. В подготовленном заявлении четвертый заявитель подтвердил, что он ничего заранее не знал о событиях 21 июля и сожалеет о них. Далее он отметил:

«Я был остановлен сотрудниками полиции в среду, 27 июля, и согласился помочь им всеми возможными способами (см. мои показания от 28 июля 2005 г.). Я максимально подробно рассказал о своем знакомом, которого я знаю под именем Хамди».

150. Далее он уточнил свои свидетельские показания в части, касающейся данного им физического описания Османа, добавив:

«Я хотел бы подчеркнуть, что я не узнал Хамди (здесь я прерываюсь, чтобы сказать, что это оказался Хусейн Осман) по изображениям с камер видеонаблюдения, которые попали в средства массовой информации, а когда Хамди впервые заявил, что участвовал в этих событиях, я ему не поверил; по крайней мере я не верил в его причастность, пока меня не остановили сотрудники полиции».

151. Он сделал еще несколько небольших замечаний по поводу свидетельских показаний и отказался отвечать на дальнейшие вопросы.

152. 1 августа 2005 г. четвертый заявитель был допрошен в качестве подозреваемого во второй раз. Он вновь отказался отвечать на вопросы, но настаивал, что помогал полиции с самого начала и не захотел делать больше никаких заявлений. 2 августа 2005 г. его допросили снова. Четвертый заявитель повторил, что он не террорист и никогда им не будет и не принимал никакого участия в том, что произошло. На своем последнем допросе 3 августа он сказал, что всё, что он знает, содержится в его первоначальных свидетельских показаниях. 3 августа 2005 г., в 14.20, было предъявлено обвинение.

2. Суд над четвертым заявителем

153. В октябре 2007 года в Кингстонском суде короны под председательством королевского адвоката судьи Уорслея (Worsley) и с участием присяжных начался суд над четвертым заявителем и еще четырьмя обвиняемыми. Четвертый заявитель обвинялся в том, что он помогал Осману и скрыл информацию о четырех террористах после взрывов. Кроме него, перед судом предстали Шериф (Sherif), который обвинялся, помимо прочего, в том, что он отдал свой паспорт четвертому заявителю для того, чтобы Осман смог уехать в г. Рим, и Вахби Мухаммед (Wahbi Mohammed), брат второго заявителя, который обвинялся в том, что он взял видеокамеру, которая использовалась для съемки прощальных видеороликов, утром 21 июля 2005 г., и отдал ее потом четвертому заявителю для передачи Осману.

(a) Версия обвинения

154. По версии обвинения, четвертый заявитель был готов предоставить Осману убежище, зная о причастности Османа к терактам. Кроме того, сторона обвинения утверждала, что четвер-

тый заявитель забрал паспорт Шерифа и передал его Осману, чтобы помочь ему уехать в г. Рим. Наконец, утверждалось, что четвертый заявитель забрал у Вахби Мухаммеда видеокамеру, которая использовалась будущими террористами для съемки прощальных видеороликов, и передал ее Осману.

(b) Использование свидетельских показаний

155. Четвертый заявитель ходатайствовал о том, чтобы не использовать свидетельские показания от 28 июля 2005 г. по четырем причинам. Во-первых, потому, что эти показания были получены в нарушение применимого кодекса практических указаний, в частности, поскольку ему не сделали предупреждения и не сообщили о праве на получение бесплатной юридической помощи. Во-вторых, так как это нарушение было допущено намеренно. В-третьих, из-за того, что его склонили к даче показаний под тем предлогом, что он свидетель и сможет свободно уйти домой по окончании допроса. В-четвертых, потому, что показания были даны рано утром, когда он был уставшим. Вследствие указанных факторов, как утверждал четвертый заявитель, эти свидетельские показания являются признанием, сделанным им при обстоятельствах, в которых они вполне могли стать недостоверными согласно пункту 2 статьи 76 Закона 1984 года (см. § 199 настоящего Постановления). В качестве альтернативы он утверждал, что данные показания следует признать недопустимым доказательством в порядке осуществления общих дискреционных полномочий по отказу от использования доказательств, о которых говорится в статье 78 Закона 1984 года (см. § 201 настоящего Постановления).

156. Обвинение возражало против этого ходатайства, но согласилось с тем, что свидетельские показания являются признанием для целей статьи 76 Закона 1984 года. Кроме того, обвинение допустило, что по делу было допущено нарушение соответствующего кодекса практических указаний, поскольку четвертому заявителю не было сделано предупреждения и не были предложены услуги адвоката, когда двое полицейских пришли к выводу, что им следует обратиться к своему начальству за соответствующими указаниями (см. § 140 настоящего Постановления).

157. На стадии предварительной проверки допустимости доказательств эти два полицейских дали показания, согласно которым, когда они впервые увидели четвертого заявителя во второй половине дня 27 июля 2005 г., они рассматривали его как возможного свидетеля, который может помочь полиции. Кроме того, стороны согласны с тем, что на данном этапе у полицейских было недостаточно информации, чтобы задержать его или считать его подозреваемым. Один из полицейских пояснил, что к 19.15 он пришел к выводу, что с учетом своих

ответов четвертый заявитель может оговорить себя и что ему нужно сделать предупреждение и сообщить о праве на получение юридической помощи. Соответственно, полицейские прервали допрос и обратились за указаниями к одному из своих начальников, отвечающих за проведение расследования. Им велели продолжать допрос четвертого заявителя в качестве свидетеля, что они и сделали. В своих показаниях один из полицейских выразил удивление тем, что по окончании дачи свидетельских показаний ему велели задержать четвертого заявителя.

158. 3 октября 2007 г. судья первой инстанции отклонил ходатайство об исключении свидетельских показаний из материалов дела. Он согласился, что к тому времени, как четвертый заявитель прибыл в отделение полиции, убедительные объективные основания подозревать его в совершении какого-либо преступления отсутствовали, и с ним нужно было обращаться как со свидетелем. Однако с учетом довода обвинения, по мнению которого можно сказать, что к моменту завершения первого устного допроса появились разумные объективные основания подозревать четвертого заявителя в совершении преступления, судья пришел к убеждению, что к тому моменту, как четвертый заявитель дал письменные свидетельские показания, имело место нарушение применимого кодекса.

159. Судья первой инстанции считал установленным, что отсутствуют доказательства принуждения четвертого заявителя во время его нахождения в отделении полиции. Кроме того, по словам судьи, полицейские не сказали и не сделали ничего, из-за чего свидетельские показания стали бы недостоверными. Судья указал, что четвертый заявитель «добровольно подтвердил» свои свидетельские показания после того, как ему было сделано предупреждение и оказана юридическая помощь. В связи с изложенным судья не согласился с тем, что эти показания следует исключить из материалов дела согласно статье 76 или 78 Закона 1984 года.

160. Наконец, судья сослался на право защиты представлять присяжным свои доводы, оспаривая допустимость показаний четвертого заявителя. Присяжные получают надлежащие указания по вопросу о достоверности данных показаний. При таких обстоятельствах по делу не было допущено нарушения пункта 3 статьи 6 Конвенции.

161. Впоследствии защита ходатайствовала об отказе от использования свидетельских показаний в той части, в которой четвертый заявитель от них отказался или уточнил их в ходе последующих допросов. Эти части касались физического описания Османа и показаний, где указывалось, что четвертый заявитель поверил в причастность Османа к терактам. Обвинение возражало против данного ходатайства, поскольку последующие уточнения показывали, насколько тщательно четвертый заявитель впоследствии изучил свои сви-

детельские показания. Ходатайство было отклонено, так как судья пришел к выводу, что исключение спорных фрагментов из материалов дела введет присяжных в заблуждение. Он пояснил, что присяжные смогут полностью заслушать имеющиеся доказательства, из которых следует, что четвертый заявитель все-таки подтвердил свои свидетельские показания.

(с) Иные доказательства виновности четвертого заявителя

162. К иным доказательствам виновности четвертого заявителя, представленным на суде, относятся:

(i) записи с камер видеонаблюдения от 23 июля 2005 г., на которых видно, как четвертый заявитель и Осман встретились на железнодорожных станциях «Клэпхем Джанкшн» и «Воксхолл» и идут по направлению к дому четвертого заявителя;

(ii) анализ передвижения по данным с вышек сотовой связи (позволяющий установить, откуда были сделаны вызовы с мобильного телефона), соответствующий версии о том, что Осман звонил по телефону из квартиры четвертого заявителя;

(iii) записи с камер видеонаблюдения, на которых видно, как четвертый заявитель встречается в Вахби Мухаммедом и забирает у него камеру, с помощью которой, как утверждалось, террористы снимали видеоролики о мучениках;

(iv) доказательства телефонных разговоров между четвертым заявителем и Шерифом предположительно для того, чтобы четвертый заявитель забрал у Шерифа паспорт для Османа. Четвертый заявитель не дал этим разговорам никаких объяснений, несмотря на то, что он не виделся с Шерифом несколько лет, прежде чем они стали общаться по телефону;

(v) анализ передвижения по данным с вышек сотовой связи, соответствующий утверждению о том, что четвертый заявитель встречался с Шерифом с целью забрать у него паспорт;

(vi) записи с полицейской камеры видеонаблюдения, на которых видно, что Осман вышел из квартиры четвертого заявителя 26 июля в сопровождении четвертого заявителя и направился к вокзалу Ватерлоо;

(vii) газета с репортажем о попытке подрыва взрывных устройств с изображениями террористов (в том числе Османа), обнаруженная на квартире у четвертого заявителя, с отпечатками пальцев четвертого заявителя;

(viii) расшифровки телефонного разговора четвертого заявителя с Османом после того, как последний сел на поезд «Евростар» на вокзале Ватерлоо, показывающие, что Осман дважды разговаривал с четвертым заявителем 26 июля по мобильному телефону и дважды пытался позвонить до него 27 июля из Италии;

(ix) протоколы допроса четвертого заявителя в полиции 30 июля и 1 августа после того, как он был задержан и получил юридическую помощь, в которых он признал, что Осман останавливался у него на квартире, и подтвердил свои свидетельские показания от 28 июля (см. §§ 148–152 настоящего Постановления).

(d) Ходатайство о приостановлении судебного разбирательства в связи с процессуальными нарушениями

163. После того, как сторона обвинения закончила представлять доказательства, четвертый заявитель ходатайствовал о приостановлении судебного разбирательства на основании того, что обвинение нарушило процессуальные нормы. По его мнению, данное полицейским указание продолжать обращаться с ним как со свидетелем, а не как с подозреваемым означало, что его обманом заставили давать показания в качестве свидетеля. Как он утверждал, фактически ему сказали, что он не подвергнется уголовному преследованию. Иными словами, то, что впоследствии он стал подозреваемым и подвергся уголовному преследованию, было изначально несправедливо.

164. 5 ноября 2007 г. судья отклонил это ходатайство. Он пришел к выводу, что нарушение процессуальных норм произошло бы только в том случае, если бы уголовному преследованию подвергся человек, которого недвусмысленно заверили, что он не подвергнется уголовному преследованию, и который под влиянием этих заверений действовал вразрез со своими интересами. Четвертый заявитель таких недвусмысленных заверений не получал. Даже если он думал, что получил подобные заверения, он не действовал под их влиянием вразрез со своими интересами. Судья пояснил следующее:

«Рассматривая вопрос о том, могут ли обстоятельства дела являться основанием для приостановления предъявленных ему обвинений, я должен изучить все доказательства в целом, а также позицию Абдурахмана.

В ходе допроса у Абдурахмана, когда ему сделали предупреждение, была возможность сказать, что его прежние заявления не соответствуют действительности, являются неточными или были сделаны тогда, когда он был настолько уставшим, что его показания не заслуживали доверия и изобиловали неточностями. Однако он этого не сделал. Когда он смог встретиться со своим адвокатом и подробно изучить показания, которые он дал сотрудникам полиции, он подтвердил их и... на сегодняшний день он практически признает то, что он сказал сотрудникам полиции».

165. Судья пришел к выводу, что неуважением к правосудию будет вовсе не решение продолжать судебное разбирательство, а решение его приостановить. Он отметил, что у четвертого

заявителя есть квалифицированный адвокат, что он мог четко озвучить свою позицию после дачи свидетельских показаний и мог подробно прокомментировать свои показания, находясь в статусе подозреваемого. Как признала сторона обвинения, первоначальное наделение его статусом свидетеля было несправедливым, однако следует принимать во внимание все обстоятельства дела в совокупности. Судья пришел к «очень четкому» выводу о том, что это, конечно же, не тот случай, когда он мог бы даже помыслить о том, чтобы утверждать, будто привлечение четвертого заявителя к суду может быть несправедливым.

(е) Рассмотрение дела в суде первой инстанции

166. Осман был вызван для дачи показаний своим братом Шерифом. Осман подтвердил, что он скрывался на квартире у четвертого заявителя, и сказал, будто тот верил в то, что сообщили в новостях. Четвертый заявитель рассказал, что полиция искала его (Османа), но его нельзя было узнать по изображениям, опубликованным в средствах массовой информации. Осман не поверил в то, что четвертый заявитель его боялся. Далее он подтвердил, что он просил четвертого заявителя связаться с Шерифом и забрать паспорт. Четвертый заявитель выполнил эту просьбу около 20.00–21.00 вечером 25 июля 2005 г. Вернувшись с паспортом, четвертый заявитель направился на вокзал Ватерлоо, чтобы купить Осману билет на поезд «Евростар». Он не смог этого сделать, потому что у него с собой не было номера паспорта, зато он узнал расписание на следующий день. Адвокат четвертого заявителя подверг Осману тщательному перекрестному допросу, обвинив его в том, что тот лжет, пытаясь защитить свою семью. Осман же утверждал, что говорит правду.

167. Шериф дал устные показания, и адвокат четвертого заявителя также подверг его перекрестному допросу. Шериф признал, что он дал паспорт для того, чтобы Осман смог уехать. Шериф сказал, что четвертый заявитель пришел к нему домой, чтобы встретиться с ним вечером 24 июля 2005 г., и попросил у него паспорт, чтобы Осман смог покинуть страну. Он сообщил, что Осман был у него (у четвертого заявителя) дома. Шериф испугался и не хотел отдавать паспорт. Однако потом он передумал. В текстовом сообщении, отправленном четвертому заявителю позже этим же вечером, и в телефонном звонке на следующий день он попросил четвертого заявителя забрать паспорт. Четвертый заявитель пришел к нему домой и забрал у него паспорт 25 июля 2005 г., около 19.45. Адвокат четвертого заявителя обвинил Шерифа в том, что тот лжет, но Шериф настаивал, что говорит правду и что четвертый заявитель действительно забрал паспорт.

168. Четвертый заявитель не давал показаний на суде. Его защита строилась на его свидетель-

ских показаниях от 28 июля 2005 г. Он признал, что забрал видеокамеру и передал ее Осману, но адвокат пояснил, что это было невинное поручение и что четвертый заявитель не пытался это скрыть. Затем четвертый заявитель признал, что 25 июля 2005 г., около 20.45, он был в кассе на вокзале Ватерлоо. Он не признался в том, что забрал паспорт, а адвокат подчеркнул, что данный факт подтверждается только показаниями Османа и Шерифа. Им обоим, по его словам, нельзя доверять, а мотивы, по которым они дали эти показания, непонятны. Адвокат предложил присяжным игнорировать свидетельские показания, сославшись на признанные нарушения кодекса полицейскими. Адвокат подчеркнул, что допрос продолжался очень долго и что четвертому заявителю не сделали предупреждения и не предоставили ему юридической помощи.

(f) Напутствие присяжным и их вердикт

169. Прежде, чем присяжные удалились для вынесения вердикта, судья первой инстанции дал им свое напутствие. По вопросу о свидетельских показаниях он дал им следующие указания:

«Вы помните длинные написанные от руки свидетельские показания, которые подписал Абдурахман, и последующие допросы, когда он отвечал на вопросы сотрудников полиции. Обвинение утверждает, что, помимо других доказательств его виновности, подсудимый Абдурахман дал свидетельские показания, являющиеся признанием, которое вы можете использовать. Подсудимый же утверждает, что вы не должны использовать его письменные свидетельские показания, поскольку обстоятельства, при которых они были получены, указывают на то, что им нельзя доверять.

Он говорит, что сотрудники полиции обманом заставили его дать показания, обращаясь с ним как со свидетелем в нарушение кодексов практических указаний, которым они обязаны следовать, тогда как ему нужно было, во-первых, сначала сделать предупреждение, во-вторых, разрешить ему доступ к адвокату, в-третьих, сделать аудиозапись его допроса, а в-четвертых, обеспечить подходящие и эффективные перерывы для отдыха.

Согласно закону, при рассмотрении дела вопрос, который вам нужно рассмотреть, заключается в том, следует ли вам использовать свидетельские показания Абдурахмана в качестве доказательства или игнорировать их, а не в том, считаете ли вы его привлечение к суду справедливым. Если вы считаете, что причиной дачи показаний послужили или могли послужить слова или действия, из-за которых они могли стать недостоверными, вы должны их игнорировать, даже если вы думаете, что они соответствуют или могут соответствовать действительности.

Однако нарушение кодекса не приводит к автоматическому запрету использовать в качестве доказательства письменные показания свидетеля, который впоследствии стал обвиняемым. Если вы

уверены, что, несмотря на допущенные нарушения кодекса, показания были даны добровольно в том смысле, что он рассказал бы об этом независимо от того, было ему сделано предупреждение или нет, и даже если бы все положения кодекса были соблюдены, а также что эти показания соответствуют действительности, примите их во внимание при обсуждении своего вердикта в отношении Абдурахмана.

Обвинение утверждает, что какими бы ни были нарушения кодексов практических указаний, которые должны были соблюдать сотрудники полиции, вы можете без колебаний использовать письменные свидетельские показания, данные и подписанные Абдурахманом, так как на допросах он четко подтвердил, что они содержат «ценные сведения», которые он сообщил полиции. Действительно, он внес несколько подробных изменений, которые точно отражают то, что он всегда хотел сказать в тот момент, когда ему было сделано предупреждение и когда он смог посоветоваться с адвокатом. Абдурахман решил воспользоваться своим правом не рассказывать вам под присягой, почему он дал эти показания и что он сделал бы, если бы его задержали и сделали ему предупреждение. Не стройте предположений по этому поводу».

170. По поводу молчания четвертого заявителя на суде судья дал присяжным следующие указания:

«Подсудимый Абдурахман, как вы знаете, не стал давать вам показаний. Это его право, он вправе хранить молчание и требовать, чтобы обвинение убедило вас в его виновности. Вы не должны предполагать, что он виновен в совершении какого-либо преступления потому, что он не давал показаний».

Из его молчания следуют два вывода. Во-первых, вы выносите вердикт на основе доказательств, и вы примете во внимание, что на суде Абдурахман не дал показаний, которые бы разрушали, противоречили или поясняли доказательства, представленные вам стороной обвинения. Во-вторых, его молчание на суде может указывать на его виновность, поскольку вы можете прийти к выводу, что он не стал давать показаний потому, что ему нечего было ответить на доводы обвинения, или потому, что ни одно из его заявлений не выдержало бы критики. Если вы придете к такому выводу, вы не должны признавать его виновным исключительно или главным образом на этом основании, но можете считать его дополнительным доказательством обоснованности доводов обвинения.

Однако вы можете прийти к такому неблагоприятному для подсудимого выводу лишь в том случае, если вы считаете, что данный вывод справедлив и правилен, если вы уверены в двух вещах. Во-первых, в том, что доводы обвинения настолько убедительны, что он явно должен был на них ответить, во-вторых, в том, что единственным разумным объяснением его молчания является то, что ему нечего было ответить на доводы обвинения или что ни одно из его заявлений не выдержало бы критики.

Напоминаю вам, что защита предлагает вам не делать никаких выводов из его молчания на основании того, что имело место признанное нарушение кодекса практических указаний, который

направлен на защиту обвиняемых, поэтому, как утверждает защита, вы не должны соглашаться с доводом обвинения, но можете без сомнений использовать всё, что он сообщил полиции в своих подробных письменных показаниях. Если вы думаете, что нарушения кодекса являются веским основанием не делать из его молчания никаких выводов, так и поступите. В противном случае с учетом того, что я сказал, вы можете это сделать».

171. Судья напомнил присяжным доводы обвинения и различные доказательства виновности четвертого заявителя (см. § 162 настоящего Постановления). Он пояснил следующее:

«Обвинение ссылается на свидетельские показания, которые он дал и подписал, потому что, как оно утверждает, он их подтвердил, а обвиняемый, интеллигентный молодой человек, по-видимому, способный работник адвокатской конторы. Обвинение подчеркивает, что он не упоминал о видеокамере и паспорте и что он назвал неправильную дату отъезда Османа и место, куда тот направлялся».

172. Кроме того, судья напомнил присяжным о доказательствах невиновности четвертого заявителя, содержащихся в его свидетельских показаниях, и о заявлениях его адвоката на суде.

173. 4 февраля 2008 г. четвертый заявитель был признан виновным в том, что он помогал Осману (эпизод № 12) и что он четырежды скрыл информацию о террористах после терактов (эпизоды №№ 16–19). Ему было назначено наказание в виде пяти лет лишения свободы по эпизоду № 12 и наказание в виде пяти лет лишения свободы по эпизодам №№ 16–19 с последовательным отбыванием этих наказаний. Шерифа признали виновным в том, что он помогал Осману и скрыл информацию о нем после подрыва бомб. Он был оправдан по обвинению в том, что заранее знал о терактах. Шерифу тоже было назначено наказание в виде пяти лет лишения свободы по каждому эпизоду с последовательным отбыванием этих наказаний.

3. Жалоба, поданная четвертым заявителем

174. Четвертый заявитель и другие обвиняемые по его делу обжаловали обвинительный приговор и назначенное им наказание в Апелляционный суд Англии и Уэльса. Четвертый заявитель утверждал, что судья первой инстанции допустил ошибку, использовав его свидетельские показания.

175. 21 ноября 2008 г. Апелляционный суд Англии и Уэльса оставил жалобу на обвинительный приговор без удовлетворения. Он выразил опасения по поводу произошедшего в отделении полиции, но решил, что судья первой инстанции не допустил ошибки, использовав спорные свидетельские показания. По поводу того, что эти показания были даны с нарушением применимого кодекса, суд заявил:

«...38. То, как вели себя полицейские, несомненно, внушает тревогу. Решение не задерживать Абдурахмана и не делать ему предупреждения в ситуации, когда допрашивавшие его полицейские полагали, что имеющийся у них материал дает разумные основания подозревать его в совершении преступления, является явным и намеренным свидетельством игнорировать кодекс. Однако на данном этапе дилемму, перед которой оказались полицейские, можно понять. Абдурахман давал сведения об Османе, которые могли сыграть важнейшую роль в обеспечении его задержания, а на тот момент это имело первоочередное значение. Нам кажется, что судья был вправе прийти к выводу, что, как установило обвинение, никакие слова или действия не могли поставить под сомнение достоверность свидетельских показаний. Суд был вправе принять во внимание, что в подготовленных показаниях, данных после того, как обвиняемому сделали предупреждение, он утверждал, что пытается оказать помощь полиции. Это он повторил и на последующих допросах. Таким образом, он не сказал ничего, что могло бы заставить сомневаться в достоверности его показаний. Поэтому нам представляется, что судья тоже был вправе на основании всех материалов дела сделать вывод, что Абдурахман, получив юридическую помощь, повторил, как мы уже отметили, с некоторыми изменениями, свои свидетельские показания по вопросу о том, какую роль он играл по отношению к Осману в дни, следующие за 21 июля. Далее, с учетом того, что истец по апелляции подтвердил эти свидетельские показания, мы не считаем, что решение судьи разрешить использование рассматриваемых показаний присяжными в порядке осуществления полномочий, которыми его наделяет статья 78 Закона, можно назвать искажением или результатом ошибки в вопросах права».

176. По поводу отказа судьи первой инстанции приостановить разбирательство в связи с допущенными процессуальными нарушениями Апелляционный суд Англии и Уэльса пояснил следующее:

«...39. ...По сути довод, выдвинутый в защиту Абдурахмана, заключается в том, что уголовное преследование на основании показаний, которые он дал в качестве свидетеля, просто-напросто несправедливо. По его словам, ему фактически сказали, что он не подвергнется преследованию, и исходя из этого он решил помочь. На наш взгляд, судья поступил правильно, отклонив данный довод. В деле нет доказательств того, что истец по апелляции дал показания потому, что, как он полагал, его не собираются преследовать. Он не представил доказательств, подтверждающих это предположение, и ничто в его допросах после задержания не предполагает, что он дал свидетельские показания именно по этой причине. Напротив, он дал свидетельские показания, поскольку хотел помочь полиции. В подобных делах суд может установить процессуальное нарушение лишь в том случае, если подсудимый сможет доказать, что лица, отвечающие за ведение уголовного дела, сделали недвусмысленные заверения и что он действовал вразрез со своими интересами (см. решение Апелляционного суда Англии и Уэльса по делу “Королева против Абу Хамзы” (R v. Abu

Hamza) (2007) 1 Cr. App. R. 27, (2006) EWCA Crim. 2918), в частности, в § 54. В настоящем деле ситуация иная».

177. Что касается обжалования приговора, суд признал, что при назначении наказания могут учитываться личные обстоятельства, например, молодость или уязвимое положение, но подчеркнул, что в случае большинства истцов по апелляции, в том числе четвертого заявителя, подобные обстоятельства отсутствуют. Суд отметил, что истцы по апелляции совершенно не учитывали в своих действиях свой долг перед обществом, и далее отметил:

«Никто, кроме Абдурахмана, вообще не сообщил никаких сведений до задержания...».

178. В заключение Апелляционный суд Англии и Уэльса частично удовлетворил жалобу четвертого заявителя на назначенное ему наказание, приняв во внимание помощь, которую тот оказал полиции:

«...47. Помощь, оказанная [четвертым заявителем] Осману, крайне важна. Однако мы приходим к выводу, что можем и должны учесть, что он оказал сотрудникам полиции хотя бы какую-либо помощь и поделился хотя бы какими-то сведениями, пусть даже только после того, как он с ними встретился...».

179. Апелляционный суд Англии и Уэльса уменьшил наказания, назначенные по эпизоду № 12 и эпизодам №№ 16–19, на четыре года лишения свободы каждое. Он отметил, что обвинительный приговор за сокрытие сведений об Османе практически не усугубляет уголовно наказуемый характер пособничества его действиям, поэтому назначенное по этому эпизоду наказание нужно отбывать одновременно. Остальные эпизоды, связанные с сокрытием информации о других террористах, явно образуют отдельное преступление, наказание за которое требуется отбывать последовательно. В результате общий срок наказания составил восемь лет лишения свободы. Рассматривая жалобу Шерифа на вынесенный ему приговор, Апелляционный суд Англии и Уэльса отметил, что Шериф сыграл ключевую роль в том, что Осман смог уехать, и счел, что это требует назначить «очень суровое наказание, которое нельзя, как в случае [четвертого заявителя], смягчить тем, что он на каком-то этапе поделился информацией с полицией». Приняв во внимание, что Шериф провел 467 дней под домашним арестом, суд приговорил его к шести годам и девяти месяцам лишения свободы в связи с тем, что он помогал Осману. Наказание за сокрытие информации об Османе в виде четырех лет лишения свободы должно было отбываться параллельно.

180. 3 февраля 2009 г. Апелляционный суд Англии и Уэльса отказался констатировать существование вопроса, имеющего значение для общества в целом, и передать дело в Палату лордов Парламента Соединенного Королевства.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

181. Статья 66 Закона 1984 года требует от министра внутренних дел Соединенного Королевства составлять кодексы практических указаний, в частности, относительно задержания и допросов подозреваемых и правил обращения с ними со стороны сотрудников полиции. В настоящем деле применяется кодекс С. Статья 10 кодекса С касается предупреждений; в период, относящийся к обстоятельствам дела, часть первая этой статьи предусматривала следующее:

«Лицо, в отношении которого существуют основания подозревать в совершении преступления, необходимо предупредить, прежде чем задавать ему какие-либо вопросы об этом преступлении или новые вопросы, если ответы дают основания подозревать его и если ответы или молчание подозреваемого (то есть отсутствие ответов, отказ давать ответы или неудовлетворительные ответы на вопросы) могут быть использованы в качестве доказательства на суде или в рамках следствия по уголовному делу».

182. До принятия Закона «О правосудии по уголовным делам и общественном порядке» 1994 года (далее – Закон 1994 года) предупреждение (которое повсеместно называли «предупреждение по старой форме») звучало следующим образом:

«Вы не обязаны ничего говорить, но всё, что вы скажете, может быть использовано в качестве доказательства».

183. Статья 34 Закона 1994 года позволяет присяжным делать неблагоприятные выводы, если подсудимый на допросе в полиции не упоминает о доводах, на которые он ссылается в свою защиту в рамках последующего разбирательства по уголовному делу. Конкретные обстоятельства, в которых могут быть сделаны такие неблагоприятные выводы, обычно подробно объясняются присяжным в наставлении судьи первой инстанции.

184. Формулировка предупреждения, которое обычно делается с момента вступления в силу Закона 1994 года (его повсеместно называют предупреждением по новой форме), содержится в части пятой статьи 10 кодекса и звучит следующим образом:

«Вы не обязаны ничего говорить. Но если на допросе вы не упоминаете о чем-то, на что вы позднее ссылаетесь на суде, это может повредить вашей защите. Всё, что вы скажете, может быть использовано в качестве доказательства».

185. Согласно пункту 2А статьи 34 Закона 1994 года на суде нельзя делать неблагоприятные выводы, когда на допросе в полиции обвиняемый не упомянул о фактах, на которые он потом ссылается в свою защиту, если до начала допроса ему не позволили проконсультироваться с адвокатом.

В. ДОПРОСЫ В ИНТЕРЕСАХ БЕЗОПАСНОСТИ

1. Закон «О терроризме» 2000 года

186. Закон «О терроризме» 2000 года (далее – Закон 2000 года) регулирует задержание и содержание под стражей подозреваемых в совершении преступлений, связанных с терроризмом. Статья 41 разрешает констеблю полиции задерживать лицо без ордера по обоснованному подозрению в терроризме. В случае задержания согласно статье 41 применяются положения Приложения № 8, которые, в частности, касаются возможности получения юридической помощи. Ниже приводятся нормы по состоянию на спорный период времени. С тех пор в соответствующие положения были внесены поправки, не имеющие значения для настоящего дела.

187. В пункте 6 Приложения № 8 предусмотрено право задержанного при первой же возможности уведомить о своем задержании одно поименованное лицо, если он того желает («право не содержаться в изоляции»). Это право осуществляется при соблюдении положений пункта 8 указанного Приложения.

188. Согласно пункту 7 Приложения № 8 задержанный по подозрению в терроризме, если он об этом попросит, имеет право при первой же возможности поговорить с адвокатом наедине и в любое время («право на получение юридической помощи»). Это право также осуществляется при соблюдении положений пункта 8 указанного Приложения.

189. Подпункт 1 пункта 8 Приложения № 8 устанавливает, что сотрудник полиции в чине не ниже инспектора может разрешить задержку в осуществлении прав, предусмотренных пунктами 6 и 7 приложения. Согласно подпункту 2 пункта 8 данного приложения такое разрешение может быть выдано только в том случае, если у сотрудника есть убедительные основания полагать, что осуществление этих прав приведет к одному или нескольким из следующих последствий:

«(а) вмешательство в доказательственную базу по тяжкому преступлению, предполагающему задержание, или повреждение доказательственной базы по такому преступлению;

(b) вмешательство в физическую неприкосновенность любого человека или причинение ему телесных повреждений;

(c) привлечение внимания подозреваемых в совершении тяжкого преступления (предполагающего задержание), которые не были задержаны за его совершение;

(d) воспрепятствование возврату имущества, полученного в результате совершения серьезного преступления (предполагающего задержание), или имущества, в отношении которого может быть издано распоряжение о конфискации...

(e) вмешательство в сбор информации о совершении, подготовке террористических актов или пособничестве их совершению;

(f) привлечение внимания лица, осложняющее предотвращение террористического акта;

(g) привлечение внимания лица, осложняющее задержание лица, его преследование или привлечение его к ответственности в связи с совершением, подготовкой террористического акта или пособничеством его совершению...».

190. Подпункт 7 пункта 8 Приложения № 8 предусматривает, что при наличии разрешения задержанному следует при первой же возможности сообщить о причинах задержки и зафиксировать эти причины письменно.

2. Положения кодекса С

191. В период, относящийся к обстоятельствам дела, в отношении указанных норм отсутствовали конкретные кодексы практических указаний. Кодекс С (см. § 181 настоящего Постановления) распространялся и на задержанных по подозрению в терроризме.

192. Статья 5 Кодекса С касается права не содержаться в изоляции. Пункты 5.1 и 5.2 закрепляют общее право связаться с указанным лицом, предусмотренное пунктом 6 Приложения № 8 к Закону 2000 года, и поясняют, что задержка при осуществлении этого права допускается только в соответствии с положениями Приложения В к кодексу (см. § 198 настоящего Постановления).

193. Статья 6 Кодекса С касается права на получение юридической помощи. Пункты 6.1 и 6.5 закрепляют общее право на получение юридической помощи, установленное пунктом 7 Приложения № 8 к Закону 2000 года, и поясняют, что задержка при осуществлении данного права допускается только в соответствии с положениями Приложения В к кодексу.

194. В пункте 6.6 поясняется, что задержанного, который хочет получить юридическую помощь, нельзя допрашивать до ее получения, за исключением случаев, когда:

(а) применяется Приложение В или

(b) у сотрудника полиции в чине не ниже инспектора есть разумные основания полагать, что:

(i) произошедшая в результате задержка может, в частности, повлечь за собой последствия, предусмотренные подпунктами «а»–«d» пункта 8 Приложения № 8 к Закону 2000 года (см. § 189 настоящего Постановления), либо

(ii) если с адвокатом связались, и он согласился прийти, ожидание его прихода приведет к необоснованной задержке в ходе расследования.

195. Кроме того, в пункте 6.6 поясняется, что в этих случаях действует запрет делать неблагоприятные выводы из молчания подозреваемого (см. § 185 настоящего Постановления), так как у того не было возможности посоветоваться с адвокатом. В Приложении С поясняется необходимость

использования предупреждения по старой форме (см. § 182 настоящего Постановления).

196. В пункте 6.7 Кодекса С поясняется, что, как только будет получено достаточно сведений для предотвращения угрозы, допрос следует прекратить до получения задержанным юридической помощи.

197. В Руководящих указаниях, прилагающихся к Кодексу С, содержится пункт С:6А:

«Рассматривая вопрос о применимости подпункта “b” пункта 6.6, сотрудник полиции должен при наличии возможности попросить адвоката указать, сколько примерно времени ему потребуется для того, чтобы добраться до отделения полиции, и сопоставить ответ с максимально допустимым сроком содержания под стражей, временем суток... и требованиями других расследований. Если адвокат уже выехал в отделение полиции или собирается выехать немедленно, обычно имеет смысл начать допрос до его прибытия. Если представляется необходимым начать допрос до прихода адвоката, ему необходимо сказать, как долго полиция сможет ждать, прежде чем применить подпункт “b” пункта 6.6, так, чтобы была возможность договориться об оказании юридической помощи с кем-то другим».

198. В части В Приложения В конкретно говорится о лицах, задержанных согласно положениям Закона 2000 года. Она предусматривает, что осуществление прав, обсуждавшихся в статьях 5 и 6 Кодекса С, может быть задержано на срок до 48 часов при наличии разумных оснований полагать, что осуществление этого права повлечет за собой последствия, указанные в пункте 8 Приложения 8 к Закону 2000 года (см. § 189 настоящего Постановления).

С. ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

199. Пункт 1 статьи 76 Закона 1984 года предусматривает, что признательные показания обвиняемого могут быть использованы в качестве доказательства его виновности постольку, поскольку они имеют отношение к любому вопросу, который обсуждается в ходе разбирательства, и не исключены судом из материалов дела в порядке, предусмотренном этой статьей. Пункт 2 статьи 76 гласит:

«Если в рамках любого разбирательства, когда обвинение предлагает предоставить в качестве доказательства признательные показания обвиняемого, суду представляется, что эти признательные показания были или могли быть получены:

(а) путем принуждения давшего их лица

или

(b) вследствие слов или действий, из-за которых в существовавших в то время обстоятельствах сделанные вследствие этого признательные показания могли стать недостоверными,

суд не должен признавать признательные показания допустимым доказательством его виновности, если только обвинение не докажет суду вне

всякого разумного сомнения, что признательные показания (независимо от того, что они могут оказаться правдой) не были получены так, как описано выше».

200. Согласно пункту 1 статьи 82 Закона 1984 года «признательные показания» включают в себя любые заявления, «полностью или частично неблагоприятные для сделавшего их человека, независимо от того, выполняет этот человек официальные функции или нет, а также сделаны они в устной форме или нет».

201. Пункт 1 статьи 78 Закона 1984 года устанавливает следующее:

«В рамках любого разбирательства суд может отказаться признавать допустимыми доказательства, на которые предлагает ссылаться сторона обвинения, если суду представляется, что с учетом всех фактов дела, в том числе обстоятельств получения этих доказательств, признание этих доказательств допустимыми так сильно повлияло бы на справедливость производства по делу, что суд не должен признавать их допустимыми».

D. ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

202. Комиссия по пересмотру уголовных дел (*Criminal Cases Review Commission*) – это независимый орган, созданный для расследования утверждений о том, что человека по ошибке признали виновным в совершении преступления или неправильно назначили ему наказание. Ее деятельность регулируется Законом «Об обжаловании приговоров по уголовным делам» (*Criminal Appeal Act*) 1995 года. Если человека признают виновным согласно обвинительному заключению, пункт 1 статьи 9 данного закона предоставляет Комиссии право в любой момент направить обвинительный приговор на рассмотрение Апелляционного суда Англии и Уэльса. Согласно пункту 2 статьи 9 закона это во всех отношениях приравнивается к жалобе осужденного на вынесенный ему приговор. Комиссия может направить дело в суд, когда судимый утверждает, что рассмотрение дела было несправедливым, если, по его мнению, есть реальные шансы на то, что обвинительный приговор не будет утвержден.

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ

A. ПРАВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

1. Право на информацию

203. 22 мая 2012 г. Европейский союз принял Директиву № 2012/13/Европейского союза «О праве на информацию в уголовном процессе». В этой директиве участвуют все государства – чле-

ны Европейского союза, кроме Дании. В основе директивы лежат права, закрепленные в Хартии Европейского союза об основных правах, в частности, в статьях 6, 47 и 48 хартии, которые ссылаются на статьи 5 и 6 Конвенции и их трактовку Европейским Судом. В преамбуле к директиве поясняется, что право быть уведомленным о процессуальных правах, «установленное прецедентной практикой» Европейского Суда, должно быть прямо отражено в директиве.

204. В статье 1 директивы уточняется, что у права на информацию есть два аспекта: право на информацию о процессуальных правах и право на информацию о предъявленном обвинении. Согласно статье 2 директива применяется с того момента, когда человеку стало известно от компетентных органов, что он подозревается или обвиняется в совершении преступления. Этому человеку необходимо незамедлительно предоставить информацию о как минимум пяти процессуальных правах, перечисленных в пункте 1 статьи 3 директивы, а именно праве на доступ к адвокату, праве на получение бесплатной юридической помощи, праве на информацию о предъявленном обвинении, праве на устный и письменный перевод, праве хранить молчание. Пункт 2 статьи 8 предусматривает, что подозреваемые имеют право в порядке, предусмотренном внутренним законодательством, обжаловать непредставление соответствующей информации. В директиве не дается указаний по поводу того, как следует использовать показания, полученные без предварительного информирования о процессуальных правах, в рамках последующего разбирательства по уголовному делу.

205. Положения директивы нужно было внедрить во внутригосударственное законодательство до 2 июня 2014 г.

2. Право на доступ к адвокату

206. 22 октября 2013 г. Европейский союз принял Директиву № 2013/48/ЕС, касающуюся права на доступ к адвокату, права на уведомление третьих лиц о задержании и права связываться с третьими сторонами и с консульскими органами. Соединенное Королевство (наряду с Ирландией и Данией) решило не участвовать в директиве, следовательно, в этих странах она не применяется. Директива устанавливает минимальные стандарты, касающиеся права на доступ к адвокату в уголовном процессе и производстве по исполнению европейского ордера на арест. При этом она поощряет применение хартии, в частности статей 4, 6, 7, 47 и 48 хартии, опираясь на статьи 3, 5, 6 и 8 Конвенции и на их трактовку Европейским Судом. В пункте 21 преамбулы директивы со ссылкой на прецедентную практику Европейского Суда поясняется, что, если подозреваемым или обвиняемым становится лицо, не являющееся подозреваемым

или обвиняемым, например, свидетель, у этого лица должны быть гарантии, позволяющие ему не свидетельствовать против самого себя, и право хранить молчание. В таких ситуациях сотрудники правоохранительных органов должны немедленно прервать допрос, который можно продолжить только в том случае, если соответствующее лицо было поставлено в известность относительно того, что оно является подозреваемым или обвиняемым, и может в полной мере осуществлять права, предусмотренные директивой.

207. Статья 2 директивы предусматривает, что закрепленные в директиве права применяются к

«подозреваемым или обвиняемым... с того момента, когда компетентные органы... сообщили им официальным уведомлением или иным образом о том, что они подозреваются или обвиняются в совершении преступления, независимо от того, лишены они свободы или нет».

208. В пункте 3 статьи 2 поясняется, что директива применяется и к

«лицам, не являющимся подозреваемыми или обвиняемыми, которые во время допроса... стали подозреваемыми или обвиняемыми».

209. Статья 3 директивы предусматривает право на доступ к адвокату «без неоправданной задержки» и в любом случае до начала допроса. Из этого права следуют права встречаться с адвокатом наедине до начала допроса, на то, чтобы адвокат присутствовал на допросе и чтобы адвокат принимал участие в действиях по сбору доказательств.

210. Согласно пункту 6 статьи 3 директивы на стадии предварительного производства по делу временные ограничения права на доступ к адвокату допускаются в исключительных обстоятельствах, когда доказано существование одного из двух убедительных оснований. Первое основание предполагает неотложную необходимость предотвратить серьезные неблагоприятные последствия для жизни, свободы или физической неприкосновенности лица. Второе основание заключается в том, что безотлагательные действия следственных органов необходимы для предотвращения существенной опасности уголовному процессу. В соответствии со статьей 8 директивы любые ограничения должны быть соразмерны, строго ограничены во времени, не должны основываться исключительно на характере или тяжести совершенного преступления и не должны нарушать общей справедливости производства по делу. Ограничения должны быть санкционированы надлежащим образом мотивированным решением, принятым по каждому конкретному случаю.

211. Пункт 2 статьи 12 директивы касается вопроса о средствах правовой защиты и предусматривает, что без ущерба для действия внутригосударственных правил и механизмов в области допустимости доказательств государства-участники должны гарантировать, что в производстве по

уголовным делам при оценке показаний подозреваемых или обвиняемых либо при оценке доказательств, полученных в нарушение их права на адвоката или в случаях, если отступление от указанного права было санкционировано в соответствии с пунктом 6 статьи 3, соблюдаются права на защиту и принцип справедливости производства по уголовному делу.

212. Положения директивы нужно было имплементировать во внутригосударственное законодательство стран до 27 ноября 2016 г.

3. Право не свидетельствовать против самого себя и право хранить молчание

213. 12 февраля 2016 г. Европейский союз принял Директиву № 2016/343 «Об укреплении некоторых аспектов презумпции невиновности и права присутствовать на суде в производстве по уголовным делам». Власти Соединенного Королевства (наряду с Ирландией и Данией) решили не присоединяться к директиве, следовательно, в этих странах она не применяется.

214. Согласно статье 2 директива применяется к подозреваемым или обвиняемым в уголовном процессе. Статья 7 указанной директивы закрепляет право хранить молчание и право не свидетельствовать против самого себя. Статья 10 директивы требует от государств гарантировать, что при оценке показаний подозреваемых либо доказательств, полученных с нарушением права хранить молчание или права не свидетельствовать против самого себя, соблюдаются права на защиту и принцип справедливости производства по уголовному делу.

215. Положения директивы необходимо внедрить во внутригосударственное законодательство стран до 1 апреля 2018 г.

В. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

1. Международный пакт о гражданских и политических правах

216. Право на справедливое судебное разбирательство предусмотрено статьей 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Минимальные права в ходе производства по уголовному делу указаны в пункте 3 статьи 14, который в частях, имеющих отношение к настоящему делу, предусматривает следующее:

«3. Каждый имеет право при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения как минимум на следующие гарантии на основе полного равенства:

...b) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником...

d) быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство выбранного им

самим защитника; если он не имеет защитника, быть уведомленным об этом праве...

g) не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным».

217. Контроль за соблюдением Международного пакта о гражданских и политических правах осуществляет Комитет по правам человека. Он установил, что право на справедливое судебное разбирательство включает в себя право на информацию о правах на защиту, в том числе право на получение юридической помощи и право хранить молчание (см. дело «Саидова против Таджикистана» (Saidova v. Tajikistan), коммуникация № 964/2001, заключение от 8 июля 2004 г., а также дело «Хорошенко против Российской Федерации» (Khoroshenko v. Russian Federation), коммуникация № 1303/2004, заключение от 29 марта 2011 г.).

2. Международные уголовные трибуналы

(а) Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии и Международный уголовный трибунал по Руанде

218. Статья 18 Устава Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (далее – МУТЮ) и статья 17 Устава Международного уголовного трибунала по Руанде (далее – МУТР) предусматривают оказание подозреваемым юридической помощи в случае их допроса обвинителем трибунала до начала судебного разбирательства. Статья 21 Устава МУТЮ и статья 20 Устава МУТР воспроизводят содержание статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (см. § 216 настоящего Постановления). Правило 42 Правил процедуры и доказывания МУТЮ устанавливает следующее:

«(А). Подозреваемый, подлежащий допросу обвинителем, имеет следующие права, о которых обвинитель сообщает подозреваемому до начала допроса на понятном ему языке:

(i) право на помощь выбранного подозреваемым адвоката или на бесплатную юридическую помощь, если у подозреваемого недостаточно средств для оплаты такой помощи...

(iii) право хранить молчание и быть предупрежденным о том, что любое сделанное подозреваемым заявление будет записано и может быть использовано в качестве доказательства.

(В). Допрос подозреваемого не должен проходить в отсутствие адвоката, если подозреваемый по собственной воле не отказался от права на адвоката...».

219. Правило 42 Правил процедуры и доказывания МУТР сформулировано по сути в аналогичных выражениях.

220. В соответствии с пунктом «D» правила 89 Правил [процедуры и доказывания] МУТЮ и пунктом «C» правила 89 наряду с пунктом «F» прави-

ла 70 Правил [процедуры и доказывания] МУТР камера может исключить доказательство из материалов дела, если его доказательственная ценность существенно перевешивается необходимостью обеспечения справедливого разбирательства. Правило 95 Правил [процедуры и доказывания] как МУТЮ, так и МУТР предусматривает принцип недопустимости использования доказательств, полученных методами, которые вызывают серьезные сомнения в их достоверности, или доказательств, использование которых несовместимо с добросовестностью разбирательства или может причинить ему серьезный ущерб.

221. В деле «Обвинитель против Караджича» (Prosecutor v. Karadžić) (дело № IT-95–5/18-T, решение по вопросу об исключении из материалов дела расшифровок перехваченных разговоров по ходатайству обвиняемого от 30 сентября 2010 г.) подсудимый ходатайствовал об исключении из материалов дела доказательств (расшифровок перехваченных разговоров), полученных с нарушениями законодательства Боснии. Судебная камера МУТЮ пояснила следующее:

«...7. Установлено, что подход, принятый в [Правилах процедуры и доказывания Трибунала], благоприятствует использованию доказательств, если они имеют отношение к делу и считаются имеющими доказательственную ценность, которая не перевешивается необходимостью обеспечения справедливого разбирательства дела. Соответственно, камера должна сопоставить основные интересы обвиняемого с важнейшими интересами международного сообщества в преследовании лиц, обвиняемых в серьезных нарушениях международного гуманитарного права...»

8. Практика Трибунала ясно свидетельствует о том, что незаконно полученные доказательства не являются недопустимыми изначально, а вопрос об их допустимости определяется способом и обстоятельствами их получения, а также их достоверностью и тем, как они влияют на добросовестность разбирательства. Соответственно, при применении Правила 95 камера должна принять во внимание все обстоятельства, имеющие отношение к данному вопросу, и исключить доказательства из материалов дела только тогда, когда в противном случае серьезно пострадает добросовестность разбирательства (сноски опущены)».

222. Камера пояснила, что с учетом ее задачи преследовать лиц, предположительно виновных в серьезных нарушениях международного гуманитарного права, было бы нецелесообразно исключать из материалов дела уместные доказательства с высокой доказательственной ценностью по процессуальным соображениям, если справедливость разбирательства гарантирована. Камера пришла к выводу, что от использования доказательств, полученных властями Боснии с нарушениями законодательства этой страны, добросовестность разбирательства не пострадает, и признала эти доказательства допустимыми.

(b) Международный уголовный суд

223. Статья 55 Римского статута Международного уголовного суда (далее – МУС), который вступил в силу 1 июля 2002 г., закрепляет права лиц на этапе проведения расследования в соответствии со статутом. Пункт 1 статьи 55 предусматривает, в частности, что лицо не должно принуждаться свидетельствовать против самого себя или признавать свою вину и не должно подвергаться принуждению, давлению или угрозам в любой форме, пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания.

224. Относительно процессуальных прав до начала допроса пункт 2 статьи 55 Римского статута в частях, имеющих отношение к настоящему делу, предусматривает следующее:

«2. В тех случаях, когда имеются основания полагать, что то или иное лицо совершило преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, и такое лицо вскоре должно быть допрошено... это лицо имеет также следующие права, о которых оно информируется до начала допроса:

b) хранить молчание, причем такое молчание не должно учитываться при определении виновности или невиновности;

c) пользоваться правовой помощью по собственному выбору или, если это лицо не пользуется правовой помощью, получать назначенную ему правовую помощь в любом случае, когда этого требуют интересы правосудия... и

d) быть допрашиваемым в присутствии адвоката, если лицо по собственной воле не отказалось от своего права на услуги адвоката».

225. Статья 67 Римского статута закрепляет процессуальные права обвиняемых и воспроизводит, в частности, содержание подпунктов «d» и «g» пункта 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (см. § 216 настоящего Постановления).

226. В соответствии с пунктом 7 статьи 69 Римского статута доказательства, полученные в результате нарушения положений статута или международно признанных прав человека, не являются допустимыми, если:

«a) нарушение порождает серьезные сомнения в достоверности доказательств, или

b) использование доказательств было бы несовместимо с добросовестностью разбирательства и причинило бы ему серьезный ущерб».

227. В деле «Обвинитель против Лубанги» (Prosecutor v. Lubanga) (дело № ICC-01/04-01/06, решение Палаты предварительного производства I по вопросу о подтверждении обвинений от 29 января 2007 г.) палата предварительного производства МУС рассмотрела вопрос о допустимости незаконно полученных доказательств. Она признала, что спорные доказательства были получены

с нарушением международно признанного права на частную жизнь. Однако она заявила, что с учетом формулировок пункта 7 статьи 69 Римского статута понятно, что подобные доказательства не становятся недопустимыми автоматически. Придя к выводу, что незаконность получения доказательств не повлияла на их достоверность, Палата перешла к вопросу о том, как они повлияли на добросовестность разбирательства. Она пояснила, что ей нужно обеспечить должное равновесие между правами обвиняемого и необходимостью соответствовать ожиданиям потерпевших и международного сообщества. Далее Палата отметила:

«...86. ...Несмотря на то, что по этому вопросу в практике международных органов по защите прав человека отсутствует консенсус, большинство считает, что к исключению доказательств из материалов дела может привести только серьезное нарушение прав человека.

87. Если говорить о правилах, применяющихся при рассмотрении дел международными уголовными трибуналами, и об их практике, общепризнанным выходом из положения является “предусмотреть возможность исключения судьями доказательств из материалов дела лишь при наличии очень серьезных нарушений, которые привели к существенной недостоверности представленных доказательств” (сноски опущены)».

IV. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

A. ГОСУДАРСТВА – ЧЛЕНЫ СОВЕТА ЕВРОПЫ

228. Исходя из имеющейся у Европейского Суда информации, представляется, что временные задержки в осуществлении права на доступ к адвокату допускаются законодательством нескольких государств – членов Совета Европы. Анализ правил обращения с показаниями, полученными в нарушение права на юридическую помощь, показывает, что некоторые государства запрещают использование на суде заявлений, сделанных в отсутствие адвоката или без уведомления о праве на адвоката, а в других странах вопросы о том, признавать ли такие заявления допустимыми доказательствами и придавать ли им значение, остаются, по крайней мере, в какой-то степени, на усмотрение суда. Это относится и к показаниям, полученным в нарушение права хранить молчание или права не свидетельствовать против самого себя.

B. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

229. Пятая поправка к Конституции Соединенных Штатов Америки гарантирует право не свидетельствовать против самого себя. Право на помощь адвоката гарантируется Шестой поправкой. По делу «Миранда против Аризоны» (Miranda v. Arizona) (384 US436 (1966)) Верховный суд США

постановил, что заявления, которые человек сделал во время допроса в полиции, когда он содержался под стражей, можно использовать на суде только в том случае, если подозреваемому сообщали о его праве хранить молчание и праве на получение юридической помощи. После вынесения указанного решения, если до начала допроса полиция не сделала «предупреждения по правилам дела Миранды», это стало означать, что полученные показания нельзя использовать в суде.

230. По делу «Нью-Йорк против Куорлза» (New York v. Quarles) (467 US649 (1984)) Верховный суд США постановил, что из обязательства делать «предупреждение по правилам дела Миранды» для того, чтобы ответы подозреваемых можно было использовать в качестве доказательств, есть исключение, связанное с обеспечением «безопасности населения», и применение данного исключения не зависит от мотивации отдельных задействованных сотрудников полиции. Верховный суд заявил, что сотрудники полиции вправе допрашивать подозреваемых, не сообщая им о «правах по правилам дела Миранды», когда это «оправдано стремлением обеспечить безопасность населения». Судья Ренквист (Rehnquist) дал следующие пояснения:

«Процессуальные гарантии, которые отбивают у подозреваемого желание отвечать на вопросы, в деле Миранды были признаны допустимыми для защиты права, предусмотренного Пятой поправкой. Когда в социальном плане эта дополнительная защита оборачивается в основном возможностью уменьшения количества обвинительных приговоров, большинство судей в деле Миранды готово было нести эти издержки. Здесь же, если бы предупреждения по правилам дела Миранды удерживали бы Куорлза от ответа на вопрос полицейского Крафта о том, где находится пистолет, за это пришлось бы заплатить более высокую цену, чем за просто неполучение доказательств, которые можно было бы использовать для вынесения Куорлзу обвинительного приговора. Полицейскому Крафту нужно было получить ответ на свой вопрос не просто для того, чтобы доказать виновность Куорлза, а чтобы устранить другие опасности, которые мог представлять для общества пистолет, спрятанный в общественном месте.

Мы приходим к выводу, что необходимость получения ответов на вопросы в ситуации, представляющей угрозу для безопасности населения, перевешивает необходимость применения профилактической нормы, которая охраняет право не свидетельствовать против самого себя, закрепленное в Пятой поправке. Мы не готовы ставить таких полицейских, как Крафт, в неприемлемое положение, находясь в котором, они должны были бы определять, иногда за несколько секунд, какой вариант лучше отвечает интересам общества: задавать необходимые вопросы, не делая предупреждения по правилам дела Миранды, что приведет к невозможности использовать полученные доказательства независимо от их доказательственной ценности, или делать такое предупреждение, чтобы можно было использовать доказа-

тельств, которые, возможно, удастся получить, хотя это может уменьшить или свести на нет их шансы получить такие доказательства и обратить неустойчивую ситуацию, в которой они оказались, себе на пользу».

231. В случае, если доказательства были получены без предупреждения по правилам дела Миранды и в отсутствие юридической помощи, но суд приходит к убеждению, что применяется исключение, связанное с обеспечением безопасности населения, допускается использование этих доказательств на суде.

С. КАНАДА

232. Право на получение юридической помощи и право хранить молчание охраняются канадской Хартией прав и свобод. Человек имеет право на получение юридической помощи непосредственно после задержания, хотя при осуществлении этого права допускается задержка, если имеются опасения, связанные с обеспечением безопасности населения, при условии, что такие ограничения предусмотрены законом и являются обоснованными в свободном и демократическом обществе. Полиция обязана сообщать человеку о его праве на адвоката с момента задержания (см. Решение Верховного суда Канады по делу «Королева против Суберу» (R v. Suberu) (Сборник решений Верховного суда Канады [SCR] за 2009 год, том 2, с. 460). Как только ситуация оказывается под контролем, подозреваемому необходимо обеспечить возможность получения юридической помощи (см. Решение Верховного суда Канады по делу «Королева против Страхана» (R v. Strachan) (Сборник решений Верховного суда Канады [SCR] за 1988 год, том 2, с. 980).

233. Согласно хартии в случае, если способ получения доказательств нарушает права обвиняемого, предусмотренные хартией, их нельзя использовать на суде, если с учетом всех обстоятельств дела использование этих доказательств может дискредитировать отправление правосудия. Факторы, которые должны при этом учитываться, перечислены Верховным судом Канады в решении по делу «Королева против Коллинза» (R v. Collins) (Сборник решений Верховного суда Канады [SCR] за 1987 год, том 1, с. 265). К ним относятся влияние, которое использование этих доказательств может оказать на справедливость разбирательства дела, серьезность нарушения хартии и влияние, которое отказ от использования этих доказательств может оказать на репутацию отправления правосудия. Человек, добивающийся исключения доказательств из материалов дела, должен исходя из существования большей вероятности доказать соблюдение установленных хартией критериев отказа от использования этих доказательств.

ПРАВО

И. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ ПУНКТА 1 И ПОДПУНКТА «С» ПУНКТА 3 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

234. Заявители жаловались на то, что отсутствие у них доступа к адвокатам во время их первичных допросов в отделении полиции и использование на суде показаний, которые они дали на этих допросах, привело к нарушению их права на справедливое разбирательство дела, предусмотренного пунктом 1 и подпунктом «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, которые предусматривают следующее:

«1. Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела...

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

с) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия...».

А. ВЫВОДЫ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

235. Палата Европейского Суда не усмотрела в деле нарушения пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции. Она напомнила, что при рассмотрении жалоб на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции Европейский Суд должен прежде всего оценивать общую справедливость производства по делу, и изложила общие принципы, касающиеся права на получение юридической помощи, которые были сформулированы в деле «Салдуз против Турции» (Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» (Salduz v. Turkey), жалоба № 36391/02, ECHR 2008). Она пришла к выводу, что имелись убедительные основания для задержки в оказании заявителям юридической помощи ввиду исключительно серьезной и неминуемой угрозы безопасности для населения. Далее Палата Европейского Суда отметила ошибочность довода, согласно которому сотрудники полиции могли бы дожидаться адвокатов, прежде чем начинать допросы, так как задержка в оказании юридической помощи, по крайней мере, отчасти была вызвана тем, что, как боялись полицейские, оказание юридической помощи насторожит других подозреваемых. Палата Европейского Суда пришла к выводу, что использование показаний на суде не причинило ненадлежащего ущерба с учетом, в частности, компенсирующих гарантий, содержащихся в законодательстве, решений судьи первой инстанции и его указаний присяжным, а также убедительности остальных доказательств по этим делам.

В. ДОВОДЫ СТОРОН В БОЛЬШОЙ ПАЛАТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Заявители

(а) Первые три заявителя

236. Первые три заявителя утверждали, что упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», если его правильно интерпретировать, устанавливает абсолютный запрет использовать в суде показания, полученные на допросе в полиции при отсутствии адвокатов. По их мнению, Европейский Суд неоднократно подтверждал этот абсолютный запрет, в том числе и в делах, касающихся терроризма (они ссылались, в частности, на Постановление Европейского Суда по делу «Плонка против Польши» (Płonka v. Poland) от 31 марта 2009 г., жалоба № 20310/02, Постановление Европейского Суда по делу «Пищальников против Российской Федерации» (Pishchalnikov v. Russia) от 24 сентября 2009 г., жалоба № 7025/04¹, а также Постановление Европейского Суда по делу «Даянан против Турции» (Dayanan v. Turkey) от 13 октября 2009 г., жалоба № 7377/03). Они также ссылались в подтверждение своих доводов на Директиву № 2013/48/ЕС, подпункт «d» пункта 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и на Решение Верховного суда США по делу «Миранда против Аризоны» (см. §§ 206–212, 216 и 229 настоящего Постановления).

237. Они настаивали, что не было убедительных оснований ограничивать их право на адвоката. Конечно, подозрения были как нельзя более серьезными, но само по себе это не могло оправдывать ограничение. Сотрудники полиции могли бы связаться с адвокатами, как только заявители попросили обеспечить им представителей. Если бы полицейские это сделали, имелись бы все шансы на то, что к тому моменту, когда полицейские были готовы начать допросы в интересах безопасности, у заявителей уже появились бы адвокаты. В частности, по мнению заявителей, опасения о возможных утечках были совершенно неуместны ввиду того, что адвокаты обязаны хранить профессиональную тайну. Отсутствия убедительных оснований самого по себе достаточно для вывода о нарушении пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

238. В любом случае заявители утверждали, что ограничение возможности получить юридическую помощь причинило им ненадлежащий ущерб. Судья первой инстанции отметил, что показания на допросах в интересах безопасности не являются периферийными или незначительными доказа-

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 1 (примеч. редактора).

тельствами и могут оказать существенную помощь присяжным. Довод Палаты Европейского Суда об убедительности остальных доказательств по делу, в частности, является ошибочным, поскольку он не опирается на прецеденты, объем доказательств может увеличиваться или уменьшаться с течением времени и подобный подход предоставляет стороне обвинения слишком много возможностей добиваться признания допустимыми доказательств, полученных с нарушениями процессуальных прав.

(b) Четвертый заявитель

239. Четвертый заявитель утверждал, что сотрудники полиции сознательно не сделали ему предупреждения и что это привело к отказу ему в основном праве не свидетельствовать против самого себя. Он считал очень важным, что доводы обвинения по сути опирались на его свидетельские показания. Изобличающие четвертого заявителя показания Шерифа и Османа вряд ли являются убедительными, так как Шериф также был признан виновным по результатам судебного разбирательства, а Осман давал показания, будучи уже осужденным по обвинению в терроризме. По мнению четвертого заявителя, остальных имеющихся у обвинения доказательств недостаточно для установления его виновности.

240. Четвертый заявитель признал, что право на получение юридической помощи может быть временно ограничено при наличии убедительных оснований по соображениям национальной безопасности, но подчеркивал, что право хранить молчание не подлежит ограничению. Далее он утверждал, что не было убедительных оснований ограничивать его право на доступ к адвокату. Формальное задержание могло привести к тому, что он бы прекратил делиться информацией, имеющей важнейшее значение для безопасности населения, но это не является разумным оправданием. Кроме того, он считал, что его допрос вышел далеко за рамки получения информации о террористах. По его мнению, отсутствия убедительных оснований самого по себе достаточно для вывода о нарушении пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

241. Далее, даже если бы имелись убедительные основания для ограничения его прав, такое ограничение должно было иметь временный характер и должно было привести к проведению допроса в интересах безопасности, как в случае первых трех заявителей. Его допрос в качестве свидетеля не ограничивался необходимостью получить информацию о дальнейших планируемых терактах и установить личность террористов, а затрагивал его субъективное отношение к произошедшему для определения элементов субъективной стороны преступлений. Его сознательно склонили к даче показаний под ложным предлогом, что он являлся свидетелем. Он ссылаясь на право не свидетель-

ствовать против самого себя и на то, что обвинение должно доказать его виновность, не прибегая к доказательствам, полученным с использованием методов давления или принуждения. В отличие от первых трех заявителей, в своих показаниях он свидетельствовал еще и против самого себя. Эти показания заняли центральное место в ряду доказательств его виновности, и было натяжкой придавать какое-то значение подтверждающим доказательствам. То, что он не пытался отказаться от этих показаний, не имело решающего значения. Он согласен с тем, что в его деле необходимо придавать большое значение характеру совершенных преступлений, но считал, что это нужно соразмерять с действиями сотрудников полиции.

242. С учетом всех стадий производства по делу четвертый заявитель настаивал, что имело место нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, поскольку были проигнорированы его право на предупреждение, право на адвоката и право не свидетельствовать против самого себя, а использование его показаний причинило неоправданный и непоправимый ущерб его защите.

2. Власти Соединенного Королевства

243. Власти государства-ответчика подчеркивали основополагающий характер права на адвоката в законодательстве страны, который отражен в прецедентной практике Европейского Суда. Они допускали, что основным аспектом права на адвоката является возможность пользоваться услугами адвоката во время следствия, но утверждали, что это право не является абсолютным. Во-первых, такому подходу недостает гибкости, и он не признает, что на этом этапе правам подозреваемого могут противостоять другие важные соображения общественных интересов. Во-вторых, статья 6 Конвенции не содержит абсолютных предписаний: в принципе гарантии, предусмотренные пунктом 3 статьи 6 Конвенции, представляют собой конкретные аспекты справедливого разбирательства дела, которые следует принимать во внимание при определении общей справедливости производства по делу. В-третьих, существование абсолютного предписания не подтверждается прецедентной практикой Европейского Суда, из которой следует, что право на адвоката может подлежать ограничениям. Власти государства-ответчика отмечали, что в недавнем деле «Дворский против Хорватии» (Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии» (*Dvorski v. Croatia*), жалоба № 25703/11¹, § 82, *ECtHR* 2015) Европейский Суд не стал при толковании Постановления по делу «Салдуз против Турции» выводить из него абсолютное предписание.

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 3 (примеч. редактора).

244. Власти государства-ответчика утверждали, что в настоящем деле Палата Европейского Суда применила устоявшуюся прецедентную практику, в том числе Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», и пришла к четкому и ясному выводу, приняв во внимание обстоятельства каждого дела. Так, по мнению властей государства-ответчика, при рассмотрении жалобы на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции Европейский Суд стремился прежде всего оценить общую справедливость производства по делу. Истинная цель гарантии, закрепленной в подпункте «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, заключается в том, чтобы способствовать обеспечению справедливости производства по делу в целом. Таким образом, подпункт «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции не гарантирует абсолютного права на получение юридической помощи. Здесь применяется двойной критерий: имелись ли убедительные основания для задержки, и был ли причинен ненадлежащий ущерб правам на защиту с учетом справедливости производства по делу в целом. Следовательно, отсутствие убедительных оснований не приводит к нарушению статьи 6 Конвенции автоматически, и необходимо рассмотреть всё производство по делу в целом. Власти Соединенного Королевства считали уместными факторы, которые приняла во внимание Палата Европейского Суда при определении общей справедливости производства по делу.

245. По мнению властей государства-ответчика, в отношении первых трех заявителей имелись убедительные основания для задержки в оказании юридической помощи. Оснований для ограничений было более чем достаточно, учитывая потенциальную возможность гибели большого количество людей, безотлагательную необходимость получить информацию о планируемых терактах и жесткие практические ограничения. Имело значение и то, что задержка соответствовала закону, который следует подходу, принятому в пункте 6 статьи 3 Директивы № 2013/48 (см. § 210 настоящего Постановления), и имела в своей основе индивидуальные решения руководящих сотрудников полиции по каждому делу. Это ограничение не вытекало из систематического применения отсылочной правовой нормы и было ограничено максимальным сроком в 48 часов, а закон предусматривал, что при исчезновении оснований для задержки эта задержка должна прекратиться. Власти государства-ответчика утверждали, что первые три заявителя предлагают Европейскому Суду поставить себя на место сотрудников полиции и пересмотреть их решение, а также отменить оценку обстоятельств дела судьей первой инстанции, с которой согласился Апелляционный суд Англии и Уэльса после рассмотрения жалобы. Если оценивать производство по делу в целом, использование показаний первых трех заявителей не причинило не-

надлежащего или непоправимого ущерба правам на защиту по основаниям, изложенным Палатой Европейского Суда в §§ 205–212 ее Постановления по настоящему делу.

246. Власти Соединенного Королевства допустили, что во время допроса четвертого заявителя наступил момент, когда применимый кодекс практических указаний потребовал от сотрудников полиции сделать предупреждение. Однако они пришли к выводу, что имеются убедительные основания не делать ему предупреждения ввиду исключительных обстоятельств и крайне тяжелых условий, в которых работала полиция. На момент допроса три террориста оставались на свободе, и по соображениям обеспечения безопасности населения требовалось установить и задержать участников сговора. Полицейские приняли решение исходя из необходимости получить информацию для защиты населения, и в сложившихся обстоятельствах оно не являлось необоснованным. Отсутствие предупреждения не привело к нарушению статьи 6 Конвенции автоматически, а было лишь одним из аспектов гарантий права не свидетельствовать против самого себя. Вопрос об отсутствии предупреждения должен был рассматривать и оценивать судья первой инстанции, определяя, требуют ли интересы справедливости исключить показания из материалов дела. Судья первой инстанции надлежащим образом и тщательно рассмотрел данный вопрос. Опять же, как отмечали власти государства-ответчика, в суде не был причинен ненадлежащий ущерб по основаниям, изложенным Палатой Европейского Суда в §§ 215–223 ее Постановления по настоящему делу.

3. Организация, вступившая в производство по делу в качестве третьей стороны

247. Организация «Фейр Трайлз Интернешнл» (далее – ФТИ) считала, что из прецедентной практики Европейского Суда неясно, можно ли использовать показания, полученные в отсутствие адвоката в порядке применения ограничения, имеющего под собой убедительные основания, для вынесения обвиняемому обвинительного приговора так, чтобы при этом не нарушался принцип, установленный в деле «Салдуз против Турции». В постановлениях, вынесенных после рассмотрения дела «Салдуз против Турции», не содержится существенных разъяснений понятия «убедительные основания». Аналогичным образом Европейский Суд не рассматривал вопроса о том, приводит ли к нарушению статьи 6 Конвенции использование избыточных показаний, полученных в рамках законного отступления от права на доступ к адвокату. По вопросу о роли избыточных показаний при вынесении обвинительного приговора единого подхода еще не выработано.

248. ФТИ утверждала, что право на адвоката является важнейшей гарантией, действие которой не ограничивается обеспечением права подозреваемого хранить молчание, что это право недостаточно хорошо охраняется в Европейском союзе и что Европейский Суд может принять во внимание недавнюю директиву Европейского союза о доступе в адвоката (см. §§ 206–212 настоящего Постановления) даже несмотря на то, что Соединенное Королевство ее не подписало. По мнению ФТИ, Европейскому Суду следует четко заявить, что (1) отступления от права на доступ к адвокату должны быть ограничены и опираться на конкретные угрозы, выявленные в конкретном деле, и (2) правам на защиту будет причинен непоправимый ущерб, если на вынесение обвинительного приговора хоть как-то повлияют доказательства, полученные в контексте отступления от этого права, даже если оно было законным.

С. ОЦЕНКА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА ЕВРОПЕЙСКИМ СУДОМ

1. Общие принципы

(а) Применимость статьи 6 Конвенции в ее уголовно-процессуальном аспекте

249. Гарантии, которые обеспечивают пункты 1 и 3 статьи 6 Конвенции, применяются к человеку, которому предъявлено «уголовное обвинение» в автономном конвенционном значении этого термина. «Уголовное обвинение» возникает с того момента, когда компетентный орган власти официально уведомляет человека об утверждении о том, что он совершил преступление, или с того момента, когда его положение было существенно затронуто действиями, предпринятыми властями в результате возникших в отношении него подозрений (см. Постановление Европейского Суда по делу «Девеер против Бельгии» (*Deweere v. Belgium*) от 27 февраля 1980 г., §§ 42–46, Series A, № 35, Постановление Европейского Суда по делу «Экле против Германии» (*Eckle v. Germany*) от 15 июля 1982 г., § 73, Series A, № 51, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Макфарлейн против Ирландии» (*McFarlane v. Ireland*) от 10 сентября 2010 г., жалоба № 31333/06, § 143).

(b) Общий подход к статье 6 Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте

250. Право на справедливое разбирательство дела, предусмотренное пунктом 1 статьи 6 Конвенции, не предполагает каких-либо оговорок. Однако это понятие не определяется одной-единственной неизменной нормой и должно зависеть от обстоятельств конкретного дела (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «О’Халлоран и Фрэнсис против Соеди-

ненного Королевства» (*O’Halloran and Francis v. United Kingdom*), жалобы №№ 15809/02 и 25624/02, § 53, *ECtHR* 2007-III). При рассмотрении жалоб на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции Европейский Суд должен прежде всего оценить общую справедливость производства по уголовному делу (см. среди многих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Таске против Бельгии» (*Tahquet v. Belgium*), жалоба № 926/051, § 84, *ECtHR* 2010, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шачашвили против Германии» (*Schatschaschwili v. Germany*), жалоба № 9154/102, § 101, *ECtHR* 2015).

251. Соблюдение требований справедливости судебного разбирательства должно определяться в каждом деле с учетом хода производства по делу в целом, а не на основании изолированного рассмотрения одного конкретного аспекта или одного конкретного инцидента, хотя нельзя исключать, что какой-либо отдельный фактор может иметь настолько решающее значение, что позволит оценить справедливость разбирательства на более раннем этапе производства по делу (см. доклад Европейской комиссии по правам по делу «Кан против Австрии» (*Can v. Austria*) человека от 12 июля 1984 г., жалоба № 9300/81, § 48, Series A, № 96). При оценке общей справедливости производства по делу Европейский Суд должен при необходимости принимать во внимание минимальные права, перечисленные в пункте 3 статьи 6 Конвенции, которые иллюстрируют требования справедливости разбирательства на примере типичных процессуальных ситуаций, возникающих в ходе производства по уголовным делам. Поэтому их можно считать конкретными аспектами понятия справедливого разбирательства по уголовным делам, содержащегося в пункте 1 статьи 6 Конвенции (см., например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», § 50, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гефген против Германии» (*Gäfgen v. Germany*), жалоба № 22978/05, § 169, *ECtHR* 2010, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии», § 76, а также упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шачашвили против Германии», § 100). Однако эти минимальные права не являются самоцелью: их истинная цель всегда заключается в том, чтобы способствовать обеспечению справедливости производства по уголовному делу в целом (см. упоминавшийся выше доклад Европейской комиссии по правам человека по делу «Джан про-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 5 (примеч. редактора).

² См.: там же. Специальный выпуск. 2017. № 3 (примеч. редактора).

тив Австрии», § 48, Постановление Европейского Суда по делу «Майзит против Российской Федерации» (Mayzit v. Russia) от 20 января 2005 г., жалоба № 63378/00¹, § 77, а также Постановление Европейского Суда по делу «Селезнёв против Российской Федерации» (Seleznev v. Russia) от 26 июня 2008 г., жалоба № 15591/03², § 67).

252. Общие требования справедливости, содержащиеся в статье 6 Конвенции, применяются к производству по всем уголовным делам вне зависимости от типа преступления, о котором идет речь. Нельзя размывать права на справедливое разбирательство дела только потому, что человек подозревается в причастности к терроризму. В эти непростые времена Европейский Суд считает крайне важным, чтобы государства-участники показали свою приверженность правам человека и верховенству права, обеспечивая, в частности, соблюдение минимальных гарантий, предусмотренных статьей 6 Конвенции. Тем не менее при определении справедливости производства по делу в целом можно принимать во внимание значимость интереса общества в расследовании конкретного преступления, о котором идет речь в деле, и привлечении к ответственности за его совершение (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яллох против Германии» (Jalloh v. Germany), жалоба № 54810/00, § 97, ECHR 2006-IX). Кроме того, статью 6 Конвенции не следует применять таким образом, чтобы полиция сталкивалась с несоразмерными сложностями, осуществляя эффективные меры по противодействию терроризму или другим тяжким преступлениям в рамках выполнения своих обязанностей по защите права людей на жизнь и права на физическую неприкосновенность, предусмотренных статьями 2 и 3, пунктом 1 статьи 5 Конвенции (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Шер и другие против Соединенного Королевства» (Sher and Others v. United Kingdom), жалоба № 5201/11, § 149, ECHR 2015 (извлечение)). Однако соображения защиты интересов общества не могут оправдывать меры, посягающие на самую суть прав заявителя на защиту (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яллох против Германии», § 97, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Быков против Российской Федерации» (Bykov v. Russia) от 10 марта 2009 г., жалоба № 4378/02³, § 93, а также Постановление Европейского Суда по делу «Александр Зайченко против Российской Федерации» (Aleksandr Zaichenko v. Russia) от 18 февраля 2010 г., жалоба № 39660/02⁴, § 39).

(с) Статья 6 Конвенции и предварительное производство по делу

253. Задачей статьи 6 Конвенции в уголовном процессе является в первую очередь обеспечение справедливого разбирательства дела «судом», правомочным рассматривать «любое уголовное обвинение» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Имбриоша против Швейцарии» (Imbrioscia v. Switzerland) от 24 ноября 1993 г., § 36, Series A, № 275, Постановление Европейского Суда по делу «Бреннан против Соединенного Королевства» (Brennan v. United Kingdom), жалоба № 39846/98, § 45, ECHR 2001-X, Постановление Европейского Суда по делу «Шабельник против Украины» (Shabelnik v. Ukraine) от 19 февраля 2009 г., жалоба № 16404/03, § 52, а также упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии», § 76). Однако, как отмечалось выше, гарантии, которые обеспечивает статья 6 Конвенции, применяются с момента предъявления «уголовного обвинения» в автономном конвенционном значении данного термина (см. § 249 настоящего Постановления), а значит, они могут иметь значение на досудебной стадии производства по делу, если от их изначального несоблюдения может серьезно пострадать справедливость разбирательства и в той мере, в какой это может произойти (см. также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Имбриоша против Швейцарии», § 36, а также упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии», § 76). Особое значение для подготовки разбирательства по уголовному делу может иметь стадия расследования: доказательства, полученные на этом этапе, часто определяют рамки последующего рассмотрения инкриминируемого преступления на суде, а внутригосударственное законодательство может считать важной позицию обвиняемого на первоначальных стадиях допроса в полиции, имеющих решающее значение с точки зрения перспектив защиты на последующих стадиях производства по уголовному делу. Таким образом, на этой стадии производства по делу обвиняемый может оказаться в особенно уязвимом положении, которое усугубляется тем, что уголовно-процессуальное законодательство становится все более сложным, особенно правила, регулирующие сбор и использование доказательств (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», §§ 52 и 54, см. также упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии», § 77). Порядок применения пунктов 1 и 3 статьи 6 Конвенции на стадии проведения расследования зависит от особенностей разбирательства, о котором идет речь, и от обстоятельств дела (см. упоми-

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 10 (примеч. редактора).

^{2,3} См.: там же. 2009. № 6 (примеч. редактора).

⁴ См.: там же. 2010. № 9 (примеч. редактора).

навшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Имбриоша против Швейцарии», § 38).

254. Жалобы на нарушение статьи 6 Конвенции на стадии проведения расследования, как правило, возникают в ходе самого судебного разбирательства, когда обвинение ходатайствует о признании допустимыми доказательств, полученных на досудебном этапе, а сторона защиты возражает против этого. Как неоднократно пояснял Европейский Суд, в его задачи не входит определять как вопрос принципа, какие конкретные виды доказательств, например, доказательства, полученные незаконно с точки зрения внутригосударственного законодательства, могут являться допустимыми. Как пояснялось выше (см. § 250 настоящего Постановления), вопрос, на который следует ответить, заключается в том, было ли справедливым производство по делу в целом, в том числе и способ получения доказательств (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ялло против Германии», § 95, а также упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Быков против Российской Федерации», § 89). Однако данный подход не применяется, если признательные показания получены в результате применения пыток или иных видов жестокого обращения, нарушающих статью 3 Конвенции. Европейский Суд ранее уже пояснял, что использование подобных показаний в качестве доказательства для установления соответствующих фактов в рамках разбирательства по уголовному делу делает несправедливым все производство по делу в целом независимо от доказательственной ценности этих показаний и независимо от того, оказало ли их использование решающее влияние на вынесение подсудимому обвинительного приговора (см., например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гегген против Германии», § 166).

(d) Доступ к адвокату

(i) Позиция, сформулированная в прецедентной практике Европейского Суда

255. Право каждого, кому «предъявлено уголовное обвинение», на эффективную защиту своих интересов адвокатом, которое гарантируется подпунктом «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, является одним из основных признаков справедливого разбирательства дела (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», § 51, а также Постановление Европейского Суда по делу «Нечипорук и Йонкало против Украины» (Nechiporuk and Yonkalo v. Ukraine) от 21 апреля 2011 г., жалоба № 42310/04, § 262). Возможность как можно раньше обратиться к адвокату – это

серьезный противовес уязвимости подозреваемых, содержащихся под стражей в полиции, который обеспечивает важную гарантию, позволяющую не допустить принуждения подозреваемых и жестокого обращения с ними со стороны сотрудников полиции, и способствует предотвращению судебных ошибок и достижению целей статьи 6 Конвенции, то есть равенства процессуальных возможностей следственных органов или органов прокуратуры и обвиняемого (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», §§ 53–54, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Пищальников против Российской Федерации», §§ 68–69).

256. Однако уже давно признано, что при исключительных обстоятельствах допускается задержка в осуществлении права на получение юридической помощи (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства», Решение Европейского Суда по делу «О'Кэйн против Соединенного Королевства» (O'Kane v. United Kingdom) от 6 июля 1999 г., жалоба № 30550/96, а также упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Маги против Соединенного Королевства» и «Бреннан против Соединенного Королевства»). В упомянутом выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» (§ 55) Европейский Суд, проанализировав существующую прецедентную практику в этой области, заявил:

«...Европейский Суд приходит к выводу: для того, чтобы право на справедливое судебное разбирательство оставалось в достаточной мере “практически осуществимым и эффективным”... пункт 1 статьи 6 Конвенции требует, чтобы возможность пользоваться услугами адвоката предоставлялась, как правило, с момента первого допроса подозреваемого в полиции, за исключением случаев, когда с учетом конкретных обстоятельств каждого дела доказано существование убедительных оснований для ограничения этого права. Даже при наличии убедительных оснований, которые в исключительных случаях могут оправдать лишение возможности пользоваться услугами адвоката, такое ограничение, какими бы соображениями оно ни было оправдано, не должно излишне ущемлять права обвиняемого, предусмотренные статьей 6 Конвенции... В принципе правам на защиту будет нанесен непоправимый ущерб, если изобличающие показания, данные во время допроса сотрудникам полиции, в ходе которого у допрашиваемого не было возможности прибегнуть к помощи адвоката, используются для вынесения обвинительного приговора».

257. Критерий, сформулированный в деле «Салдуз против Турции», на основании которого определяется, соответствует ли ограничение доступа к адвокату праву на справедливое разбирательство дела, имеет два аспекта. Во-первых,

Европейский Суд должен определить, имелись ли убедительные основания для такого ограничения. Во-вторых, он должен оценить ущерб, которое это ограничение причинило правам на защиту. Другими словами, Европейский Суд должен определить, как повлияло это ограничение на общую справедливость производства по делу, и решить, было ли справедливым всё производство по делу в целом. Европейский Суд неоднократно ссылаясь на данный критерий и использовал его. Однако Европейский Суд полагает, что применение критерия, сформулированного в деле «Салдуз против Турции», в его последующей прецедентной практике указывает на необходимость прояснить каждый из этих двух аспектов и связь между ними.

(ii) Значение термина
«убедительные основания»

258. Первый вопрос, который необходимо рассмотреть, заключается в том, что представляют собой убедительные основания для задержки в получении юридической помощи. Критерий убедительных оснований является строгим: с учетом основополагающего характера и важности скорейшего получения юридической помощи, в частности, на первом допросе подозреваемого, ограничение доступа к юридической помощи допускается лишь в исключительных случаях, оно должно иметь временный характер и опираться на индивидуальную оценку конкретных обстоятельств дела (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», §§ 54, *in fine*, и 55). При определении того, было ли доказано наличие убедительных оснований, важно установить, имело ли решение об ограничении юридической помощи основания во внутригосударственном законодательстве и в достаточной ли мере закон определял сферу применения и содержание ограничений на получение юридической помощи так, чтобы дать лицам, ответственным за его применение, конкретные указания для принятия текущих решений. Пока что Европейский Суд не дал разъяснений относительно того, что можно считать убедительными основаниями согласно этому аспекту критерия, сформулированного в деле «Салдуз против Турции». Убедительность оснований, приведенных государством-ответчиком для обоснования ограничений на получение юридической помощи в ходе допроса в полиции, нужно определять отдельно в каждом конкретном случае со ссылкой на изложенные выше общие критерии.

259. Европейский Суд допускает, что, если в том или ином конкретном случае государству-ответчику удалось убедительно доказать существование безотлагательной необходимости предотвращения серьезных негативных последствий для жизни,

свободы или физической неприкосновенности, это может являться убедительными основаниями для ограничения доступа к юридической помощи для целей статьи 6 Конвенции. В таких обстоятельствах у властей возникает настоятельная обязанность защитить права потенциальных или фактических жертв, предусмотренные, в частности, статьями 2 и 3 и пунктом 1 статьи 5 Конвенции. В связи с этим Европейский Суд принимает к сведению Директиву № 2013/48/ЕС, которая закрепляет право на получение юридической помощи и предусматривает возможность отступления от этого права в исключительных случаях, в частности, при наличии безотлагательной необходимости предотвращения серьезных негативных последствий для жизни, свободы или физической неприкосновенности человека (см. § 210 настоящего Постановления). Аналогичным образом в Соединенных Штатах Америки после решения по делу «Миранда против Аризоны» Верховный суд в решении по делу «Нью-Йорк против Куорлза» ясно дал понять, что из правила по делу Миранды допускается исключение, связанное с «обеспечением безопасности населения», которое при наличии угрозы безопасности населения допускает проведение допроса в отсутствие адвоката и до того, как подозреваемому будут зачитаны его права (см. §§ 229–230 настоящего Постановления, см. также ситуацию в Канаде в § 232 настоящего Постановления и в ряде тех стран – членов Совета Европы, законодательство которых допускает временные задержки в получении юридической помощи, в § 228 настоящего Постановления). Однако в той мере, в какой можно прийти к выводу, что согласно Постановлению Палаты Европейского Суда по настоящему делу убедительными основаниями может считаться общая угроза утечки информации, этот вывод нужно отклонить: Европейский Суд полагает, что общая опасность утечек без дополнительных уточнений не может являться убедительными основаниями, оправдывающими ограничение доступа к адвокату.

(iii) Справедливость производства
по делу в целом

260. Возникает вопрос о том, достаточно ли самого по себе отсутствия убедительных оснований для ограничения доступа к юридической помощи, чтобы установить нарушение статьи 6 Конвенции. Первые три заявителя ссылаются на прецедентную практику Европейского Суда, сложившуюся после вынесения упоминавшегося выше Постановления по делу «Салдуз против Турции», из которой, по их мнению, ясно следует, что в деле «Салдуз против Турции» Европейский Суд хотел установить абсолютный запрет использовать на суде показания, данные в отсутствие юридической помощи (см. § 236 настоящего Постановления). Тем не

менее сам подход, принятый в деле «Салдуз против Турции», данный довод не подтверждает, а в упомянутом выше Постановлении по делу «Дворский против Хорватии» (§ 82, *in fine*) Большая Палата Европейского Суда, по-видимому, не стала трактовать дело «Салдуз против Турции» в этом смысле. При изложении применимых общих принципов Европейский Суд в Постановлении по делу «Салдуз против Турции» (§§ 52–54) сослался на вопрос об общей справедливости производства по делу, который нужно рассматривать при установлении того, было ли допущено нарушение прав, предусмотренных статьей 6 Конвенции. Он заявил, что правам на защиту «в принципе» будет нанесен непоправимый ущерб, если изобличающие показания, данные на допросе в полиции, в ходе которого у допрашиваемого не было возможности прибегнуть к помощи адвоката, используются для вынесения обвинительного приговора, указав, что это правило является строгим, но не абсолютным (§ 55). Следует также отметить, что, установив в том деле отсутствие убедительных оснований для отказа заявителю в доступе к адвокату (§ 56), Европейский Суд, тем не менее, далее рассмотрел судебное разбирательство и, в частности, определил, как использование показаний, данных в отсутствие адвоката, повлияло на справедливость производства по делу в целом (§§ 57–62).

261. Кроме того, первые три заявителя в подкрепление своего довода об уместности и необходимости абсолютного запрета ссылались, в частности, на Директиву № 2013/48/ЕС и на решение Верховного суда США по делу «Миранда против Аризоны» (см. §§ 206–212 и 229 настоящего Постановления). Действительно, в США используется строгий подход, но примечательно, что в Директиве № 2013/48/ЕС ничего не говорится о том, можно ли без нарушения принципа справедливости использовать в суде доказательства, полученные с нарушением содержащихся в ней гарантий, а просто требует, чтобы у подозреваемых в случае нарушения их прав, предусмотренных этой директивой, было «эффективное средство правовой защиты согласно внутригосударственному законодательству» (см. § 211 настоящего Постановления). Законодательство государств – членов Совета Европы демонстрирует, что практика в этой области весьма разнообразна: одни страны предусматривают автоматическое исключение, другие же оставляют данный вопрос на усмотрение суда (см. § 228 настоящего Постановления). В Канаде допускается использование в суде доказательств, полученных с нарушением канадской Хартии прав и свобод (см. § 233 настоящего Постановления). Аналогичный подход принят и международными уголовными трибуналами, о которых говорилось выше (см. §§ 220–222 и 226–227 настоящего Постановления).

262. Соответственно, Европейский Суд напоминает, что при определении того, имело ли место нарушение права на справедливое разбирательство дела, необходимо принять во внимание производство по делу в целом, поскольку права, предусмотренные пунктом 3 статьи 6 Конвенции, не являются самоцелью, а дают примеры конкретных аспектов общего права на справедливое разбирательство дела (см. §§ 250–251 настоящего Постановления). Следовательно, отсутствие убедительных оснований само по себе не приводит к выводу о нарушении статьи 6 Конвенции.

(iv) Роль наличия или отсутствия убедительных оснований при определении справедливости производства по делу

263. То, что отсутствия убедительных оснований самого по себе недостаточно для вывода о нарушении статьи 6 Конвенции, не означает, что результаты применения критерия «убедительных оснований» не имеют значения при определении общей справедливости производства по делу.

264. Когда установлено наличие убедительных оснований, необходимо провести комплексный анализ производства по делу в целом, чтобы определить, было ли оно «справедливым» для целей пункта 1 статьи 6 Конвенции. Как отмечалось выше, аналогичный подход применяется и в статье 12 Директивы Европейского союза № 2013/48/ЕС, в частности, к праву на доступ к адвокату, а в ряде стран вопрос о допустимости использования доказательств рассматривается со ссылкой на то, как оно повлияет на справедливость или добросовестность производства по делу (см. § 261 настоящего Постановления).

265. При отсутствии убедительных оснований для ограничения доступа к юридической помощи Европейский Суд должен очень строго подходить к оценке справедливости производства по делу. Если государство-ответчик не доказало наличия убедительных оснований, то это имеет большое значение при определении общей справедливости разбирательства и может склонить чашу весов в пользу вывода о нарушении пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции (аналогичный подход к вопросу о нарушении пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции был применен в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шачашвили против Германии», § 113). Именно государство-ответчик должно убедительно доказать, почему в порядке исключения в конкретных обстоятельствах дела ограничение доступа к юридической помощи не причинило непоправимого ущерба общей справедливости разбирательства по делу.

(е) Право не свидетельствовать против самого себя

266. Право не свидетельствовать против самого себя касается главным образом уважения желания обвиняемого хранить молчание и предполагает, что обвинение по уголовному делу стремится доказать его виновность, не прибегая к доказательствам, полученным с использованием методов давления или принуждения вопреки воле обвиняемого (см. Постановление Европейского Суда по делу «Саундерс против Соединенного Королевства» (Saunders v. United Kingdom) от 17 декабря 1996 г., §§ 68–69, Reports 1996-VI, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яллох против Германии», §§ 100 и 102, а также упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Быков против Российской Федерации», § 92). Право хранить молчание на допросе в полиции и право не свидетельствовать против самого себя являются общепризнанными международными стандартами, лежащими в основе понятия справедливости производства по делу, предусмотренного статьей 6 Конвенции. Их обоснование заключается, в частности, в том, чтобы защитить обвиняемого от ненадлежащего принуждения со стороны властей, способствуя тем самым недопущению судебных ошибок и достижению целей статьи 6 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства», § 45, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яллох против Германии», § 100, а также упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Быков против Российской Федерации», § 92).

267. Важно признать, что право не свидетельствовать против самого себя защищает не от использования изобличающих показаний самого по себе, а, как отмечалось выше, от получения показаний методами давления или принуждения. Именно применение принуждения заставляет сомневаться в том, было ли соблюдено право не свидетельствовать против самого себя. Поэтому Европейский Суд должен прежде всего рассмотреть характер и степень принуждения, которое использовалось для получения доказательств (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хини и Макгиннесс против Ирландии» (Heaney and McGuinness v. Ireland), жалоба № 34720/97, §§ 54–55, ECHR 2000-XII, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «О'Халлоран и Фрэнсис против Соединенного Королевства», § 55, а также упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Быков против Российской Федерации», § 92). Европейский Суд в своей прецедентной практике

выявил по крайней мере три ситуации, в которых есть основания предполагать нарушение статьи 6 Конвенции в связи с ненадлежащим принуждением. Первая ситуация возникает, если подозреваемый обязан давать показания под угрозой применения санкций и либо дает показания вследствие этого (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Саундерс против Соединенного Королевства», а также Постановление Европейского Суда по делу «Бруско против Франции» (Brusco v. France) от 14 октября 2010 г., жалоба № 1466/07), либо подвергается санкциям за отказ давать показания (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хини и Макгиннесс против Ирландии», а также Постановление Европейского Суда по делу «Вех против Австрии» (Weh v. Austria) от 8 апреля 2004 г., жалоба № 38544/97). Вторая ситуация имеет место в том случае, когда для получения вещественных доказательств или показаний оказывается психическое или психологическое давление, нередко в форме обращения, нарушающего требования статьи 3 Конвенции (см., например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яллох против Германии», упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Маги против Соединенного Королевства» и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гефген против Германии»). Третья ситуация возникает, если власти прибегают к уловкам для получения информации, которую им не удалось получить во время допроса (см. Постановление Европейского Суда по делу «Аллан против Соединенного Королевства» (Allan v. United Kingdom), жалоба № 48539/99, ECHR 2002-IX).

268. Показания, полученные с использованием принуждения, которые на первый взгляд кажутся не изобличающими, например, оправдания или просто сведения по вопросам факта, могут использоваться в уголовном процессе для подкрепления позиции обвинения, например, для того, чтобы противопоставить их другим заявлениям обвиняемого или показаниям, которые он дал на суде, для того, чтобы бросить тень сомнения на эти заявления и показания или чтобы продемонстрировать их недостоверность иным образом. Таким образом, отсутствуют основания ограничивать право не свидетельствовать против самого себя заявлениями, прямо указывающими на виновность обвиняемого (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Саундерс против Соединенного Королевства», § 69).

269. Однако право не свидетельствовать против самого себя не является абсолютным (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хини и Макгиннесс против Ирландии», § 47, упоминавшееся выше Постановление

Европейского Суда по делу «Вех против Австрии», § 46, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «О’Халлоран и Фрэнсис против Соединенного Королевства», § 53). Степень использованного принуждения несовместима со статьей 6 Конвенции, когда оно разрушает самую суть права не свидетельствовать против самого себя (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства», § 49). Однако не все виды прямого принуждения разрушают самую суть права не свидетельствовать против самого себя (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «О’Халлоран и Фрэнсис против Соединенного Королевства», § 53). Самое главное в данном контексте – это то, как используются доказательства, полученные методами принуждения, в ходе разбирательства по уголовному делу (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Саундерс против Соединенного Королевства», § 71).

(f) Право быть уведомленным о праве на адвоката, право хранить молчание и право не свидетельствовать против самого себя

270. В упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Александр Зайченко против Российской Федерации» (§ 52) в рамках рассмотрения жалобы заявителя на несоблюдение его права не свидетельствовать против самого себя и права хранить молчание Европейский Суд пояснил, что, когда заявителя заподозрили в краже, у полиции с учетом всех обстоятельств дела возникла обязанность сообщить ему об этих правах. В деле «Шмид-Лаффе против Швейцарии» (Постановление Европейского Суда по делу «Шмид-Лаффе против Швейцарии» (Schmid-Laffer v. Switzerland) от 16 июня 2015 г., жалоба № 41269/08, §§ 29 и 39) Европейский Суд отметил, что во время первого допроса заявительницы в полиции ничто в материалах дела не предполагало, что ее нужно было считать обвиняемой в совершении преступления и сообщать ей о праве хранить молчание. Однако во время второго допроса, когда ей уже предъявили «уголовное обвинение» для целей статьи 6 Конвенции, у полиции с учетом всех обстоятельств дела возникла обязанность сообщить ей о ее праве хранить молчание и праве не свидетельствовать против самой себя.

271. Право быть уведомленным о правах на защиту предусмотрено и другими международными договорами. Комитет ООН по правам человека ясно заявил, что право на справедливое разбирательство дела, предусмотренное статьей 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, предполагает право быть уведомленным о процессуальных правах, в том числе

о праве на получение юридической помощи и праве хранить молчание (см. §§ 216–217 настоящего Постановления). В Правилах процедуры и доказывания МУТЮ и МУТР и статье 55 Статута МУС прямо предусматривается, что подозреваемым необходимо сообщать об их праве на адвоката и праве хранить молчание (см. §§ 218–219 и 224 настоящего Постановления). Важность уведомления подозреваемых об их правах была признана и путем принятия Директивы № 2012/13/Европейского союза «О праве на информацию в уголовном процессе» (см. §§ 203–205 настоящего Постановления). В преамбуле к этой директиве поясняется, что право быть уведомленным о процессуальных правах, которое установлено прецедентной практикой Европейского Суда, должно быть прямо установлено. Статья 3 указанной директивы требует уведомлять подозреваемых о пяти процессуальных правах, в том числе, о праве на адвоката и праве хранить молчание. В пункте 21 преамбулы к Директиве № 2013/48/ЕС «О доступе к адвокату» также поясняется, что, если в ходе допроса в полиции свидетель становится подозреваемым, допрос можно продолжить только тогда, когда ему сообщат о его переходе в статус подозреваемого и он в полной мере сможет осуществлять свое право на получение юридической помощи.

272. Конвенция направлена на обеспечение не теоретических или иллюзорных, а реально действующих и практически осуществимых прав (см. среди многих примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», § 51, а также упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии», § 82). Для обеспечения того, что гарантии, которые предоставляют право на адвоката, право хранить молчание и право не свидетельствовать против самого себя, были реально действующими и практически осуществимыми, важно, чтобы подозреваемые о них знали. Это косвенно подтверждается тем, как Европейский Суд применяет требование «сознательного и информированного отказа» при любом предполагаемом отказе от права на адвоката (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии», § 101). Исходя из изложенного Европейский Суд приходит к следующему выводу: право не свидетельствовать против самого себя, право хранить молчание и право на получение юридической помощи естественным образом предполагают, что человек, которому предъявлено «уголовное обвинение» для целей статьи 6 Конвенции, имеет право быть уведомленным об этих правах.

273. С учетом характера права не свидетельствовать против самого себя и права хранить молчание Европейский Суд полагает, что отказ сообщить подозреваемому об этих правах нельзя оправдать.

Однако в случаях, когда подозреваемому о них не сообщили, Европейский Суд должен рассмотреть вопрос о том, осталось ли, несмотря на это упущение, справедливым производство по делу в целом (см., например, подход, принятый в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Шмид-Лаффе против Швейцарии», §§ 36–40). Немедленный доступ к адвокату, который может предоставить информацию о процессуальных правах, способен предотвратить несправедливость, вытекающую из отсутствия официального уведомления об этих правах. Тем не менее в случае задержки доступа к адвокату требование о том, чтобы следственные органы сообщали подозреваемому о его праве на адвоката, праве хранить молчание и праве не свидетельствовать против самого себя, приобретает особую важность (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Бруско против Франции», § 54). В этих случаях отсутствие уведомления еще более осложнит государству-ответчику опровержение презумпции несправедливости, которая возникает при отсутствии убедительных оснований для задержки в получении юридической помощи, и, даже если такая задержка имела под собой убедительные основания, подтверждение того, что производство по делу в целом было справедливым.

(g) Факторы, имеющие значение при определении справедливости производства по делу

274. Учитывая, что разбирательство по уголовному делу вообще предполагает сложное взаимодействие различных уголовно-процессуальных аспектов, попытка отнести дело к категории, которую нужно рассматривать с точки зрения того или иного конкретного права, предусмотренного статьями 6 Конвенции, часто оказывается несостоятельной. Как отмечалось выше (см. § 254 настоящего Постановления), жалобы на несоблюдение прав, прямо или косвенно вытекающих из статьи 6 Конвенции, на стадии проведения расследования по уголовным делам нередко возникают в ходе судебного разбирательства, когда используются полученные доказательства. При рассмотрении производства по делу в целом для определения того, как повлияли процессуальные упущения на досудебном этапе на общую справедливость производства по уголовному делу, в соответствующих случаях надо принимать во внимание следующий не исчерпывающий перечень факторов, указанных в прецедентной практике Европейского Суда:

(а) находился ли заявитель в особенно уязвимом положении, например, в силу возраста или умственных способностей;

(б) правовые нормы, регулирующие предварительное производство по делу и использование доказательств на суде, и вопрос об их соблюдении, если имеет место исключение из правил, особенно

маловероятно, что производство по делу в целом будет считаться несправедливым;

(с) была ли у заявителя возможность оспорить достоверность доказательств и возражать против их использования;

(d) качество доказательств, и заставляют ли обстоятельства их получения сомневаться в их достоверности или точности с учетом степени и характера имевшего место принуждения;

(е) если доказательства были получены с нарушением закона, незаконность, о которой идет речь, а если их получение является результатом нарушения другой статьи Конвенции, характер установленного нарушения;

(f) в случае, если речь идет о показаниях, характер этих показаний, и были ли они сразу же отозваны или изменены;

(g) порядок использования полученных доказательств, и, в частности, являлись ли они составной или важной частью доказательственной базы, положенной в основу обвинительного приговора, а также убедительность других собранных по делу доказательств;

(h) осуществлялось ли определение виновности профессиональными судьями или присяжными, не являющимися юристами, а в последнем из этих случаев – содержание данных присяжным указаний;

(i) значимость интереса общества в проведении расследования и в привлечении к ответственности за конкретное преступление, о котором идет речь в деле;

(j) другие имеющие отношение к делу процессуальные гарантии, предусмотренные внутренним законодательством и правоприменительной практикой.

2. Применение общих принципов в настоящем деле

(а) Первые три заявителя

275. Первые три заявителя жаловались на то, что, когда их допрашивали, у них не было доступа к адвокату, и что данные ими показания использовались в качестве доказательства их виновности. Нет сомнений, что во время допросов в интересах безопасности им было предъявлено «уголовное обвинение» по смыслу статьи 6 Конвенции. Как отмечалось выше, от Европейского Суда требуется решить, имелись ли убедительные основания для временного ограничения доступа заявителей к юридической помощи, а затем выяснить, привело ли использование замечаний, сделанных на допросах в интересах безопасности, к несправедливости производства по уголовному делу в целом.

(i) Убедительные основания

276. Власти Соединенного Королевства утверждали, что убедительные основания для задержки

в оказании юридической помощи следовали из потенциальной возможности гибели большого количества людей, безотлагательной необходимости получить информацию о планируемых терактах и жестких практических ограничений деятельности полиции. Выше Европейский Суд допустил, что убедительные основания могут существовать, если убедительно установлена безотлагательная необходимость предотвратить серьезные негативные последствия для жизни, свободы или физической неприкосновенности (см. § 259 настоящего Постановления). Он не сомневается в том, что на момент допроса первых трех заявителей в интересах безопасности такая необходимость существовала. За две недели до допросов в результате терактов с участием террористов-смертников в трех поездах метро и в автобусе погибли 52 человек и очень многие были ранены. Когда 21 июля первые три заявителя и Осман привели в действие бомбы, опять же в трех поездах метро и в автобусе, полиция не могла не прийти к выводу, что Соединенное Королевство подверглось серии террористических актов. У полиции были все основания полагать, что целью сговора было повторение событий 7 июля и что бомбы не взорвались лишь по счастливой случайности. То, что бомбы не взорвались, означало, что террористы все еще находятся на свободе и могут беспрепятственно привести в действие другие взрывные устройства, возможно, на сей раз достигнув своей цели. Как пояснил старший инспектор Маккенна, обнаружение пятой неразорвавшейся бомбы через два дня после терактов, а также обнаружение огромного количества химикатов по адресу, имевшему отношение к подозреваемым, дали для этих весьма реальных опасений дополнительные основания (см. § 66 настоящего Постановления). Полиция действовала, находясь под огромным давлением, и вполне обоснованно стремилась прежде всего безотлагательно получить информацию о других планируемых терактах и установить личности потенциальных участников сговора. Европейский Суд полагает, что в случае первых трех заявителей власти государства-ответчика убедительно доказали существование безотлагательной необходимости предотвращения серьезных негативных последствий для жизни и физической неприкосновенности своих жителей.

277. Однако, как отмечалось в § 258 настоящего Постановления, исключительные обстоятельства, существование которых указывает на выполнение материально-правового аспекта требования о наличии убедительных оснований, не являются автоматически достаточным оправданием ограничения доступа подозреваемых к юридической помощи. Необходимо принимать во внимание и другие факторы, в частности, имелись ли у такого ограничения основания во внутригосударственном законодательстве, было ли оно основано на

индивидуальной оценке конкретных обстоятельств дела, и имело ли ограничение временный характер. В случае первых трех заявителей законодательство предусматривало четкие правовые нормы, регулирующие обстоятельства, при которых доступ подозреваемых к юридической помощи можно было ограничить, и давало важные указания для принятия текущих решений (см. §§ 186–198 настоящего Постановления). Законодательство предусматривало, что ограничения, связанные с получением юридической помощи, должны прекратиться, как только исчезнут оправдывающие их обстоятельства (см. § 196 настоящего Постановления). Кроме того, у ограничений был строгий верхний лимит по времени: они должны были продолжаться не более 48 часов (см. § 198 настоящего Постановления). Индивидуальное решение об ограничении права каждого из заявителей на получение юридической помощи было принято руководящим сотрудником полиции на основании конкретных обстоятельств их дел, а основания решения были занесены в протокол. Из приведенных соображений ясно следует, что разрешение давалось в соответствии с правовыми нормами и с учетом процессуальных прав заявителей (см. §§ 28, 43 и 51 настоящего Постановления). Впоследствии обоснованность решения об ограничении доступа к юридической помощи проверили судья первой инстанции и Апелляционный суд Англии и Уэльса (см. §§ 68–95 и 122–136 настоящего Постановления).

278. Действительно, в отношении Ибрагима судья первой инстанции пришел к выводу, что ему можно было бы разрешить поговорить со своим адвокатом по телефону и что в этом ограниченном отношении ему несправедливо отказали в праве на доступ к адвокату (см. § 81 настоящего Постановления). Однако данный вывод важно рассматривать в контексте, в котором он был сделан. В связи с попыткой взрыва бомб были задержаны 18 человек, которые содержались в том же отделении полиции, что и Ибрагим, и всех их нужно было содержать отдельно, чтобы избежать разговоров между ними и порчи вещественных доказательств (см. §§ 71 и 80 настоящего Постановления). Возможность ограничения доступа к юридической помощи в подобных исключительных обстоятельствах, как те, которые возникли в настоящем деле, признает существование уникальных и весьма сложных условий. Неудивительно, что в такой напряженной ситуации могли произойти незначительные «разрывы в цепочке передачи информации». При исключительных обстоятельствах, в которых работала лондонская полиция в июле 2005 года, у полицейских были основания сосредоточить как можно больше внимания и ресурсов на расследовании и допросах, и их нельзя критиковать за то, что они не учли небольшой промежуток времени, в течение которого была свободна комната для консультаций, в которой имелся теле-

фонный разъем и где Ибрагим мог бы поговорить с адвокатом по телефону.

279. В заключение Европейский Суд приходит к убеждению, что власти государства-ответчика убедительно доказали наличие весомых оснований для временного ограничения права первых трех заявителей на получение юридической помощи.

(ii) Справедливость производства по делу в целом

280. Европейский Суд напоминает, что в случае Османа доступ к юридической помощи был задержан чуть более чем на восемь часов, за это время его допрашивали в общей сложности около трех часов. Доступ Ибрагима к юридической помощи был задержан примерно на семь часов, за это время его допрашивали около получаса. Доступ Мухаммеда к юридической помощи был задержан примерно на четыре часа, за это время его допрашивали в течение восьми минут. Для того, чтобы определить, осталось ли производство по делу в целом справедливым по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции, несмотря на эти задержки с получением юридической помощи, Европейский Суд должен рассмотреть всё разбирательство по уголовным делам первых трех заявителей целиком.

281. Во-первых, как отмечалось выше, возможность ограничения доступа к юридической помощи была предусмотрена законом (см. § 277 настоящего Постановления), и, несмотря на давление, которое оказывалось на полицию, полицейские строго придерживались правовых норм, регулирующих проведение ими расследования, если не считать ошибок в форме предупреждений (см. §§ 34, 45, 54, 79, 82 и 84 настоящего Постановления). Далее, в случае первых трех заявителей строго соблюдалась цель допросов в интересах безопасности – получение информации, необходимой для защиты населения. Как отметил судья первой инстанции, при допросе Омара сотрудники полиции сосредоточились на вопросах, по которым можно было получить сведения, которые помогли бы им установить местонахождение людей или предметов, способных представлять опасность для общества. Кроме того, на суде представители Омара не высказывали предположений, что полиция вышла за пределы необходимого или что допрос вышел за рамки вопросов, имеющих отношение к обеспечению безопасности населения (см. § 70 настоящего Постановления). Относительно Ибрагима судья считал, что заданные вопросы не вышли за рамки правомерного допроса в целях обеспечения безопасности, а в отношении Мухаммеда он пришел к выводу, что допрос не вышел за установленные законом рамки и соответствовал задачам допроса в интересах безопасности, был целенаправленным и адекватным (см. §§ 82 и 84 настоящего Постановления). При рассмотрении дела в Европейском Суде ни один из

данных выводов не оспаривался. Кроме того, следует отметить, что заявители были официально задержаны и уведомлены о праве хранить молчание и праве на получение юридической помощи. В то же время им сообщили, по каким основаниям было принято решение ограничить их доступ к юридической помощи.

282. Вопросы использования доказательств на суде регулируются статьей 78 Закона 1984 года, которая разрешает судье отказаться признавать доказательства допустимыми, если их использование негативно отразится на справедливости разбирательства (см. § 201 настоящего Постановления). Заявители надлежащим образом оспорили использование показаний, данных ими на допросах в интересах безопасности, на основании того, что им не оказали юридической помощи и сделали неправильные предупреждения, со ссылкой на статью 78 Закона 1984 года. Ибрагим и Мухаммед оспорили решение ограничить их доступ к юридической помощи, а Омар согласился с тем, что у полиции были веские основания принять решение о проведении в его случае допросов в интересах безопасности и что эти допросы проводились справедливо (см. §§ 64–65 и 69–70 настоящего Постановления). Предварительная проверка допустимости доказательств (*voir dire*), или «разбирательство в разбирательстве», проводились судьей первой инстанции для того, чтобы обеспечить тщательное рассмотрение жалоб заявителей. На слушании дела у заявителей была возможность представлять доказательства, касающиеся обстоятельств проведения допросов. Поскольку Омар не оспаривал сами допросы в интересах безопасности, доказательства о проведении допроса в интересах безопасности по его делу были приняты как есть. Однако суд заслушал устные показания по поводу решения разрешить допросы в интересах безопасности по делам Ибрагима и Мухаммеда (см. § 67 настоящего Постановления). У всех трех заявителей были адвокаты, которые могли выдвигать доводы по поводу справедливости использования показаний, данных на допросах в интересах безопасности. В подробном и исчерпывающем решении судья первой инстанции рассмотрел обстоятельства, сложившиеся в отделении полиции, конкретные обстоятельства задержания и допроса каждого заявителя и то, как повлияло на каждого заявителя ограничение доступа к юридической помощи. Он ясно обосновал свои выводы о том, что ограничение было оправданным и не привело к какой-то несправедливости. Кроме того, он подробно рассмотрел доводы заявителей, утверждавших, что им сделали неправильные предупреждения, и объяснил, почему он считает, что это не привело к существенной несправедливости (см. §§ 68–95 настоящего Постановления).

283. Далее, решение о допустимости использования этих показаний не помешало заявителям

оспорить их на суде. Все три заявителя могли дать показания на суде и, опять же, представить доказательства, касающиеся обстоятельств их допросов, вызвать свидетелей, внести через своих адвокатов представления о предполагаемой несправедливости задержки в получении ими юридической помощи и предложить присяжным не учитывать их показания. В частности, у них была возможность объяснить, почему на допросах в интересах безопасности они говорили неправду, в самом деле, все три заявителя объяснили, почему они так поступили (см. §§ 102–104 настоящего Постановления).

284. Впоследствии у заявителей появилась возможность вновь внести представления в пользу исключения этих показаний их материалов дела, на этот раз в Апелляционном суде Англии и Уэльса, в подкрепление своего довода о том, что из-за использования этих показаний разбирательство по их делам стало несправедливым и что вынесенные им обвинительные приговоры следует отменить, и они этой возможностью воспользовались. Апелляционный суд тщательно проанализировал подход судьи первой инстанции к использованию доказательств и сделал вывод, что при осуществлении своих дискреционных полномочий он опирался на все известные обстоятельства и учитывал обстоятельства каждого подсудимого. Апелляционный суд пришел к выводу, что судья первой инстанции тщательно рассмотрел соответствующие вопросы (см. §§ 122–136 настоящего Постановления).

285. Относительно качества доказательств и обстоятельств их получения все три заявителя теперь указывают на то, что им по ошибке неправильно сделали предупреждение по новой форме, и это, по их мнению, привело к принуждению. Примечательно, что Омар во время предварительной проверки допустимости доказательств не стал выдвигать данный довод (см. §§ 65 и 69–70 настоящего Постановления). Кроме того, в его случае важно, что к тому моменту, когда ему было сделано неправильное предупреждение в начале допроса в интересах безопасности D, он уже участвовал в трех допросах, предварявшихся правильным предупреждением. На допросе в интересах безопасности D его ответы на вопросы не противоречили его прежним показаниям, и ничто не позволяет предположить, что предупреждение по новой форме вынудило его вести себя на допросе как-то по-другому. Его последнему допросу в интересах безопасности снова предшествовало правильное предупреждение, и Омар опять отвечал на вопросы сотрудников полиции так же, как и на предыдущих допросах в интересах безопасности (см. §§ 30–31 и 34–36 настоящего Постановления). Таким образом, его довод о том, что предупреждение по новой форме в какой-либо степени привело к сдерживанию или принуждению, полностью опровергается обстоятельствами его дела.

286. Остальных двух заявителей допрашивали всего по одному разу, при этом им по ошибке было сделано предупреждение по новой форме (см. §§ 45 и 54 настоящего Постановления). На практике неправильное предупреждение привело к тому, что им по ошибке сказали: если на допросе они не упомянут о чем-то, на что они впоследствии будут ссылаться в суде, это может повредить их защите. Кроме того, им сказали, как если бы им сделали предупреждение по старой форме, что они не обязаны ничего говорить, но всё, что они скажут, может быть использовано на суде в качестве доказательства. Следовательно, оба заявителя должны были понимать, что с момента начала допросов они не обязаны были что-либо говорить сотрудникам полиции и что всё, что они решат сказать, в том числе и ложные показания, может быть использовано на суде против них. Сейчас они не могут утверждать, что отвечали на вопросы сотрудников полиции, не зная о том, что их ответы могут быть использованы на суде. Остается вопрос о том, действительно ли дополнительная фраза в предупреждении по новой форме (предупреждение, согласно которому, если на допросе они не упомянут о чем-то, на что они впоследствии будут ссылаться на суде, это может повредить их защите) сама по себе вынудила их говорить на допросах неправду. Европейский Суд считает, что данный довод не выдерживает критики. Учитывая остальные две части сделанного предупреждения (уведомление о том, что у них есть право хранить молчание, и предупреждение, согласно которому всё что они скажут может быть использовано в качестве доказательства их виновности), они хорошо понимали, что ущерб, который могло предотвратить их решение не пользоваться своим правом хранить молчание, нужно сопоставить с неизбежным ущербом их защите, который повлечет за собой использование их ложных показаний на суде. Как отметил судья первой инстанции, его анализ справедливости использования доказательств мог быть иным, если бы заявители действительно дали показания против самих себя, сказав правду в ответ на вопросы сотрудников полиции (см. § 88 настоящего Постановления).

287. Кроме того, важно, что показания были получены законно в результате скрупулезного применения действующих правовых норм. Если не считать неправильного предупреждения, последствия которого рассматривались выше, в предварительном производстве по делу не было упущений. Даже после того, как заявители получили юридическую помощь, они не рассказали о том, что они позднее назвали на суде настоящими доводами в свою защиту, а именно о том, что подрыв бомб был политической имитацией. В действительности данный довод не заявлялся до тех пор, пока они не внесли представлений в свою защиту в сентябре 2006 года, когда прошло уже более года (см. §§ 58–60).

288. Что касается важности показаний, полученных на допросе в интересах безопасности, судья первой инстанции отметил в заключительной части своего решения по результатам предварительной проверки допустимости доказательств, что они потенциально могут иметь большое значение для центрального вопроса судебного разбирательства: соответствуют ли действительно эти утверждения об имитации. Следовательно, эти доказательства не являлись «периферийными или незначительными» (см. § 95 настоящего Постановления). Апелляционный суд Англии и Уэльса, со своей стороны, отметил в начале своего решения, что протоколы допросов в полиции сами по себе были достаточны, чтобы решительно опровергнуть довод об «имитации», выдвинутый заявителями в свою защиту (см. § 126 настоящего Постановления). Однако необходимо учитывать контекст, в котором были сделаны эти конкретные заявления. Обсуждая вопросы допустимости данных показаний, судья первой инстанции и Апелляционный суд рассматривали их в отрыве от иных материалов. С другой стороны, на суде эти показания были всего лишь одним из элементов многочисленных доказательств виновности заявителей. В материалах дела были убедительные научные доказательства по вопросу об изготовлении взрывных устройств. Они подтверждали, что взрывные устройства содержали перекись водорода в значительно более высокой концентрации, чем та, которая имеется в свободной продаже. Были также доказательства того, что в течение трех месяцев, предшествовавших терактам, заявители и их сообщники закупали перекись водорода в огромных количествах и самостоятельно повышали ее концентрацию. Было обнаружено множество пустых бутылок с отметками, которые, как утверждало обвинение, являлись доказательством того, что, по мнению заявителей, они достигли достаточной для взрыва концентрации перекиси водорода (см. § 97 настоящего Постановления). Апелляционный суд отметил, что значительную часть времени на суде заняли попытки заявителей дискредитировать эти «важнейшие доказательства» (см. § 125 настоящего Постановления).

289. С учетом столь убедительных доказательств неудивительно, что сторона защиты не стала оспаривать довод обвинения о том, что заявители повышали концентрацию перекиси водорода. Однако заявители утверждали, что впоследствии они разводили перекись водорода водой, чтобы она не взорвалась. Как отметил Апелляционный суд Англии и Уэльса, заявители не объяснили, почему они вообще повышали концентрацию перекиси водорода таким трудоемким способом, если у них не было намерения взорвать бомбы (см. § 125 настоящего Постановления). Кроме того, они не пояснили, зачем они повышали концентрацию перекиси водорода, а затем разводили ее водой.

В ответ на довод стороны защиты о том, что таким образом снижалась концентрация, эксперт стороны обвинения дал показания об изотопном составе лондонской водопроводной воды, из которых следовало, что обнаруженную в устройствах перекись водорода нельзя развести водой таким образом, как описывали заявители. Эксперт стороны защиты не стал оспаривать данный вывод, а защита не предложила альтернативного объяснения (см. § 98 настоящего Постановления).

290. Кроме того, доказательства указывают на то, что к пластиковым трубочкам, в которых находилась перекись водорода, были прикреплены металлические элементы. Это, как утверждала сторона обвинения, было направлено на увеличение количества осколков при взрыве и поражающей способности взрывных устройств и было бы совершенно необязательно, если бы бомбы задумывались просто как имитация (см. § 97 настоящего Постановления). Как установил Апелляционный суд Англии и Уэльса, добавление металлических элементов можно разумно объяснить только тем, что заявители планировали привести в действие взрывные устройства (см. § 125 настоящего Постановления).

291. Помимо этих научных доказательств, имелись многочисленные свидетельства в виде экстремистских материалов, обнаруженных в местах проживания Омара и Османа. В материалах дела есть указания на случаи, когда Омар заявлял о своих экстремистских взглядах в присутствии других лиц или публично. Имелись доказательства того, что Ибрагим говорил о намерении уехать готовиться к джихаду и действительно уехал на джихад в конце 2004 года (см. § 96 настоящего Постановления). Были доказательства в виде штатива от видеокамеры, обнаруженного на квартире у Мухаммеда, который, как утверждала сторона обвинения, использовался для съемки прощальных видеороликов у него дома, хотя впоследствии никаких видеоматериалов обнаружено не было. В качестве доказательства также была предоставлена предсмертная записка, предположительно написанная Мухаммедом для своей семьи. Было использовано множество расшифровок телефонных разговоров и записей с видеокамер наблюдения, которые указывали на то, что начиная с марта 2005 года эти люди активно общались друг с другом. Наконец, были заслушаны показания свидетелей, которые видели, как происходил взрыв бомб, по поводу того, как вели себя заявители после этого (см. § 99 настоящего Постановления).

292. В своих наставлениях присяжным, которые Апелляционный суд Англии и Уэльса впоследствии назвал «результатом, отличающимся продуманностью и точностью», судья первой инстанции тщательно изложил доказательства виновности и невиновности заявителей и дал присяжным продуманные указания по вопросам права (см. §§ 106–118

и 127 настоящего Постановления). Он подробно описал обстоятельства задержания и допросов каждого заявителя, в том числе содержание допросов и данные заявителями объяснения того, почему они говорили на допросах неправду. Кроме того, он изложил многочисленные имеющиеся в деле доказательства виновности и невиновности заявителей. Он дал присяжным прямое указание при рассмотрении ложных показаний заявителей учитывать, что их допрашивали до того, как у них появилась возможность получить юридическую помощь. Он пояснил, что обычно подозреваемым это право обеспечивается. Он привел примеры рекомендаций, которые мог бы дать адвокат и которые могли бы убедить заявителей вести себя по-другому. Далее он дал присяжным указание не забывать о том, что заявителям были сделаны неправильные предупреждения (см. §§ 74, 79, 82 и 107 настоящего Постановления), объяснив, что потенциально это могло запутать заявителей и неправомерно склонить их к даче показаний. Вместе с тем судья первой инстанции отметил, что на самом деле на заявителей не оказывали давления, чтобы заставить их рассказать то, на что они ссылались на суде, но они сказали неправду. Он дал присяжным указание игнорировать ложные показания, если они не уверены в том, что каждый заявитель лгал умышленно. Если бы, с другой стороны, они пришли к убеждению, что заявители лгали умышленно, от них потребовалось бы рассмотреть вопрос о том, почему заявители говорили неправду. Судья объяснил присяжным, что один лишь факт дачи подсудным ложных показаний сам по себе не доказывает его виновность, так как он мог лгать по многим, возможно, невинным причинам. Он напомнил присяжным, что заявители выдвинули множество причин, по которым они лгали, и сказал присяжным: если они придут к убеждению о том, что ложь на допросе объясняется невинными причинами, на эту ложь не следует обращать внимания. Ложь заявителей могла использоваться в качестве доказательства их виновности лишь в том случае, если бы присяжные пришли к убеждению, что заявители не лгали по невинным причинам. Кроме того, как подчеркнул судья, присяжным не разрешается ставить в вину заявителям то, что на допросах в интересах безопасности они не упомянули о доводах, на которые они ссылались в суде. Опять же судья напомнил присяжным, что перед допросами в интересах безопасности им было отказано в юридической помощи. В отношении Ибрагима он дал присяжным указание не забывать о том, что до начала допроса в интересах безопасности тому несправедливо отказали в возможности поговорить со своим адвокатом по телефону.

293. Наконец, не может быть сомнений в существовании особого интереса общества в расследовании преступлений, о которых идет речь, и в привлечении к ответственности за их соверше-

ние. Неизбирательные террористические акты по самому своему характеру направлены на то, чтобы вселить страх в сердца невинных мирных жителей, посеять хаос и панику и нарушить нормальный ход повседневной жизни. При таких обстоятельствах угрозы для жизни, свободе и достоинству человека исходят не только от действий самих террористов, но могут следовать и из реакции властей на эти угрозы. В последние годы в прецедентной практике Европейского Суда признаются сложности, связанные с увязыванием личных прав человека и интересов общества в контексте терроризма (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Италии» (Saadi v. Italy), жалоба № 37201/06, ECHR 2008, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «А. и другие против Соединенного Королевства» (A. and Others v. United Kingdom), жалоба № 3455/05, ECHR 2009, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Нада против Швейцарии» (Nada v. Switzerland), жалоба № 10593/08, ECHR 2012). Сами жалобы по настоящему делу, которые ставят под сомнение некоторые меры, принятые полицией в ответ на теракт, свидетельствуют о том, в какой степени теракты нарушают нормальное функционирование демократического общества. Общество крайне заинтересовано в предотвращении таких масштабных терактов и привлечении к ответственности за их совершение, когда речь идет о крупном сговоре с целью убийства обычных людей, ведущих повседневную жизнь.

294. Подводя итоги, Европейский Суд приходит к выводу, что, несмотря на задержку в оказании первым трем заявителям юридической помощи и использование на суде показаний, данных в отсутствие юридической помощи, производство по делу каждого из этих заявителей в целом было справедливым. Следовательно, по делу не было допущено нарушения пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

(b) Четвертый заявитель

295. Четвертый заявитель жаловался на то, что на суде над ним использовались изобличающие показания, которые он дал в качестве свидетеля, при том, что его не уведомили о праве не свидетельствовать против самого себя и не обеспечили ему доступа к адвокату.

296. Прежде всего Европейский Суд должен определить, когда в деле четвертого заявителя стали применимы гарантии, предусмотренные статьей 6 Конвенции. В отличие от первых трех заявителей, которых задержали немедленно, к четвертому заявителю сотрудники полиции обратились как к потенциальному свидетелю и предложили ему проследовать с ними в отделение полиции, чтобы помочь в расследовании (см. § 139 настоя-

щего Постановления). Европейский Суд допускает, что на этом этапе полицейские не подозревали его в причастности к преступлению и что он не может утверждать, будто в результате возникших в отношении него подозрений были существенно затронуты его интересы (см. § 249 настоящего Постановления). Однако на допросе в качестве свидетеля четвертый заявитель начал давать показания против самого себя. Тогда сотрудники полиции сделали перерыв в допросе и обратились к своему начальству за указаниями. Европейский Суд приходит к убеждению, что на этом этапе оформилось подозрение в том, что четвертый заявитель совершил преступление, что начиная с этого момента действия полицейских стали существенно отражаться на его положении и, соответственно, ему было предъявлено «уголовное обвинение» в том автономном значении, которое придает этому термину статья 6 Конвенции.

297. Таким образом, Европейский Суд должен решить, имелись ли убедительные основания для ограничения доступа четвертого заявителя к юридической помощи, прежде чем определять, стало ли из-за использования его свидетельских показаний несправедливым производство по его уголовному делу в целом.

(i) Убедительные основания

298. Как и в случае первых трех заявителей, власти государства-ответчика ссылались на исключительные обстоятельства, сложившиеся в июле 2005 года, утверждая, что они представляли собой убедительные основания, оправдывающие ограничение доступа четвертого заявителя к адвокату. Рассматривая ситуацию первых трех заявителей, Европейский Суд допустил, что в то время имелась безотлагательная необходимость предотвратить серьезные негативные последствия для жизни, свободы и психической неприкосновенности, которая в их случае представляла собой убедительные основания для ограничения доступа к юридической помощи (см. §§ 276–279 настоящего Постановления). Вопрос заключается в том, достаточно ли было этих исключительных обстоятельств для появления в деле четвертого заявителя убедительных оснований продолжить его допрос, не делая ему предупреждения и не сообщая ему о его праве на получение юридической помощи.

299. Власти государства-ответчика не оспаривали, что четвертому заявителю нужно было сделать предупреждение в тот момент, когда в его допросе был сделан перерыв, а полицейские обратились за дополнительными указаниями (см. § 246 настоящего Постановления). В применимом кодексе практических указаний ясно сказано, что, когда в ходе допроса ответы допрашиваемого дают основания подозревать его в совершении преступления, ему нужно сделать предупреждение, пре-

жде чем продолжать допрос (см. § 181 настоящего Постановления). Важно, что вследствие этого упущения у четвертого заявителя сложилось неверное представление о его процессуальных правах. Внутригосударственное законодательство не предусматривает возможности лишения подозреваемого процессуальных прав, которые гарантируются кодексом, путем отказа в изменении его официального статуса в ситуации, когда изменение этого статуса становится целесообразным. Таким образом, отсутствовали правовые нормы, дающие указания в процессе принятия текущих решений, которые разъясняли бы, как нужно осуществлять дискреционные полномочия, или требовали учитывать права человека, предусмотренные статьей 6 Конвенции. Кроме того, необходимо отметить, что действующие правовые нормы предусматривали возможность задержки в оказании юридической помощи подозреваемым, которым было сделано официальное предупреждение (см. §§ 189–190, 194 и 196–198 настоящего Постановления). Эти правовые нормы были применены к первым трем заявителям, аналогичным образом их можно было бы применить и к четвертому заявителю, если бы руководящий сотрудник полиции считал необходимым безотлагательно провести допрос в полиции без предварительного оказания юридической помощи. Такое решение было бы выражено в письменной форме. Напротив, решение не задерживать четвертого заявителя, а продолжить допрашивать его в качестве свидетеля не было занесено в протокол, а значит, конкретные основания его принятия, в том числе доказательства того, что его процессуальные права действительно были приняты во внимание, не могли «задним числом» быть проверены судами Соединенного Королевства и Европейским Судом.

300. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд приходит к выводу, что властям государства-ответчика не удалось убедительно доказать с опорой на имеющиеся доказательства существование в деле четвертого заявителя убедительных оснований, принимая во внимание полное отсутствие правовых норм, позволяющих полицейским поступать так, как они поступили, отсутствие индивидуального и зафиксированного письменного решения, принятого на основании применимых положений внутригосударственного законодательства, по вопросу об ограничении его доступа к юридической помощи и, что немало важно, сознательное решение полицейских не уведомлять четвертого заявителя о его праве хранить молчание.

(ii) Справедливость производства по делу в целом

301. От Европейского Суда требуется рассмотреть производство по уголовному делу четвертого заявителя в целом, чтобы определить, было ли

оно справедливым по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции. Однако, как отмечалось выше (см. § 265 настоящего Постановления), в отсутствие убедительных оснований для ограничения права четвертого заявителя на получение юридической помощи обязанность убедительно доказать, почему в порядке исключения и при конкретных обстоятельствах дела ограничение доступа к юридической помощи не причинило непоправимого ущерба общей справедливости разбирательства, переходит к властям государства-ответчика.

302. Утверждая, что разбирательство по делу в целом было справедливым, власти государства-ответчика ссылались на анализ соответствующих перечисленных выше факторов, произведенный Палатой Европейского Суда (см. § 246 настоящего Постановления). Соответственно, Европейский Суд должен в свою очередь их рассмотреть.

303. В отличие от первых трех заявителей, которые были задержаны и уведомлены о своих правах прежде, чем подверглись ограничениям при получении юридической помощи в соответствии с правовыми нормами, которые, как Европейский Суд уже отмечал выше, прямо регулируют ситуацию, похожую на те, в которых они оказались, решение продолжить допрос четвертого заявителя в качестве свидетеля не имело оснований во внутригосударственном законодательстве и противоречило применимому кодексу практических указаний. То, что его не наделили статусом подозреваемого, означало, что ему не сообщили о его процессуальных правах, хотя законодательство страны предписывает это делать после решения о том, что человек подозревается в совершении преступления. Это само по себе является упущением с точки зрения гарантий, предусмотренных статьей 6 Конвенции, которые, как пояснял Европейский Суд (см. §§ 272–273 настоящего Постановления), включают в себя право быть уведомленным о праве не свидетельствовать против самого себя. В настоящем деле, где заявителю не обеспечили доступа к адвокату, который мог бы рассказать ему о его правах, а власти государства-ответчика не привели убедительных оснований, оправдывающих такое решение, это упущение приобретает особую важность.

304. Вопрос об использовании свидетельских показаний регулируется статьями 76 и 78 Закона 1984 года (см. §§ 199–201 настоящего Постановления). В частности, статья 76 требует от судьи убедиться вне всякого разумного сомнения в том, что показания не были получены с использованием методов принуждения. На суде заявитель ссылаясь на эти положения, оспаривая допустимость использования данных показаний. Опять же, «разбирательство в рамках разбирательства» состоялось для того, чтобы судья мог рассмотреть обстоятельства получения этих показаний и определить, не будет ли их использование несправедливым. Были заслушаны показания проводивших

допрос сотрудников полиции, а адвокат четвертого заявителя внес юридические представления (см. § 157 настоящего Постановления). В своем решении судья первой инстанции отклонил довод о том, что в ходе допроса использовались методы принуждения или что из-за каких-либо действий или высказываний сотрудников полиции показания стали недостоверными. Кроме того, судья первой инстанции указал, что четвертый заявитель «добровольно признал» свидетельские показания после того, как он был уведомлен о процессуальных правах и получил юридическую помощь (см. § 159 настоящего Постановления). Судья первой инстанции пришел к выводу, что защита сможет вынести все вопросы, связанные с оспариванием свидетельских показаний, на рассмотрение присяжных, которые получают соответствующие указания по поводу того, как следует отнестись к этим свидетельским показаниям (см. § 160 настоящего Постановления). После того, как обвинение закончило представлять доказательства, четвертый заявитель ходатайствовал о приостановлении разбирательства на основании того, что использование свидетельских показаний было несправедливым (см. § 163 настоящего Постановления). В связи с этим судья первой инстанции еще раз рассмотрел обстоятельства получения данных свидетельских показаний. Он указал, что у четвертого заявителя была возможность заявить на допросах в качестве подозреваемого, что его прежние показания являются ложными или неточными, но он такой возможностью не воспользовался. Вместо этого он, посоветовавшись со своим адвокатом, признал свои свидетельские показания. Действительно, на суде он строил свою защиту на том, что он рассказал сотрудникам полиции в этих показаниях (см. § 164 настоящего Постановления). Поразительно, но суд первой инстанции, по-видимому, не заслушал показаний руководящего сотрудника полиции, который разрешил продолжить допрос четвертого заявителя в качестве свидетеля. Отсутствие устных показаний по данному вопросу означало, что суд первой инстанции был лишен возможности рассмотреть основания принятия данного решения и определить, имела ли место соответствующая оценка всех факторов, имеющих отношение к рассматриваемому вопросу. Это тем более важно с учетом того, что основания принятия указанного решения не были зафиксированы письменно.

305. Конечно, четвертый заявитель мог еще раз оспорить допустимость свидетельских показаний, попытавшись убедить присяжных в том, что использование его показаний несправедливо, и предложив им не принимать их во внимание. Четвертый заявитель решил не давать показаний на суде и имел на то право, поэтому его доводы были представлены во время перекрестных допросов других свидетелей и в представлениях его адвоката (см. § 168 настоящего Постановления).

Кроме того, у четвертого заявителя была возможность привести свои аргументы о недопустимости использования этих свидетельских показаний при рассмотрении жалобы Апелляционным судом Англии и Уэльса. Указанный суд, тщательно рассмотрев подход судьи первой инстанции к осуществлению дискреционных полномочий, пришел к выводу, что тот был вправе признать эти показания допустимым доказательством (см. §§ 175–179 настоящего Постановления). Однако, как отмечалось выше (см. § 299 настоящего Постановления), то, что решение, о котором идет речь, не было зафиксировано письменно и что не были заслушаны устные показания об основаниях принятия решения об отказе четвертому заявителю в получении юридической помощи до того, как он дал показания, означало, что у Апелляционного суда не было возможности проверить правомерность этих оснований и определить, правильно ли осуществлялись дискреционные полномочия.

306. Что касается качества доказательств и обстоятельств их получения, важно подчеркнуть: судья первой инстанции считал установленным, что в отделении полиции к четвертому заявителю не применялось методов принуждения (см. § 159 настоящего Постановления). Как он пояснил, нельзя сказать, что какие-либо действия или высказывания сделали показания недостоверными. Следует отметить, что на последующих допросах после встречи со своим адвокатом заявитель не утверждал, что его свидетельские показания неправильны или были даны при обстоятельствах, являвшихся принуждением. Его адвокат рассказывал ему об имеющихся у него вариантах (см. § 148 настоящего Постановления), но он не попытался отказаться от своих свидетельских показаний и строил на них свою защиту на суде. Вместе с тем по делу не оспаривается, что свидетельские показания четвертого заявителя представляли собой признание в том смысле, в каком этот термин понимается во внутригосударственном законодательстве, и, несмотря на различные оправдания, показания против самого себя для целей настоящего разбирательства (см. §§ 156 и 200 настоящего Постановления). Кроме того, нужно иметь в виду, что эти показания были получены с нарушением применимого кодекса практических указаний в обстоятельствах, когда ему не сообщили о праве хранить молчание и праве не свидетельствовать против самого себя. Непосредственным следствием действий сотрудников полиции стало то, что заявитель был введен в заблуждение по поводу своих основных процессуальных прав во время допроса.

307. Четвертый заявитель утверждал, что в основе представленных обвинением доказательств по сути лежали его свидетельские показания. Ни судья первой инстанции, ни Апелляционный суд Англии и Уэльса не стали комментировать роль свидетельских показаний в контексте остальных

доказательств по делу. Однако Европейский Суд согласен с четвертым заявителем в том, что эти показания явно являлись важной частью представленных обвинением доказательств. В них заявитель признал следующее: он укрывал Османа на протяжении нескольких дней, Осман рассказывал ему о своей деятельности и о том, что он был одним из участников теракта 21 июля, он получил от Османа информацию о личности остальных террористов, дал Осману одежду и знал об отъезде Османа на поезде «Евростар» (см. §§ 143–146 настоящего Постановления). Эти признания, несомненно, занимали центральное место в предъявленных ему обвинениях (см. §§ 153–154 настоящего Постановления).

308. Конечно, обвинение опиралось и на другие собранные по делу доказательства. То, что четвертый заявитель встретился с Османом, они вместе вернулись в квартиру четвертого заявителя и что Осман прожил там три дня, подтверждается записями с камер видеонаблюдения, на которых видно, как они встретились и идут по направлению к квартире четвертого заявителя, записями с полицейской камеры видеонаблюдения, на которых видно, как через три дня они вышли из квартиры четвертого заявителя, и анализом передвижения по данным с вышек сотовой связи, согласующимся с утверждением о том, что Осман совершал телефонные звонки из квартиры четвертого заявителя. Обвинение опиралось на газету с репортажем о терактах, где были опубликованы фотографии подозреваемых, на которой были обнаружены отпечатки пальцев четвертого заявителя, чтобы доказать, что первому заявителю было известно о терактах и предполагаемой причастности к ним Османа (см. § 162 настоящего Постановления). Кроме того, сторона обвинения настаивала, что четвертый заявитель оказал Осману дополнительную практическую помощь, имеющую ключевое значение и выходящую за рамки того, что он признал в своих свидетельских показаниях. Так, сторона обвинения предоставила видеозапись встречи четвертого заявителя с Вахби Мухаммедом, на которой видно, как тот отдал четвертому заявителю видеокамеру для передачи Осману. Далее обвинение утверждало, что четвертый заявитель встретился с Шерифом и забрал у него паспорт, воспользовавшись которым, Осман смог выехать из Соединенного Королевства, а также предоставило в качестве доказательства расшифровку телефонного разговора между этими двумя людьми и анализ передвижения по данным с вышек сотовой связи, указывающий на то, что их встреча могла иметь место. Шериф дал показания, что четвертый заявитель забрал у него паспорт (см. § 167 настоящего Постановления). Осман в своих показаниях рассказал о том, сколько времени он провел дома у четвертого заявителя, и какую помощь он за это время от него получил. Он сказал, что четвертый заявитель съездил на

вокзал Ватерлоо, чтобы купить ему билет на поезд «Евростар», и защита этого не оспаривала (см. § 166 настоящего Постановления). Наконец, имеются заявления, сделанные заявителем 30 июля и 1 августа после того, как его задержали сотрудники полиции и он получил юридическую помощь (см. §§ 148–152 настоящего Постановления).

309. Однако факт остается фактом: в указанных свидетельских показаниях описывалось то, что произошло в этот важнейший период времени, и именно содержание данных показаний в первую очередь дало полиции основания подозревать четвертого заявителя в соучастии в преступлении. Таким образом, эти показания предоставили сотрудникам полиции базу, вокруг которой они впоследствии выстроили свои аргументы, и стали основой для поиска ими других подтверждающих доказательств. В связи с этим Европейский Суд приходит к выводу, что, поскольку указанные показания занимали центральное место в ряду доказательств виновности четвертого заявителя, их можно считать составной и важной частью доказательств, положенных в основу вынесенного ему обвинительного приговора.

310. В своих наставлениях присяжным судья первой инстанции обратил внимание на нарушения, которые имели место при допросе четвертого заявителя и даже им свидетельских показаний. Он изложил доводы четвертого заявителя, которые тот выдвигал, оспаривая эти показания, и дал присяжным указание о том, что они обязаны игнорировать эти показания, если, по их мнению, они могли быть получены посредством слов или действий, из-за которых они могли стать недостоверными, даже если они полагали, что эти показания соответствуют или могут соответствовать действительности (см. §§ 169–172 настоящего Постановления). Важно, однако, что присяжным велели принять эти показания во внимание, если они придут к убеждению, что они были даны добровольно, что четвертый заявитель сделал бы эти заявления, даже если бы не было допущено нарушения процессуальных норм, и что его показания соответствуют действительности. Исходя из изложенного Европейский Суд считает, что указания судьи первой инстанции предоставили присяжным слишком большую свободу решать, каким образом принимать эти показания во внимание и определять их доказательственную ценность, без учета того, что они были получены в условиях, когда четвертый заявитель не имел доступа к юридической помощи и не был уведомлен о своем праве хранить молчание.

311. Как признает четвертый заявитель, в его деле нужно придавать большое значение характеру совершенных преступлений (см. § 241 настоящего Постановления). Инкриминируемые ему преступления были несопоставимы по масштабу с преступлениями, совершенными первыми тремя заявителями, однако опасность, которую представляет

терроризм, можно нейтрализовать только эффективным расследованием, преследованием и наказанием деяний всех лиц, которые имеют отношение к терроризму. Вместе с тем принимая во внимание высокую планку, которая применяется при возникновении презумпции несправедливости, и с учетом совокупного воздействия всех процессуальных упущений в деле четвертого заявителя Европейский Суд полагает, что властям государства-ответчика не удалось доказать, почему решение не делать ему предупреждение и ограничить его доступ к юридической помощи не причинило непоправимого ущерба общей справедливости разбирательства дела. Следовательно, в отношении четвертого заявителя по делу было допущено нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

312. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. УЩЕРБ

313. Четвертый заявитель требовал выплатить ему 1 196 750 фунтов стерлингов в качестве возмещения материального ущерба, причиненного потерей прошлых и будущих заработков, и 1 000 000 фунтов стерлингов в качестве компенсации морального вреда.

314. Власти Соединенного Королевства утверждали, что в основе этих требований лежит необоснованное и весьма спорное предположение о наличии причинно-следственной связи между какими-либо нарушениями и вынесенным четвертому заявителю обвинительным приговором. Кроме того, эти требования неумеренны, совершенно чрезмерны и намного превышают суммы компенсаций, которые Европейский Суд присуждал в соответствующих делах.

315. Из вывода Европейского Суда о нарушении пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции в отношении четвертого заявителя не следует, что обвинительный приговор был вынесен ему по ошибке, а строить предположения по поводу того, чем могло бы закончиться дело, если бы отсутствовало нарушение Конвенции, недопустимо. По поводу требования о компенсации не полученных доходов Европейский Суд отмечает, что между предполагаемым ущербом и установленным нарушением Конвенции не было установлено наличия прямой причинно-следственной связи, и отклоня-

ет это требование. Что касается его требования о компенсации морального вреда, Европейский Суд не считает необходимым при обстоятельствах настоящего дела присуждать в связи с этим какую-либо сумму. Далее Европейский Суд отмечает, что четвертый заявитель может обратиться в Комиссию по пересмотру уголовных дел (*Criminal Cases Review Commission*) с просьбой о возобновлении производства по делу (см. § 202 настоящего Постановления). Таким образом, требования четвертого заявителя должны быть отклонены.

В. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

316. Кроме того, четвертый заявитель просит возместить ему «все судебные издержки, понесенные в связи с подачей настоящей жалобы», предоставив два счета. В них указано, что гонорар адвокатов в контексте судебных издержек и расходов, понесенных в связи с рассмотрением дела в Европейском Суде, составил 35 833 фунта стерлингов (с учетом НДС). Эта сумма включает в себя оплату в общей сложности 74 часов работы двух адвокатов по составлению первоначальной жалобы и подготовке представлений в Палату Европейского Суда по ставке от 150 до 275 фунтов стерлингов в час (без учета НДС), а также в общей сложности 62 работы этих двух адвокатов по анализу Постановления Палаты Европейского Суда и подготовке представлений в Большую Палату Европейского Суда по ставке от 200 до 300 фунтов стерлингов в час (без учета НДС).

317. Власти Соединенного Королевства считали, что почасовая ставка в предоставленных счетах представляется завышенной. Далее, по их мнению, из этих счетов, по-видимому, следует, что некоторая работа была проделана дважды. Они полагали, что более реальная сумма составила бы порядка 10 000 фунтов стерлингов.

318. Согласно устоявшейся прецедентной практике Европейский Суд присуждает компенсацию судебных расходов и издержек лишь при условии, если доказано, что они фактически понесены, необходимы и не превышали разумных пределов. С учетом внесенных представлений количество часов представляется завышенным, а в той мере, в какой по представленной общей калькуляции можно судить о фактически выполненном объеме работы, некоторая работа, по-видимому, была проделана дважды. Таким образом, Европейский Суд считает целесообразным присудить четвертому заявителю 16 000 евро.

С. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

319. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна опре-

деляться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Суд:

1) постановил 15 голосами «за» при двух – «против», что по делу не было допущено нарушений пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции в отношении первых трех заявителей;

2) постановил 11 голосами «за» при шести – «против», что по делу были допущены нарушения пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции в отношении четвертого заявителя;

3) постановил 16 голосами «за» при одном – «против», что:

(а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев Конвенции выплатить четвертому заявителю сумму в размере 16 000 евро (шестнадцать тысяч евро) с учетом любых налогов, которые он, возможно, должен будет уплатить с этой суммы, с переводом ее в фунты стерлингов по курсу, действующему на день выплаты;

(б) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

4) отклонил 13 голосами «за» при четырех – «против» оставшуюся часть требований четвертого заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках, оглашено на публичном слушании дела во Дворце прав человека в г. Страсбурге 13 сентября 2016 г.

Лоуренс ЭРЛИ
Главный юридический
советник Суда

Гвидо РАЙМОНДИ
Председатель
Большой Палаты

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие отдельные мнения судей:

(а) совпадающее мнение судьи Пола Махони;

(б) совместное частично особое, частично совпадающее мнение судей Андраша Шайо и Юлии Лаффранк;

(с) совместное частично особое мнение судей Андраша Шайо, Ишиль Каракаш, Мирьяны Лазаровой Трайковской и Винсента А. де Гаэтано;

(д) совместное частично особое мнение судей Ханлара Гаджиева, Анны Юдковской, Пауля Лемменса, Пола Махони, Иоганнеса Силвиса и Шиюфра О'Лири;

(е) частично особое мнение судьи Пауля Лемменса;

(ф) особое мнение судьи Андраша Шайо.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПОЛА МАХОНИ

1. Помимо того, что я не согласен с выводом своих коллег, составляющих большинство судей, о нарушении статьи 6 Конвенции в отношении четвертого заявителя, у меня возникли серьезные сомнения по одному из пунктов их рассуждений, касающемуся общих принципов. Этот пункт не затрагивает выводов, сделанных в отношении четвертого заявителя и первых трех заявителей, а относится к аспекту анализа статьи 6 Конвенции, о котором не идет речь в настоящем деле, но который может иметь последствия при рассмотрении дел в будущем.

2. Постановление исходит из необходимости установить, что статья 6 Конвенции уже применялась на момент дачи заявителями показаний, чтобы Европейский Суд при определении справедливости разбирательства по их делам мог принять во внимание их первоначальные показания в полиции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Шмид-Лаффе против Швейцарии» (*Schmid-Laffer v. Switzerland*) от 16 июня 2015 г., жалоба № 41269/08, §§ 26–32, в котором, по-видимому, используется тот же подход). Иными словами, что при проведении допросов первых трех заявителей в интересах «безопасности» и в тот самый момент, когда четвертый заявитель начал свидетельствовать против самого себя, превратившись вследствие этого из свидетеля в подозреваемого, было предъявлено «уголовное обвинение» в автономном значении статьи 6 Конвенции. Соответственно, большинство судей сочли необходимым прийти к выводу, что положение каждого заявителя и, в частности, четвертого заявителя «было существенно затронуто действиями, предпринятыми властями в результате возникших в отношении него подозрений» (см. §§ 249, 275 и 296 настоящего Постановления). На мой взгляд, подобные рассуждения не только противоречат прецедентной практике Европейского Суда о критериях определения того, когда существует «уголовное обвинение», но и являются излишними и приводят к несколько натянутому анализу обстоятельств дела четвертого заявителя.

3. В основе настоящего дела лежит подход, сформулированный в основополагающем Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» (*Salduz v. Turkey*) (жалоба № 36391/02, § 55, *ECHR* 2008), согласно которому

«для того, чтобы право на справедливое судебное разбирательство оставалось в достаточной мере “практически осуществимым и эффективным”... пункт 1 статьи 6 Конвенции требует, чтобы возможность пользоваться услугами адвоката предоставлялась, как правило, с момента первого допроса подозреваемого в полиции, за исключением случаев, когда с учетом конкретных обсто-

ятельств каждого дела доказано существование убедительных оснований для ограничения этого права».

4. В самом Постановлении по делу «Салдуз против Турции» ничего не говорится о том, что «уголовное обвинение» должно уже быть предъявлено к моменту первоначального допроса в полиции в качестве подозреваемого, чтобы данный допрос можно было принимать во внимание при определении справедливости последующего производства по уголовному делу в отношении допрошенного.

5. Как я понимаю, в основе требования, сформулированного в деле «Салдуз против Турции», лежит сложившееся еще до этого дела представление, согласно которому, как только человеку предъявлено «обвинение» (после чего к нему начинает применяться статья 6 Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте), гарантия справедливости распространяется на события, произошедшие до предъявления этого «обвинения», в той мере, в какой эти факты способны повлиять на справедливость разбирательства. Примером таких обстоятельств, возникших до предъявления «обвинения», являются провокации сотрудников полиции: если сотрудники полиции спровоцировали людей на поступки, которые в противном случае они бы не совершили, любое уголовное преследование за эти поступки будет несправедливым (среди многих прочих примеров из прецедентной практики см. Постановление Европейского Суда по делу «Тейшейра ди Каштру против Португалии» (*Teixeira de Castro v. Portugal*) от 9 июня 1998 г., §§ 34–36, *Reports* 1998-IV, Постановление Европейского Суда по делу «Банникова против Российской Федерации» (*Bannikova v. Russia*) от 4 ноября 2010 г., жалоба № 18757/06¹, §§ 33–65, а также Постановление Европейского Суда по делу «Лагутин и другие против Российской Федерации» (*Lagutin and Others v. Russia*) от 24 апреля 2014 г., жалобы №№ 6228/09, 19123/09, 19678/07, 52340/08 и 7451/09², §§ 89–101). Однако едва ли можно сказать, что на момент провокации человеку было предъявлено «уголовное обвинение». В прецедентной практике, касающейся провокаций, проводится четкое различие между получением доказательств на стадии предварительного следствия и последующим использованием доказательств, полученных на этой стадии, например, от секретных агентов или анонимных осведомителей:

«последующее использование таких источников судом первой инстанции при признании виновности составляет иной вопрос и является допустимым только при наличии адекватных и достаточных гарантий против злоупотреблений, в частности, ясной и предсказуемой про-

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2011. № 4 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 3 (примеч. редактора).

цедуры санкционирования, осуществления данных следственных действий и контроля за ними...» (упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Лагутин и другие против Российской Федерации», § 90).

6. Аналогичным образом обстоит дело и с первоначальным допросом в полиции. Когда человека допрашивают в первый раз, ему, может быть, уже предъявлено полицией «обвинение», а может быть, и нет. На данном этапе он может быть не более чем подозреваемым. Это не отменяет того факта, что «в принципе» (то есть по общему правилу, из которого допускаются исключения) использование на суде по уголовному делу заявлений, сделанных на первоначальном допросе в полиции в качестве подозреваемого человеком, у которого не было возможности получить юридическую помощь, приведет к тому, что это судебное разбирательство станет несправедливым. Наличие или отсутствие «обвинения» на момент первого допроса в полиции, на мой взгляд, не имеет значения в контексте гарантии прав подсудимых по уголовным делам, которую обеспечивает Постановление по делу «Салдуз против Турции». Прецедентная практика Европейского Суда по вопросу о получении юридической помощи на первоначальном допросе в полиции в качестве подозреваемого не должна приводить к нарушению нормального восприятия реальности в том, что касается последовательности стадий производства по уголовным делам в большинстве наших стран (сначала допрос в качестве возможного свидетеля, потом перевод в статус подозреваемого, затем предъявление обвинения и, наконец, суд). Нет необходимости, в частности, в случае четвертого заявителя объединять два разных понятия: (а) допрос в качестве подозреваемого и (б) предъявление «обвинения», – чтобы обеспечить четвертому заявителю возможность воспользоваться гарантией, предусмотренной статьей 6 Конвенции, согласно которой вопросы, попадающие под действие требования, сформулированного в деле «Салдуз против Турции», не должны нарушать справедливость разбирательства по его делу.

7. Однако в настоящем Постановлении (см. § 296) раздел, посвященный применению конвенционных принципов к обстоятельствам дела четвертого заявителя, начинается со следующего аналитического замечания:

«...на допросе в качестве свидетеля четвертый заявитель начал давать показания против самого себя. Тогда сотрудники полиции сделали перерыв в допросе и обратились к своему начальству за указаниями. Европейский Суд приходит к убеждению, что на этом этапе оформилось подозрение в том, что четвертый заявитель совершил преступление, что начиная с этого момента действия полицейских стали существенно отражаться на его положении и, соответственно, ему было предъявлено “уголовное обвинение” в том автономном значении, которое придается этому термину в статье 6 Конвенции».

Подобные рассуждения приводят к тому, что в тот самый момент, когда человек впервые становится подозреваемым, автоматически нужно считать, что ему предъявлено «уголовное обвинение» для целей статьи 6 Конвенции.

8. Однако Конвенция признает, что статус подозреваемого не равнозначен предъявлению «уголовного обвинения». На это указывает прецедентная практика по подпункту «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, которая допускает «законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения». Как сказано в деле «Эрдагёз против Турции» (Постановление Европейского Суда по делу «Эрдагёз против Турции» (Erdagöz v. Turkey) от 22 октября 1997 г., § 51, Reports 1997-VI):

«То, что заявителю не было предъявлено обвинения... необязательно означает, что цель заключения ее под стражу [в качестве подозреваемой] не соответствовала подпункту “с” пункта 1 статьи 5 Конвенции... Подпункт “с” пункта 1 статьи 5 Конвенции не предполагает, что сотрудники полиции должны были получить достаточно доказательств для предъявления обвинений... Цель допроса в ходе содержания под стражей согласно подпункту “с” пункта 1 статьи 5 Конвенции заключается в том, чтобы далее продолжалось следствие по уголовному делу, подтвердив или опровергнув конкретные подозрения, на основании которых человек был задержан. Таким образом, обстоятельства, из-за которых возникли подозрения, не должны быть того же уровня, что и факты, необходимые для того, чтобы обосновать... предъявление обвинения, которое происходит на следующей процессуальной стадии следствия по уголовному делу...» (См. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Мюррей против Соединенного Королевства» (Murray v. United Kingdom) от 28 октября 1994 г., § 55, Series A, № 300-A¹.)

Кратко говоря, статус подозреваемого и предъявление уголовного обвинения – это разные вещи, или, если использовать формулировки настоящего Постановления, они представляют собой отдельные идущие друг за другом стадии уголовного процесса в широком смысле этого слова.

9. В настоящем деле сразу после того, как рано утром 28 июля 2005 г. были подписаны свидетельские показания четвертого заявителя, его задержали и сделали ему предупреждение (см. § 147 настоящего Постановления). После того, как он получил юридическую помощь, его допрашивали в качестве подозреваемого еще три раза, 30 июля, 1 и 2 августа 2005 г., а 3 августа 2005 г. предъявили ему обвинение согласно внутрисударственному законодательству (см. §§ 148–152 настоящего Постановления). Если я правильно понимаю кон-

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2017. № 8 (примеч. редактора).

венционные принципы, для вынесения решения по делу четвертого заявителя необязательно определять, когда именно можно было сказать, что ему было предъявлено «уголовное обвинение» в автономном значении статьи 6 Конвенции, поскольку ему уже явно было предъявлено «обвинение» (как минимум 3 августа 2005 г.) к тому времени, как возник вопрос об использовании его первоначальных показаний в качестве доказательства его виновности. На мой взгляд, защита, которую обеспечивает подсудимым на суде по уголовным делам правило использования доказательств, полученных во время первоначального допроса в полиции в качестве подозреваемого, которое было сформулировано в деле «Салдуз против Турции», не зависит от того, имел ли место отказ в доступе к адвокату после предъявления «уголовного обвинения». Для того, чтобы правило, сформулированное в деле «Салдуз против Турции», применялось к разбирательству по уголовным делам, нет необходимости приравнивать статус «подозреваемого» к предъявлению «уголовного обвинения», как это делается в настоящем Постановлении.

10. Более того, в Постановлении несколько искажен классический критерий существования «уголовного обвинения» по сравнению с тем, как он последовательно отражался в постановлениях Европейского Суда начиная с самых ранних. В трех примерах из прецедентной практики, указанных в настоящем Постановлении (Постановление Европейского Суда по делу «Девеер против Бельгии» (*Deweere v. Belgium*) от 27 февраля 1980 г., §§ 42–46, Series A, № 35, Постановление Европейского Суда по делу «Экле против Германии» (*Eckle v. Germany*) от 15 июля 1982 г., § 73, Series A, № 51, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Макфарлейн против Ирландии» (*McFarlane v. Ireland*) от 10 сентября 2010 г., жалоба № 31333/06, § 143), данный критерий формулируется не так, как в § 249 Постановления («когда его положение было существенно затронуто действиями, предпринятыми властями в результате возникших в отношении него подозрений» (курсив мой. – П.М.)). Если брать упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Макфарлейн против Ирландии» (§ 143), недавний из этих примеров, в нем говорится:

«“Обвинение” для целей пункта 1 статьи 6 Конвенции можно определить как “официальное уведомление человека компетентным органом власти об утверждении о том, что он совершил преступление”, и это определение также сочетается с критерием о том, было ли “существенно затронуто положение [подозреваемого]”...».

Таким образом, этот критерий формулируется не так, как указано в настоящем Постановлении, и заключается в том, было ли «существенным образом затронуто положение [подозреваемого]» (кур-

сив мой. – П.М.). Эта формулировка, в отличие от видоизмененной формулировки, которая используется в постановлении, показывает, что одного лишь факта наличия статуса подозреваемого как такового или самого по себе недостаточно. Нужно, чтобы положение лица, которое уже является подозреваемым, было еще больше затронуто каким-то другим, дополнительным и существенным образом. Однако с точки зрения настоящего Постановления (§ 296) четвертому заявителю было предъявлено «уголовное обвинение» с того самого момента, как «оформилось подозрение в том, что [он] совершил преступление», то есть с того момента, когда он дал показания против самого себя и в связи с этим впервые превратился из допрашиваемого свидетеля в подозреваемого.

11. Устранение юридического различия между подозреваемым и обвиняемым в совершении преступления поражает меня и кажется мне излишним. Это расходится с реалиями уголовного процесса в широком смысле данного понятия, с последовательностью этапов расследования, предъявления обвинения и судебного разбирательства и в то же время совершенно необязательно для эффективного применения правила, сформулированного в деле «Салдуз против Турции» (как и гарантии недопущения провокаций), когда человеку предъявлено «обвинение». Устранение подобного различия просто приводит к излишней путанице в понятиях. Эта путаница в понятиях не повлекла последствий для разрешения настоящего дела, но боюсь, такие последствия вполне могут проявиться в будущих делах.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ, ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ АНДРАША ШАЙО И ЮЛИИ ЛАФФРАНК

1. Мы понимаем первоочередную важность защиты общества от терроризма. Органы власти, которым поручена эта непростая задача, сталкиваются с серьезными проблемами. Однако крайне важно, чтобы при соблюдении правильного баланса между требованиями обеспечения безопасности и осуществлением основных прав и свобод все демократические общества и все государства – участники Конвенции проявляли должное уважение к требованиям верховенства права и избегали отклонения от принципов прав человека и верховенства права. Европейский Суд в своей устоявшейся прецедентной практике, например, по статье 3 Конвенции, заявлял, что ему прекрасно известно о проблемах, с которыми сталкиваются государства при защите своих жителей от террористических угроз, но из-за этого тем более важно подчеркнуть, что статья 3 Конвенции закрепляет одну из важнейших ценностей демократического общества (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «А. и другие против Соединенного Королевства» (*A. and Others v. United*

Kingdom), жалоба № 3455/05, § 126, *ECHR* 2009). Европейский Суд подчеркивал важность уважения конвенционных ценностей в аналогичном контексте применительно к статье 6 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хини и Макгиннесс против Ирландии» (*Heaney and McGuinness v. Ireland*), жалоба № 34720/97, *ECHR* 2000-XII, где Европейский Суд пришел к выводу, что соображения безопасности и охраны общественного порядка, на которые ссылались власти государства-ответчика, не могут оправдывать положение, уничтожившее самую суть прав заявителей хранить молчание и не свидетельствовать против самих себя, см. также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» (*Salduz v. Turkey*), жалоба № 36391/02, *ECHR* 2008, и Постановление Европейского Суда по делу «Эль-Хаски против Бельгии» (*El-Haski v. Belgium*) от 25 сентября 2012 г., жалоба № 649/08).

2. Фактически в самом Постановлении по настоящему делу признается (§ 252), что нельзя размывать права на справедливое разбирательство дела только потому, что человек подозревается в причастности к терроризму и что в эти непростые времена крайне важно, чтобы государства-участники продемонстрировали свою приверженность правам человека и верховенству права, обеспечивая соблюдение, в частности, минимальных гарантий, предусмотренных статьями 6 Конвенции. Однако, к сожалению, при рассмотрении дела по существу Европейский Суд в настоящем Постановлении отходит от провозглашенного им благородного принципа и сам размывает права, не следуя гарантиям, вытекающим из статьи 6 Конвенции, в том виде, в каком они истолкованы в его же собственной устоявшейся прецедентной практике, и, прямо об этом не заявляя, фактически отходит от своей прежней устоявшейся прецедентной практики, широко применяющейся внутригосударственными судами, вот что самое печальное. Суд по правам человека не должен снижать уровень защиты, которого он уже достиг.

3. Мы сожалеем, что постановление по настоящему делу отходит от стандартов справедливого разбирательства дела, установленных в деле «Салдуз против Турции», под предлогом их толкования. Оно снижает уровень защиты без веских на то оснований. Это сводит на нет годы усилий по обеспечению высокого уровня защиты процессуальных прав в Европе. Мы не можем согласиться с таким откатом назад. Кроме того, с учетом обстоятельств настоящего дела мы не согласны с тем, как применяется новый критерий. Поэтому при всем уважении мы не согласны с выводами большинства судей в отношении первых трех заявителей. Мы тоже считаем, что по делу имело место нарушение Конвенции в отношении четвертого заявителя, но по основаниям, отличающимся от тех, на которые ссылаются большинство судей.

I. НЕПОПРАВИМЫЙ УЩЕРБ

4. Европейский Суд считает важным, что с самого начала производства по делу у человека, которому предъявлено уголовное обвинение и который не хочет защищать себя лично, должна быть возможность прибегнуть к услугам выбранного им самим защитника (более подробно данный вопрос обсуждается в Постановлении Европейского Суда по делу «Мартин против Эстонии» (*Martin v. Estonia*) от 30 мая 2013 г., жалоба № 35985/09, §§ 90 и 93, а также в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии», жалоба № 25703/11¹, § 78, *ECHR* 2015).

О практических последствиях говорится в упомянутом выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» (§ 55), в котором отмечается следующее:

«...Европейский Суд приходит к выводу: для того, чтобы право на справедливое судебное разбирательство оставалось в достаточной мере “практически осуществимым и эффективным” ...пункт 1 статьи 6 Конвенции требует, чтобы возможность пользоваться услугами адвоката предоставлялась, как правило, с момента первого допроса подозреваемого в полиции, за исключением случаев, когда с учетом конкретных обстоятельств каждого дела доказано существование убедительных оснований для ограничения этого права. Даже при наличии убедительных оснований, которые в исключительных случаях могут оправдать лишение возможности пользоваться услугами адвоката, такое ограничение, какими бы соображениями оно ни было оправдано, не должно излишне ущемлять права обвиняемого, предусмотренные статьями 6 Конвенции... В принципе правам на защиту будет нанесен непоправимый ущерб, когда избобличающие показания, данные во время допроса сотрудниками полиции, в ходе которого у допрашиваемого не было возможности прибегнуть к помощи адвоката, используются для вынесения обвинительного приговора».

Здесь речь идет о трех разных ситуациях, когда:

(а) доступ к адвокату не обеспечивается с момента первого допроса (на первом допросе) без убедительных оснований;

(б) доступ к адвокату не обеспечивается с момента первого допроса (на первом допросе) при наличии убедительного основания для такого ограничения и

(с) при наличии убедительных оснований для отсутствия адвоката на первом допросе избобличающие показания используются при вынесении обвинительного приговора².

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 3 (примеч. редактора).

² Это правило не столь жестко и формально, как абсолютный запрет на использование таких показаний. По-видимому, оно вполне допускает приобщение показаний к материалам дела, но запрещает их использование при вынесении обвинительного приговора.

Эти три разные ситуации характеризуются обстоятельствами, которые могут отличаться.

Последняя ситуация («с») касается использования изобличающих заявлений при вынесении обвинительного приговора. Это наносит непоправимый ущерб правам на защиту (и не только в том, что касается доступа к правосудию). На наш взгляд, который подтверждается прецедентной практикой, данный ущерб имеет определяющее значение для общей справедливости разбирательства как такового. Мы признаем, что менее абсолютистское и не буквальное толкование тоже имеет под собой основания. Согласно этому подходу, несмотря на то, что ущерб непоправим, проблему несправедливости можно решить с помощью особой меры: отказа от использования доказательств. Именно данный путь предпочитают государства-участники. Мы отмечаем, что отказ от использования показаний не решает всех проблем, которые влечет за собой отсутствие адвоката на первой стадии расследования. Справедливость производства по делу требует, чтобы у обвиняемого была возможность воспользоваться всем спектром услуг, конкретно связанных с получением юридической помощи (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии», § 78), которым могло причинить ущерб отсутствие адвоката на ранней стадии расследования.

5. При втором сценарии («b») отсутствие адвоката имеет под собой убедительные основания, но изобличающие показания не используются при вынесении обвинительного приговора. Это может негативно отразиться на общей справедливости разбирательства, если при этом был причинен ненадлежащий ущерб.

6. При первом сценарии («a») отсутствие адвоката на первой стадии расследования не имеет под собой убедительных оснований. Если изобличающие показания были сделаны и впоследствии использовались при вынесении обвинительного приговора, причинение непоправимого ущерба правам обвиняемого, а значит, и справедливости разбирательства еще более очевидно, чем при третьем сценарии. Кроме того, возможно, что данные показания не будут использованы или не будут сделаны вообще: при таких обстоятельствах негативное воздействие на общую справедливость производства по делу, а значит, и судебного разбирательства, если рассуждать логически, окажется сильнее, чем в случае отсутствия адвоката по убедительным основаниям. Фактически в деле «Джон Мюррей против Соединенного Королевства» (Постановление Европейского Суда по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства» (John Murray v. United Kingdom) от 8 февраля 1996 г., Reports 1996-I) сказано, что ущерб «является» (даже не «может быть»!) непоправимым (см. ниже).

7. Однако в настоящем Постановлении утверждается, что «критерий, сформулированный в деле «Салдуз против Турции», на основе которого определяется, соответствует ли ограничение доступа к адвокату праву на справедливое разбирательство дела, имеет два аспекта. Во-первых, Европейский Суд должен определить, имелись ли убедительные основания для такого ограничения. Во-вторых, он должен оценить ущерб, который это ограничение причинило правам на защиту. Другими словами, Европейский Суд **должен**¹ определить, как повлияло это ограничение на общую справедливость производства по делу, и решить, было ли справедливым всё производство по делу в целом» (см. § 257 настоящего Постановления)². Он утверждает, что выражение «непоправимый ущерб» означает не абсолютное требование, а всего лишь «строгое, но не абсолютное» (§ 260 настоящего Постановления). Последний довод некорректен. «В принципе» не означает «допускающий исключения». Подобное толкование противоречит стандартному использованию данного выражения в прецедентной практике Европейского Суда и определениям, дающимся в стандартных словарях³. В параграфе 55 Постановления по делу «Салдуз против Турции», которое анализируется Европейским Судом, проводится четкое различие между ситуацией «как правило» [...если только...], о которой говорится в первом сценарии, и ситуацией «в принципе», о которой говорится в третьем сценарии.

8. Мы считаем, что использование в настоящем Постановлении выражения «другими словами»⁴:

– искажает букву и дух критерия, сформулированного в деле «Салдуз против Турции» и в других связанных с ним делах, а также практику, сформировавшуюся в Европейском союзе и отдельных государствах в ответ на Постановление по делу «Салдуз против Турции»;

– далее, давая определение убедительных оснований для ограничения доступа к адвокату, [оно] вводит чересчур широкий новый критерий, при-

¹ Здесь и далее текст выделен авторами особых мнений (примеч. редактора).

² Не приводятся никаких оснований, почему Европейский Суд всегда должен поступать таким образом и почему это единственно возможный подход. См. доклад Европейской комиссии по правам человека по делу «Кан против Австрии» от 12 июля 1984 г., жалоба № 9300/81, Series A, № 96, который цитируется в Постановлении.

³ «В принципе» – в качестве общей идеи или плана при том, что детали еще не определены...» (Оксфордский словарь английского языка). Другие определения отсутствуют. Антоним – «на практике». Согласно словарю французского языка под редакцией Ларусса: «В принципе – по общему правилу, по всей вероятности, если ничто не помешает» (*En principe, si on s'en tient à la règle générale, selon toute vraisemblance, si rien ne vient l'empêcher*).

⁴ «Другими словами, Европейский Суд должен определить, как повлияло это ограничение...» (§ 257 настоящего Постановления).

менение которого противоречит обстоятельствам дела.

9. В Постановлении по делу «Салдуз против Турции» утверждается, что использование для вынесения обвинительного приговора изобличающих показаний, данных на допросе в полиции без доступа к адвокату, причинит правам на защиту непоправимый ущерб. «Непоправимый» означает отсутствие правовых средств для того, чтобы его исправить (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Плонка против Польши» (*Płonka v. Poland*) от 31 марта 2009 г., жалоба № 20310/02, Постановление Европейского Суда по делу «Пищальников против Российской Федерации» (*Pishchalnikov v. Russia*) от 24 сентября 2009 г., жалоба № 7025/04¹, а также Постановление Европейского Суда по делу «Даянан против Турции» (*Dayanan v. Turkey*) от 13 октября 2009 г., жалоба № 7377/03).

10. Тем не менее в настоящем деле Европейский Суд пришел к выводу, что данная непоправимость не повлекла за собой пагубных последствий с точки зрения справедливости разбирательства, поскольку необходимо рассматривать вопрос о справедливости производства по делу в целом. Специальных средств защиты, таких как отказ от использования показаний, не требуется (в отличие от Постановления Европейского Суда по делу «А.Т. против Люксембурга» (*A.T. v. Luxembourg*) от 9 апреля 2015 г., жалоба № 30460/13).

11. В настоящем деле Европейский Суд пришел к убеждению, что суд должен принимать во внимание множество факторов и что использование изобличающих показаний, данных в отсутствие адвоката, – это лишь один из них. Подобная позиция противоречит логике рассуждений в деле «Салдуз против Турции». Согласно этой логике даже обоснованный отказ в доступе к адвокату не должен причинять ненадлежащего ущерба правам обвиняемого, предусмотренным статьей 6 Конвенции. Здесь речь по-прежнему идет о правах обвиняемого. В отсутствие возможности воспользоваться услугами адвоката нельзя устранить потенциальный источник ненадлежащего ущерба, если будут выполнены обычные требования справедливости разбирательства дела. Недопустимое использование доказательств для вынесения обвинительного приговора выбрано в качестве примера непоправимого ущерба правам обвиняемого. Если доказательства были использованы для вынесения обвинительного приговора, дополнительные соображения справедливости не работают.

12. Именно к данному выводу пришел Европейский Суд в Постановлении по делу «Салдуз против Турции». В том деле, рассмотрев множество дополнительных упущений, вызванных,

по-видимому, структурными проблемами в правовой системе Турции, и приняв во внимание определенные факторы, которые он счел справедливыми, Европейский Суд отметил, что в основе установленного нарушения лежит исключительно нарушение прав на защиту². Европейский Суд четко заявил, что его вывод касается не нарушения общей справедливости, а нарушения подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции (упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», § 63). Вопреки тому, что в настоящем Постановлении выдается за тавтологизм (см. § 7 настоящего отдельного мнения), то есть тому, что Европейский Суд [всегда] должен принимать во внимание общую справедливость, обычно Европейский Суд применяет в этом контексте однозначные правила, которые учитывают непоправимый характер последствий допущенного нарушения с точки зрения общей справедливости. Вопрос об общей справедливости не поднимался, в частности, в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства», на смену которому пришло упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции». В деле «Джон Мюррей против Соединенного Королевства» (не менее характерном деле о терроризме, чем настоящее) отмечалось, что, несмотря на отсутствие адвоката в течение первых 48 часов, если сделать определенные выводы из молчания подозреваемого, это не будет ни несправедливым, ни необоснованным. В указанном деле не возникало проблем с общей справедливостью, но, «тем не менее, вопрос об отказе в доступе к адвокату влечет за собой последствия для прав на защиту, которые требуют **отдельного рассмотрения**» (см. § 56 Постановления по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства»). «Отказ в доступе к адвокату в течение первых 48 часов допроса в полиции в ситуации, когда правам на защиту вполне может быть причинен непоправимый ущерб, какими бы ни были основания такого отказа, несовместим с правами обвиняемого, предусмотренными статьей 6 Конвенции» (см. упоминавшееся выше Постановление

² «В целом, даже несмотря на то, что у заявителя была возможность оспорить свидетельствующие против него доказательства в суде, а впоследствии и при рассмотрении жалобы на вынесенный ему приговор, отсутствие адвоката во время его содержания под стражей в полиции причинило непоправимый ущерб его правам на защиту» (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», § 62). Принимая во внимание выше сказанное, Европейский Суд пришел к выводу, что по делу было допущено нарушение подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», § 63).

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 1 (примеч. редактора).

Европейского Суда по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства», § 66). Аналогичный подход используется и в недавнем деле «А.Т. против Люксембурга» (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «А.Т. против Люксембурга»)¹, в котором Европейский Суд установил нарушение подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции в совокупности с пунктом 1 статьи 6 Конвенции. В этом деле предполагалось, что суды Соединенного Королевства устраняют причиненный ущерб (то есть, что они не стали отказываться от использования доказательств). Однако всё это не имело отношения к вопросу об общей справедливости. Излишне говорить о том, что подход, принятый в настоящем Постановлении, привел бы к выводу об отсутствии нарушения статьи 6 Конвенции.

13. Стоит отметить, что в деле «Салдуз против Турции» Европейский Суд сослался в контексте ненадлежащего ущерба на другие факторы, которые тоже имеют отношение к общей справедливости, но не пришел к выводу, что они могут компенсировать ненадлежащий ущерб. В настоящем же деле речь идет не о ненадлежащем, а о непоправимом ущербе, который нельзя компенсировать вообще.

14. Нередко Европейский Суд оценивает справедливость производства по делу в целом, однако вопреки тому, что, по-видимому, утверждается в настоящем Постановлении, нет никаких логически убедительных оснований утверждать, что к выводу о нарушении статьи 6 Конвенции может привести только рассмотрение вопроса об «общей справедливости»² (на основе результатов судебного разбирательства). В подходе, использованном в деле «Салдуз против Турции», согласно которому некоторые виды ненадлежащего ущерба (в частности, непоправимый ущерб) разрушают права на защиту, нет ничего уникального. Данный подход с самого начала использовался в прецедентной практике, которая упоминается в настоящем Постановлении, и в дополнительных делах, о которых говорилось выше.

15. Мы согласны с необходимостью «учитывать ход производства по делу в целом», однако «нельзя

исключать, что **какой-то отдельный фактор может иметь настолько решающее значение**, что позволит оценить справедливость разбирательства на более раннем этапе производства по делу» (см. упомянутый выше доклад Европейской комиссии по правам человека по делу «Джан против Австрии», который цитировался в § 251 постановления, § 48). Именно это и было сделано в деле «Салдуз против Турции»: в нем был выявлен конкретный решающий фактор, позволяющий провести анализ на раннем этапе производства по делу. И это не единственный пример в прецедентной практике. Это относится и к разбирательству по делу, где избобличающие показания были получены с применением пыток (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гёфген против Германии» (*Gäfgen v. Germany*), жалоба № 22978/05, § 166, *ECHR* 2010, в контексте показаний против самого себя) и, по всей вероятности, к избобличающим показаниям, полученным в результате прямого принуждения (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «О'Халлоран и Фрэнсис против Соединенного Королевства» (*O'Halloran and Francis v. United Kingdom*), жалобы №№ 15809/02 и 25624/02, § 53, *ECHR* 2007-III, где Европейский Суд прямо не согласился с доводом о том, что право не свидетельствовать против самого себя предполагает абсолютный запрет прямого принуждения. Из этой позиции не следует, что некоторые формы прямого принуждения сами по себе не могут причинять ущерб общей справедливости разбирательства дела и представлять собой нарушение Конвенции без дополнительных изысканий).

16. Мы настаиваем на буквальном значении принципа непоправимости, сформулированного в деле «Салдуз против Турции», не только потому, что, по нашему мнению, правовая определенность требует не отвергать столь важные принципы без уважительных причин. Мы считаем, что указанный выше принцип имеет важнейшее значение для эффективной защиты права на справедливое разбирательство дела. Европейский Суд признавал, что справедливость разбирательства дела может серьезно пострадать из-за первоначального несоблюдения ее требований, особенно если речь идет о правах, упомянутых в пункте 3 статьи 6 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Имбриосиа против Швейцарии» (*Imbrioscia v. Switzerland*) от 24 ноября 1993 г., § 36, Series A, № 275, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», § 50, а из последних постановлений упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии», § 76). Отсутствие адвоката на первом допросе задержанного подозреваемого в полиции влечет за собой долгосрочные последствия для всего производства по делу, а присутствие адвока-

¹ См. далее Постановление Европейского Суда по делу «Александр Зайченко против Российской Федерации» (*Aleksandr Zaichenko v. Russia*) от 18 февраля 2010 г., жалоба № 39660/02 (см.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 9 (примеч. редактора)), Постановление Европейского Суда по делу «Хайров против Украины» (*Khayrov v. Ukraine*) от 15 ноября 2012 г., жалоба № 19157/06, а также Постановление Европейского Суда по делу «Гриненко против Украины» (*Grinenko v. Ukraine*) от 15 ноября 2012 г., жалоба № 33627/06.

² Можно утверждать, что подход, основанный на общей справедливости, используется для преодоления неудобств в формулировках пункта 3 статьи 6 Конвенции. См., например, Постановление Европейского Суда по делу «Бёниш против Австрии» (*Bönisch v. Austria*) от 6 мая 1985 г., Series A, № 92, а также: Goss. Criminal Fair Trial Rights. Hart, 2014.

та является важной гарантией, позволяющей не допустить произвола со стороны сотрудников полиции. В некоторых случаях, например, в настоящем деле, первоначальные показания против самого себя нельзя компенсировать никаким иным способом (нельзя отказаться от ложных показаний). Если разрешить использование показаний против самого себя, данных в отсутствие адвоката, для обоснования обвинительного приговора, это приведет к серьезным сомнениям в справедливости разбирательства. Из-за того, что возникшие в том случае последствия нельзя устранить на более поздней стадии (если не отказываться от использования данных показаний), это затрагивает самую суть обвинительного приговора. В пользу квазизапрета на использование таких показаний, установленного в деле «Салдуз против Турции», говорят и продиктованные благоразумием соображения сдерживания полиции. Если следственные органы будут знать о том, что некоторые методы, идущие вразрез с правами обвиняемого, предусмотренными пунктом 3 статьи 6 Конвенции, могут привести к нарушениям в ходе разбирательства, они подумают, прежде чем прибегать к подобным методам. И, как отмечалось в деле «Салдуз против Турции», скорейший доступ к юридической помощи (адвокату) является важнейшей гарантией, позволяющей не допускать жестокого обращения.

17. В настоящем деле на удивление лаконично характеризуется практика государств-участников: «некоторые государства запрещают использование на суде заявлений, сделанных в отсутствие адвоката... хотя в других странах признание таких заявлений допустимыми доказательствами или придание им значения остается, по крайней мере, в какой-то степени, на усмотрение суда». То, что подавляющее большинство государств-участников кодифицировало императивный запрет на использование показаний или имеет обязательную прецедентную практику, которая требует применять запрет на использование изобличающих показаний, подобных тем, о которых идет речь в деле «Салдуз против Турции», причиняющих непоправимый ущерб, если, например, об этом просит обвиняемый. В одних странах в основе подобного запрета лежит нарушение права хранить молчание, а в других – отсутствие доступа к адвокату¹. Содержание в изоляции в течение трех – пяти дней допускается законодательством лишь нескольких государств (Испании, Соединенного Королевства, Франции).

¹ В деле «Кан против Австрии», которое, по-видимому, является ведущим источником в настоящем Постановлении, не возникло проблем с игнорированием практики большого количества государств-участников (§ 49). Здесь же сложилась противоположная ситуация: несмотря на наличие устойчивой тенденции к отказу от использования показаний в таких случаях, как тот, о котором идет речь в настоящем деле, Европейский Суд настаивает, что это не имеет значения, поскольку допустимость доказательств определяется внутригосударственным законодательством.

КПП² в связи с этим выступил с жесткой критикой правовой системы Испании³.

18. Подводя итоги: даже если права, предусмотренные пунктом 3 статьи 6 Конвенции, являются конкретными аспектами права на справедливое разбирательство дела, на что ясно указывают дело «Джан против Австрии» и здравый смысл, могут быть ситуации, когда непоправимый ущерб этим правам приводит к несправедливости производства по делу в целом. В деле «Салдуз против Турции» наличие ситуации непоправимого ущерба сочли абсолютным правилом, а не правилом, из которого возможны исключения. Мы не можем понять, как можно исправить непоправимый ущерб, если не отказываться от использования показаний. Новый подход не предлагает никакой компенсации. В настоящем Постановлении просто приводится перечень критериев, которые, в частности, нужно принимать во внимание при определении справедливости производства по делу в целом во всех случаях как само собой разумеющееся (в этих обычных требованиях нет элемента компенсации, наличие которого было продемонстрировано в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавая и Тахери против Соединенного Королевства» (Al-Khawaja and Tahery v. United Kingdom), жалобы №№ 26766/05 и 22228/06, ECHR 2011, где абсолютный запрет на использование единственных в своем роде и определяющих доказательств, которые по делу не оспаривались, был отменен, а Европейский Суд установил наличие компенсирующих факторов).

II. УБЕДИТЕЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОТСУТСТВИЯ АДВОКАТА

19. Европейский Суд разработал новый критерий для определения того, что является убедительными основаниями для отсутствия адвоката, наличия которых требует дело «Салдуз против Турции». Мы считаем, что новый критерий неполон и что в его основе лежат сомнительные побуждения. Подобная неполнота помогла Европейскому Суду констатировать наличие убедительных оснований и, в конечном счете, общую справедливость. (Это оказалось бы сложнее, если бы стало ясно, что никаких убедительных оснований не существует.) Мы согласны с тем, что безотлагательная необходимость предотвратить серьезные негативные последствия для жизни, свободы или физической неприкосновенности в том или ином случае является важнейшим доводом при

² Вероятно, имеется в виду Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего человеческого достоинства обращения или наказания (ЕКПП).

³ Доклады и ответные замечания, опубликованные в апреле 2013 года, CPT/Inf(2013)6–9.

установлении наличия убедительных оснований для ограничения доступа к юридической помощи. Это необходимое условие. В таких случаях нет необходимости дожидаться адвоката до начала допроса. Но является ли эта безотлагательная необходимость достаточно убедительным основанием для отказа в доступе к имеющемуся адвокату? Определение остается чересчур широким. Достаточно ли безотлагательной необходимости в проведении допроса для того, чтобы избежать отдаленных негативных последствий, заключающихся в возможном нарушении физической неприкосновенности в будущем? В определении недостает пояснения, что негативные последствия должны быть неизбежными.

20. Подход Европейского Суда прямо опирается на решение Верховного суда США по делу «Нью-Йорк против Куорлза» (*New York v. Quarles*) (467 U.S. 649 (1984)), где признается исключение из правила Миранды, связанное с обеспечением «безопасности населения». При наличии угрозы безопасности населения оно разрешает проводить допрос в отсутствие адвоката до того, как подозреваемому будут зачитаны его права. Ссылка на американский подход неуместна и указывает на недоработанность позиции Европейского Суда. Верховный суд пришел к выводу, «что необходимость получения ответов на вопросы в ситуации, представляющей угрозу для безопасности населения, перевешивает необходимость применения профилактической нормы, которая защищает право не свидетельствовать против самого себя, закрепленное в Пятой поправке». Прецедентная практика по применению решения по делу «Нью-Йорк против Куорлза» на федеральном уровне и на уровне штатов четко показывает, что оно предполагает наличие реальной угрозы. В каждом случае, в котором применяется исключение, связанное с обеспечением безопасности населения, как, например, в деле «Нью-Йорк против Куорлза», в котором полицейский стал задавать вопросы, не сделав предупреждения Миранды, после того, как был обнаружен пистолет. Огнестрельное оружие представляло собой неминуемую угрозу (когда, как в деле «Нью-Йорк против Куорлза», решение нужно было принять «иногда за несколько секунд», а вопрос полицейского, задержавшего подозреваемого, касался местонахождения оружия). Исключение, связанное с обеспечением безопасности населения, никогда не использовалось в контексте предотвращения будущих терактов, считающихся вероятными. В недавнем деле о терроризме, касающемся Джохара Царнаева, обвинение не стало включать в материалы дела допущения, сделанные в отсутствие адвоката. Несмотря на то, что налицо исключение, связанное с обеспечением безопасности населения, которое было сформулировано в решении по делу «Нью-Йорк против Куорлза», Верховный суд рассуждал так

же, как Европейский Суд в деле «Салдуз против Турции», руководствуясь критерием непоправимого ущерба: «Так же и с правом пользоваться услугами защитника по своему выбору, предусмотренным Шестой поправкой. Она требует не справедливости разбирательства дела, а конкретной гарантии обеспечения справедливости, чтобы обвиняемого защищал адвокат, которого он считает лучшим» (решение Верховного суда США по делу «США против Гонзалеса-Лопеса» (*US v. Gonzalez-Lopez*), 548 U.S. 2006). Американский подход категорически отвергает проведение общей оценки справедливости разбирательства дела: «Конституция гарантирует справедливое разбирательство дела посредством положений о надлежащей правовой процедуре, но основные элементы справедливого разбирательства дела определяются в ней в основном несколькими нормами Шестой поправки, в том числе положением о защитнике» (см. упоминавшееся выше решение Верховного суда США по делу «Стрикленд против Вашингтона» (*Strickland v. Washington*), с. 684–685). В целом право, о котором здесь идет речь, это не право на справедливое разбирательство дела, а право пользоваться услугами адвоката по своему выбору, и это право было нарушено, потому что лишение адвоката произошло по ошибке. Для «полноты» нарушения не требуется дополнительно показывать наличие ущерба» (см. упоминавшееся выше решение Верховного суда США по делу «США против Гонзалеса Лопеса»).

21. Наличие безотлагательной необходимости спасения жизни людей не объясняет, почему и как консультации и присутствие, в частности, адвоката, то есть то, на что обвиняемый имеет право, в принципе помешает спасти жизнь людей. (Опять же, если предположить, что это не вызывает задержек.) Или мы предполагаем, что присутствие адвоката дает террористам такой психологический комфорт, что это делает невозможным предотвращение беды? В силу своего особого статуса посредников между обществом и судами адвокаты занимают центральное место при отправлении правосудия. Следовательно, они играют ключевую роль в обеспечении того, чтобы суды, чья миссия в государстве, основанном на верховенстве права, имеет основополагающее значение, пользовались доверием общества (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морис против Франции» (*Morice v. France*), жалоба № 29369/10¹, §§ 132–133, *ECtHR* 2015). Или Европейский Суд полагает (как, по-видимому, допустила Палата Европейского Суда), что адвокат будет играть на руку террористам, предотвращая определенные тактические маневры сотрудников полиции?

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 10 (примеч. редактора).

III. СИТУАЦИЯ, В КОТОРОЙ ОКАЗАЛИСЬ ЧЕТВЕРО ЗАЯВИТЕЛЕЙ

(а) Подход Европейского Суда к вопросу о наличии убедительных оснований в случае первых трех заявителей

22. Европейский Суд пришел к выводу о наличии убедительных оснований для отсутствия доступа к адвокату, учитывая исключительные обстоятельства, сложившиеся после неоднократных террористических актов. Мы с этим совершенно согласны: это был исключительный момент, когда от полиции требовалось принять решительные действия. Однако здесь это не обсуждается. Требования выкроенного Европейским Судом определения убедительных оснований были легко удовлетворены. Вместе с тем вопрос заключается не в существовании исключительных обстоятельств и безотлагательной необходимости, а в наличии убедительных оснований для отказа в доступе к адвокату в имевшихся обстоятельствах. Данный важнейший вопрос обсуждался только в случае с Ибрагимом: в его деле судья первой инстанции пришел к выводу, что ему можно было бы разрешить поговорить со своим адвокатом по телефону и что в этом ограниченном отношении ему отказали в доступе к адвокату несправедливо (см. §§ 81 и 278 настоящего Постановления). Однако Европейский Суд считал это практически неизбежным недосмотром сотрудников полиции, которые работали в крайне тяжелых условиях.

23. Доступ Омара к юридической помощи был задержан чуть больше чем на восемь часов, и в течение этого времени его допрашивали в общей сложности около трех часов. Доступ Ибрагима к юридической помощи был задержан примерно на семь часов, и в это время его допрашивали около полутора часов. Доступ Мухаммеда к юридической помощи был задержан примерно на четыре часа, в течение этого времени его допрашивали восемь минут.

24. Мы согласны с тем, что сотрудники полиции не могли ждать приезда адвокатов и окончания консультаций ввиду особенностей обвинения (которые, вероятно, не подлежали разглашению в полном объеме). Сотрудники полиции были вправе и обязаны определить правильную тактику допроса (когда начать, когда сделать перерыв и т.д.). Однако для полиции не имело значения присутствие или доступность адвоката. «В 7.55 старший инспектор Макбрейн распорядился содержать Омара в изоляции согласно Приложению № 8 к Закону «О терроризме» 2000 года» (см. § 22 настоящего Постановления). Не были приняты во внимание ни доступность адвокатов, ни индивидуальное определение того, привело ли ожидание дежурного адвоката к задержкам или другим рискам с точки зрения первоочередной необходимости предотвращения негативных последствий.

По сути это был безоговорочный запрет, не учитывающий индивидуальных особенностей ситуаций заявителей. Когда Омар снова попросил встречи с дежурным адвокатом, ему сказали в 10.24, что задержка допроса повлечет за собой непосредственную опасность причинения вреда другим людям и что, «если ждать адвоката и разрешить консультироваться с ним до начала допроса, прежде чем попытаться установить указанные выше факты, это вызовет ненужную задержку в ходе этого допроса» (см. § 28 настоящего Постановления). Судья первой инстанции не рассмотрел вопроса о доступности такого адвоката во время допросов. Мы полагаем, что, если бы дежурный адвокат пришел, ему нужно было бы разрешить присутствовать на допросе (если только не появилось бы каких-то других убедительных оснований). Однако до 12.19 с дежурным адвокатом никто не связывался. Опять же, мы не видим никаких убедительных оснований для подобной задержки. Факт заключается в том, что дежурный адвокат явился только по окончании допроса в интересах безопасности.

25. В случае Ибрагима ему дважды отказывали в возможности поговорить с адвокатом по телефону еще до того, как было решено провести допрос в интересах безопасности (см. § 42 настоящего Постановления). Дежурный адвокат прибыл в отдел регистрации отделения полиции района Паддингтон Грин в 20.00. К тому времени допрос в интересах безопасности уже начался и закончился в 20.35.

26. В отношении Мухаммеда его содержание в изоляции было санкционировано после того, как он попросил помощи. Было принято решение содержать его в изоляции, но примерно через час, около 18.59, связались с дежурным адвокатом. Дежурный адвокат явился в отдел регистрации отделения полиции в 20.00. В 20.14 в отсутствие адвоката начался краткий допрос в интересах безопасности.

27. Допросы Омара в интересах безопасности проводились с 9.00 до 14.20. В этот период, несмотря на то, что Омар неоднократно просил предоставить ему адвоката, дежурному адвокату сообщили о том, что проводятся допросы в интересах безопасности, только в 12.19. Мы считаем особенно тревожным, что разрешение на содержание в изоляции было выдано на два дня, явно вне зависимости от наличия убедительных оснований, из-за которых отсутствие адвоката стало бы нецелесообразным. Приведенные основания (довод о том, что, если ждать приезда адвоката, это приведет к ненужной задержке) теоретически правильны, но в отношении Омара ссылка на отсутствие адвоката выглядит надуманной, поскольку в этом виноваты сами сотрудники полиции. Мы приходим к выводу, что в случае Омара отсутствовали убедительные основания для отсутствия адвоката. Показания против самого себя были даны им в отсутствие адвоката,

без убедительных оснований для его отсутствия на стадии допроса или для отказа в оказании юридической помощи. Эти показания были использованы для вынесения обвинительного приговора. Мы приходим к выводу, что правам на защиту был причинен непоправимый ущерб, который не компенсировал отказ от использования показаний. Таким образом, имело место нарушение статьи 6 Конвенции.

28. В случае Ибрагима сам судья первой инстанции признал, что дежурный адвокат мог бы приехать быстро «и что теоретически личная встреча могла состояться с 18.10 до 19.58» (решение судьи первой инстанции цитируется в § 80 настоящего Постановления). В этом отношении мы считаем неважным, что сотрудники полиции работали под исключительным давлением и что имеющегося времени оказалось бы недостаточно для полноценной консультации. Вывод судьи первой инстанции указывает на отсутствие убедительных (объективных) оснований для того, чтобы адвокат не присутствовал на допросе в интересах безопасности (если не считать запрета). Полиция допустила ошибку (как и в других случаях), и это мы можем понять. Однако мы не можем понять, почему изобличающие материалы, полученные на допросах в интересах безопасности, использовались при вынесении обвинительного приговора. Это тем более странно потому, что все ограничения доступа к юридической помощи в Приложении № 8 к Закону «О терроризме» 2000 года касаются мер, связанных с повреждением доказательств, задержаниями, привлечением внимания подозреваемых, причинением ущерба другим лицам или задержкой прибытия адвоката. Они не связаны со сбором доказательств для вынесения обвинительного приговора.

29. В деле Мухаммеда его показания против себя самого были использованы при вынесении обвинительного приговора, и этот непоправимый ущерб привел к нарушению Конвенции (пункта 3 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции).

30. В отличие от Европейского Суда, мы пришли бы к такому же выводу даже при использовании принятого в Постановлении подхода к общей справедливости. Даже если предположить, что существовали убедительные основания для того, чтобы не разрешать доступ к адвокату в критически важный момент расследования, Европейский Суд должен был бы проявить повышенное тщание при определении того, причинило ли или нет отсутствие адвоката ненадлежащий ущерб правам обвиняемого, предусмотренным статьей 6 Конвенции. «Однако разбирательство дела не будет справедливым, если сложности, причиненные обвиняемому ограничением его прав, не будут в достаточной мере **компенсированы** процессуальными действиями судебных органов (см., например, Постановление Европейского Суда по делу “Доорсон против

Нидерландов” (Doorson v. Netherlands) от 26 марта 1996 г., § 70, *Reports* 1996-II, Постановление Европейского Суда по делу “Ван Мехелен и другие против Нидерландов” (Van Mechelen and Others v. Netherlands) от 23 апреля 1997 г., § 58, *Reports* 1997-III, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Джаспер против Соединенного Королевства” (Jasper v. United Kingdom) от 16 февраля 2000 г., жалоба № 27052/95, §§ 51–53, Постановление Европейского Суда по делу “S.N. против Швеции” (S.N. v. Sweden), жалоба № 34209/96, § 47, *ECHR* 2002-V, а также Постановление Европейского Суда по делу “Ботмех и Алами против Соединенного Королевства” (Botmeh and Alami v. United Kingdom) от 7 июня 2007 г., жалоба № 15187/03, § 37)» цитируется упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «А. и другие против Соединенного Королевства», § 205). В конце концов, именно «доказательства, полученные на имеющей решающее значение ранней стадии расследования, определяют основные принципы, на основе которых инкриминируемое человеку преступление будет рассматриваться на суде (доклад Европейской комиссии по правам человека по делу “Кан против Австрии” от 12 июля 1984 г., жалоба № 9300/81, § 50, Series A, № 96)» (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Салдуз против Турции”, § 54).

31. В настоящем деле отсутствуют признаки того, что судебные органы чем-то это компенсировали. Кроме того, Европейский Суд провел очень уважительный анализ общей справедливости и действий судьи первой инстанции. Действительно, допрос в интересах безопасности был использован для сбора информации, важной для дальнейшего расследования и направленной прежде всего на предотвращение будущих терактов путем задержания террористов, и он был законным (если не возражать против распоряжения о содержании в изоляции в течение 48 часов, конечно, полиция не злоупотребила этой возможностью). И органы власти Соединенного Королевства, и Европейский Суд признали, что предупреждение по новой форме было сделано по ошибке, с нарушением внутригосударственного законодательства, и собранную в связи с этим информацию сочли «потенциально имеющей большое значение». Так, обвинительный приговор, вынесенный Ибрагиму, нельзя считать справедливым в целом даже согласно неприемлемым стандартам, которые были использованы. Неважно, что, по мнению Европейского Суда, для вынесения обвинительного приговора было достаточно много дополнительных доказательств. В отсутствие явного произвола в задачи Европейского Суда не входит строить предположения о важности доказательств, которые сочли потенциально имеющими большое значение. Особая заинтересован-

ность общества в вынесении обвинительного приговора не может перевешивать конвенционные гарантии – это важнейший посыл дел, которые упоминаются в настоящем Постановлении¹, вопреки тому, что утверждает Европейский Суд, а именно что «общество крайне заинтересовано в предотвращении таких масштабных терактов и привлечении к ответственности за их совершение, когда речь идет о крупном сговоре с целью убийства обычных людей, ведущих повседневную жизнь» (см. § 299 настоящего Постановления²). Если наказание имеет «как нельзя более убедительный характер», то какова роль всех гарантий, которые предусматривает Конвенция? Если государство считает, что данный убедительный общественный интерес существует, то подходящий механизм предусмотрен в статье 15 Конвенции. Под контролем Европейского Суда государство может отступать от своих обязательств. Когда речь идет о предотвращении терактов, допросы в интересах безопасности могут быть направлены (до некоторой степени) на решение других задач, и мы не исключаем возможности ограничения доступа к адвокату в превентивных целях (если этого требует неминуемая угроза). Однако мы не можем понять, почему допускается применение средства, необходимого для предотвращения преступлений и защиты жизни и здоровья, в карательных целях (для того, чтобы удовлетворить жажду справедливости, которая понимается как возмездие). Это тем более любопытно в настоящем деле, где, по мнению Европейского Суда, для вынесения обвинительного приговора имелось достаточно доказательств, даже не считая спорных показаний³.

¹ Например, Европейский Суд упомянул Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «А. и другие против Соединенного Королевства» (A. and Others v. United Kingdom), жалоба № 3455/05, ECHR 2009 (не сославшись при этом на какой-то конкретный параграф данного Постановления). Признание того, что сеть «Аль-Каиды» (Решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03 116 признана террористической организацией, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации (примеч. редактора) привела к появлению «чрезвычайных обстоятельств, угрожающих жизни нации», а значит, безотлагательной необходимости защитить жителей Соединенного Королевства, не умаляет необходимости соразмерить право заявителей на процессуальную справедливость, предусмотренное пунктом 4 статьи 5 Конвенции, с этими важными интересами общества. Необходимо, чтобы пункт 4 статьи 5 Конвенции предполагал по сути те же гарантии справедливости разбирательства дела, что и пункт 1 статьи 6 Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте (§§ 216–217). Весомому интересу в предотвращении преступлений или в вынесении обвинительного приговора не делать никаких уступок.

² Имеется в виду § 293 настоящего Постановления (примеч. редактора).

³ Хотя речь и не может идти о юридическом мотиве, поскольку Европейский Суд задается политическим вопросом, вопросом о «как нельзя более убедительном характере обвинительного приговора», мы считаем, что эта политика противоре-

(b) Абдурахман (четвертый заявитель)

32. В случае Абдурахмана Европейский Суд пришел к выводу об отсутствии убедительных оснований для отсутствия адвоката. В рамках анализа общей справедливости разбирательства Европейский Суд возложил на власти государства-ответчика обязанность убедительно доказать, почему в порядке исключения в конкретных обстоятельствах дела ограничение доступа к юридической помощи не причинило непоправимого ущерба справедливости разбирательства по делу в целом (см. § 300⁴ настоящего Постановления). Далее Европейский Суд перешел к анализу производства по делу в целом и установил, что по делу было допущено нарушение Конвенции главным образом из-за указаний судьи первой инстанции (которые по сути были похожи на те, которые в делах первых трех заявителей сочли способствующими справедливости рассмотрения дела), потому что они давали присяжным «слишком большую свободу усмотрения». Ввиду этого и других упущений в совокупности власти государства-ответчика не смогли выполнить нелегкую обязанность доказать, что разбирательство дела было справедливым.

33. Мы согласны с тем, что были нарушены права четвертого заявителя, предусмотренные статьей 6 Конвенции. Это следует из нашей трактовки дела «Салдуз против Турции»: на суде были использованы показания обвиняемого против себя самого, полученные в отсутствие адвоката. Это причинило непоправимый ущерб. Кроме того, в деле не было убедительных оснований для отсутствия адвоката, а это может служить отдельным основанием для вывода о нарушении подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи со статьей 6 Конвенции. Однако основная причина нарушения заключается не в этом. В настоящем деле полиция сознательно продолжила допрос, когда стало ясно, что Абдурахмана следует перевести в статус подозреваемого со всеми сопутствующими правами на защиту. Нарушение заключается в уловке, к которой сотрудники полиции прибегли еще до того, как мог возникнуть вопрос о присутствии адвоката. Конечно, отсутствие адвоката было вызвано данной уловкой: если человек не является подозреваемым, он не может претендовать на права, которые обеспечиваются подозреваемому. Однако отсутствие адвоката (явно незаконное ограничение) является вторичным следствием этого более общего злоупотребления, причинившего непоправимый ущерб.

чит обязанности уважать как нельзя более убедительный характер предотвращения дальнейшей гибели людей. Когда террорист знает, что, если он расскажет о других террористах или местонахождении бомбы, ему будет вынесен обвинительный приговор, снижается вероятность того, что он пойдет на сотрудничество.

⁴ Имеется в виду § 265 настоящего Постановления, *in fine* (примеч. редактора).

**СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ
СУДЕЙ АНДРАША ШАЙО, ИШИЛЬ КАРАКАШ,
МИРЬЯНЫ ЛАЗАРОВОЙ ТРАЙКОВСКОЙ
И ВИНСЕНТА А. ДЕ ГАЭТАНО**

(Перевод)

Мы голосовали против последнего пункта резолютивной части настоящего Постановления, поскольку, на наш взгляд, Европейский Суд должен был присудить четвертому заявителю компенсации морального вреда.

С учетом обстоятельств дела большинство судей не сочли необходимым присуждать четвертому заявителю компенсацию морального вреда. Далее они отметили, что четвертый заявитель может обратиться в Комиссию по пересмотру уголовных дел с просьбой о возобновлении производства по делу (см. § 315 настоящего Постановления). В связи с этим следует отметить, что обращение в Комиссию по пересмотру уголовных дел не является эффективным средством правовой защиты для целей применения пункта 1 статьи 35 Конвенции (см. Решение Европейского Суда по делу «Туцка против Соединенного Королевства» (*Tucka v. United Kingdom*) от 18 января 2011 г., §§ 15–17).

Очевидно, что согласно статье 41 Конвенции Европейский Суд принимает решение о размере компенсации морального вреда, если он считает «необходимым» ее присудить. Будучи наделен значительной свободой действий при определении того, в каких случаях заявителям необходимо присуждать компенсацию, Европейский Суд нередко приходит к выводу, что вывод о нарушении Конвенции представляет собой достаточную справедливую компенсацию и что не требуется присуждения денежной компенсации (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Николова против Болгарии» (*Nikolova v. Bulgaria*), жалоба № 31195/96, § 76, *ECHR* 1999-II, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства» (*Vinter and Others v. United Kingdom*), жалобы №№ 66069/09, 130/10 и 3896/10¹, *ECHR* 2013, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мюррей против Нидерландов» (*Murray v. Netherlands*) от 26 апреля 2016 г., жалоба № 10511/10²). Для того, чтобы прийти к такому выводу, Европейский Суд принимает во внимание все обстоятельства дела, в том числе характер установленных нарушений Конвенции, а также особые обстоятельства, касающиеся контекста дела (см., например, упомянувшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Винтер и другие про-

тив Соединенного Королевства», а также особое мнение судей Д. Шпильманна, А. Шайо, И. Каракаш и П. Пинту де Альбукерке, приложенное к упомянувавшемуся выше Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мюррей против Нидерландов»). Когда этого требуют обстоятельства, как в деле «Макканн и другие против Соединенного Королевства» (Постановление Европейского Суда по делу «Макканн и другие против Соединенного Королевства» (*McCann and Others v. United Kingdom*) от 27 сентября 1995 г., § 219, Series A, № 324), в котором Европейский Суд не стал присуждать компенсации морального вреда, поскольку трое подозреваемых в терроризме, которые были убиты, планировали заложить бомбу в Гибралтаре, или когда этого требует характер установленного нарушения, как в деле «Таракель против Швейцарии» (Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Таракель против Швейцарии» (*Tarakhel v. Switzerland*), жалоба № 29217/12, *ECHR* 2014), Европейский Суд приходит к выводу, что вывод о нарушении Конвенции является достаточной компенсацией морального вреда. Иными словами, Европейский Суд принимает решение не присуждать компенсацию морального вреда лишь в весьма исключительных случаях.

Кроме того, могут быть ситуации, когда Европейский Суд принимает решение присудить компенсацию в меньшем размере по сравнению с суммами, которые присуждались в других делах по соответствующей статье Конвенции опять же с учетом конкретных обстоятельств контекста дела. Самым типичным примером этого является дело «А. и другие против Соединенного Королевства» (Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «А. и другие против Соединенного Королевства» (*A. and Others v. United Kingdom*), жалоба № 3455/05, *ECHR* 2009, в контексте терроризма, где Европейский Суд подробно объяснил (§ 252, см. также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дель Рио Прада против Испании» (*Del Río Prada v. Spain*), жалоба № 42750/09, § 145, *ECHR* 2013), по каким причинам он присудил компенсацию в значительно меньшем размере по сравнению с суммами, которые ранее присуждались в других делах о незаконном содержании под стражей.

Если говорить о моральном вреде в настоящем деле, большинство судей не сочли необходимым присуждать компенсацию этого вреда при обстоятельствах данного дела. Это отличается от обычной формулировки, согласно которой «вывод о нарушении Конвенции представляет собой достаточную справедливую компенсацию». Заявление о том, что присуждать компенсацию необязательно, без малейших пояснений – это новая формулировка в прецедентной практике, и, как нам кажется, она нуждается в уточнении. Если большинство судей

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 6 (примеч. редактора).

² См.: там же. Специальный выпуск. 2017. № 8 (примеч. редактора).

на основании нескольких факторов приняли решение не присуждать справедливой компенсации, они должны четко обосновать это решение.

В параграфе 311 настоящего Постановления Европейский Суд заявил, что преступления, совершенные четвертым заявителем, менее серьезны, чем преступления, совершенные первыми тремя заявителями, подчеркнув при этом важность эффективных санкций для противодействия угрозе терроризма. Европейский Суд признал, что все процессуальные упущения в деле четвертого заявителя в совокупности, то есть решения не делать ему предупреждения и ограничить получение им юридической помощи, причинили непоправимый ущерб справедливости разбирательства по делу в целом. Следовательно, в деле четвертого заявителя было допущено нарушение пунктов 1 и 3 статьи 6 Конвенции.

В предыдущих делах Европейский Суд всегда присуждал компенсацию за нарушения пунктов 1 и 3 статьи 6 Конвенции, даже при наличии возможности возобновления производства по делу. В настоящем деле средство правовой защиты, предложенное большинством судей (см. § 315 настоящего Постановления), имеет исключительный характер, а значит, не является эффективным (см. упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по жалобе «Тузца против Соединенного Королевства», § 17). Трудно понять примененный ход рассуждений, в котором делается акцент на возможность воспользоваться средством правовой защиты, которое ранее было объявлено неэффективным.

С учетом серьезности нарушения, установленного в отношении четвертого заявителя, и принимая во внимание особые обстоятельства контекста дела, мы считаем, что Европейский Суд должен был присудить ему компенсацию морального вреда, который, возможно, был ему причинен.

**СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ
СУДЕЙ ХАНЛАРА ГАДЖИЕВА,
АННЫ ЮДКОВСКОЙ, ПАУЛЯ ЛЕММЕНСА,
ПОЛА МАХОНИ, ИОАННЕСА СИЛВИСА
И ШИОФРА О'ЛИРИ**

I. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Мы с самого начала должны дать понять, что наши расхождения с позицией большинства судей Большой Палаты Европейского Суда в настоящем деле не имеют отношения к изложению общих принципов, касающихся пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, с которым мы по сути согласны¹. Мы также согласны с большин-

ством судей по поводу применения общих принципов к первым трем заявителям и вывода о том, что в отношении них не было допущено нарушения пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции. Однако, к сожалению, мы не можем согласиться с мнением большинства судей о том, что в обстоятельствах настоящего дела были нарушены права четвертого заявителя на защиту. В отношении этого заявителя мы, в отличие от большинства судей, считаем, что применение критерия, состоящего из двух аспектов, который несколько пространно поясняется в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда, тоже приводит к выводу об отсутствии нарушения Конвенции.

2. Безусловно, как последовательно утверждается в прецедентной практике Европейского Суда, соображения защиты общественных интересов, в том числе борьбы с терроризмом, не могут оправдывать мер, уничтожающих самую суть прав подозреваемого или обвиняемого на защиту². При этом было бы ошибкой думать, что основная конвенционная проблема, лежащая в основе дел четырех заявителей, заключается исключительно в установлении границ допустимых посягательств государства на личные права человека во имя защиты интересов безопасности, в частности, посягательств на права четырех заявителей в связи с их первоначальными допросами в полиции, после чего последовали предъявление обвинения, судебное разбирательство и вынесение обвинительных приговоров. Это был бы чересчур узкий взгляд, игнорирующий то, что вопросы, требующие в настоящем деле анализа с точки зрения Конвенции, непосредственно касаются прав многих других людей, а не только четырех заявителей. Когда государства-участники, а потом и Европейский Суд сталкиваются с такими обстоятельствами, как те, которые привели к подаче жалоб по настоящему делу, от них требуется установить надлежащую связь между основным процессуальным правом тех, кто обвиняется в причастности к преступлениям, связанным с терроризмом, на справедливое разбирательство дела, и правом тех, кого затрагивают предполагаемые

определении наличия «убедительных оснований» (см. § 258 настоящего Постановления и § 15 настоящего отдельного мнения).

² См. в разных контекстах Постановление Европейского Суда по делу «Броуган и другие против Соединенного Королевства» (Brogan and Others v. United Kingdom) от 29 ноября 1988 г., Series A, № 145-B, Постановление Европейского Суда по делу «Хини и Макгиннесс против Ирландии» (Heaney and McGuinness v. Ireland), жалоба № 34720/97, §§ 57–58, ECHR 2000-XII, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яллох против Германии» (Jalloh v. Germany), жалоба № 54810/00, § 97, ECHR 2006-IX, а также Постановление Европейского Суда по делу «Александр Зайченко против Российской Федерации» (Aleksandr Zaichenko v. Russia) от 18 февраля 2010 г., жалоба № 39660/02, § 39 (см.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 9 (примеч. редактора)).

преступления, на жизнь и личную неприкосновенность. Как ясно отмечается в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по настоящему делу (§ 251¹),

«...статья 6 Конвенции не следует применять таким образом, чтобы полиция столкнулась с несоизмеримыми сложностями, принимая эффективные меры по противодействию терроризму или другим тяжким преступлениям в порядке выполнения своих обязанностей по защите права людей на жизнь и права на физическую неприкосновенность, предусмотренных статьями 2 и 3 и пунктом 1 статьи 5 Конвенции».

Кроме того, признав в более общем контексте, что «[с] точки зрения Европейского Суда, использование государствами новейших технологий для предотвращения террористических актов – это естественный результат различных форм, которые сегодня принимает терроризм», Европейский Суд уже счел уместным изменившийся и меняющийся характер современных террористических угроз².

3. Вряд ли нужно напоминать, что статьи 2 и 3 Конвенции относятся к числу основных конвенционных прав, из которых не допускаются исключения в порядке применения статьи 15 Конвенции³. У государств-участников есть позитивное обязательство, во-первых, обеспечить правовую и административную базу, а после этого принять все необходимые конкретные меры по обеспечению практически осуществимой и эффективной, а не просто теоретической и иллюзорной защиты этих основных прав всех лиц, попадающих под их юрисдикцию. Таким образом, Конвенция обязывает государства-участников принимать и превентивные, и карательные меры для сведения к минимуму угроз, которые терроризм в его сегодняшних масштабах и формах несет для жизни и физической неприкосновенности каждого человека, попадающего под их юрисдикцию. Эта обязанность, естественно, распространяется на систему правосудия по уголовным делам и правила доказывания.

4. К сожалению, при применении общих принципов, изложенных в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда, большинство судей слишком сузили свой анализ, ограничив его чисто процессуальными аспектами дела четвертого заявителя в ущерб более широкой оценке общей кар-

тины, в том числе влияния на интересы других субъектов конвенционных прав, как поясняется выше.

II. ИЗЛОЖЕНИЕ ОБЩИХ ПРИНЦИПОВ

5. В Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по настоящему делу подтверждается сформулированный в деле «Салдуз против Турции»⁴ критерий определения совместимости ограничений доступа к адвокату с правом на справедливое разбирательство дела, предусмотренным пунктом 1 и подпунктом «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, и уточняется, что у этого критерия есть два аспекта. Во-первых, внутрисударственные суды и, в конечном счете, Европейский Суд должны определить, имеются ли убедительные основания для ограничения доступа к адвокату. Во-вторых, эти суды должны определить, как ограничения повлияли на общую справедливость производства по делу, и решить, было ли справедливым производство по делу в целом (§ 257 настоящего Постановления). Понятно, хотя прямо в настоящем Постановлении об этом не говорится, первый аспект касается исключительно событий, произошедших на досудебной стадии производства по уголовному делу. Второй же аспект, напротив, предполагает рассмотрение судом первой, а при необходимости и второй инстанции событий, произошедших как на досудебной стадии, так и в ходе самого судебного разбирательства, и не в последнюю очередь вопроса о последующем использовании доказательств, собранных в ходе следствия. Нам кажется, что это важно. Если говорить о первом аспекте применительно к настоящему делу, вопрос о том, действительно ли у полиции имелись убедительные основания, по которым можно было временно ограничить получение юридической помощи каждым из четверых заявителей, нужно рассматривать со ссылкой на обстоятельства, характеризующиеся крайней безотлагательностью и опасностью для жизни людей. Второй аспект общей оценки справедливости разбирательства дела после признания спорных показаний, данных в отсутствие адвоката, допустимыми доказательствами, напротив, лежит в совершенно другой плоскости, где вопросы о юридических основаниях ограничения прав на защиту или признания полученных таким образом доказательств допустимыми приобретают совершенно иное значение⁵.

¹ Имеется в виду § 252 настоящего Постановления (примеч. редактора).

² Постановление Европейского Суда по делу «Сабо и Виши против Венгрии» (Szabó and Vissy v. Hungary) от 12 января 2016 г., жалоба № 37138/14, § 68 (см.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 7 (примеч. редактора)).

³ Статья 15 Конвенции допускает очень ограниченную возможность отступления от обязательств по статье 2 Конвенции в случае гибели людей в результате правомерных военных действий.

⁴ См. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» (Salduz v. Turkey), жалоба № 36391/02, ECHR 2008.

⁵ См. §§ 13–15 настоящего отдельного мнения по поводу того, почему этот особый подход особенно важен в деле четвертого заявителя.

6. В Постановлении Большой Палаты Европейского Суда описываются критерии определения наличия убедительных оснований для задержки в оказании юридической помощи и, что очень важно, поясняется, что отсутствия убедительных оснований для ограничения доступа к юридической помощи самого по себе недостаточно для того, чтобы прийти к выводу о нарушении статьи 6 Конвенции (§§ 258–260 настоящего Постановления). В Постановлении отмечается, что для того, чтобы решить, было ли нарушено право на справедливое разбирательство дела, необходимо принять во внимание производство по делу в целом, поскольку права, предусмотренные пунктом 3 статьи 6 Конвенции, не являются самоцелью, а дают примеры конкретных аспектов общего права на справедливое разбирательство дела (§ 262 настоящего Постановления). Однако при отсутствии убедительных оснований для ограничения доступа к юридической помощи внутригосударственные суды обязаны очень строго подходить к оценке справедливости производства по делу, а отсутствие убедительных оснований имеет большое значение при определении общей справедливости разбирательства и может склонить чашу весов в пользу вывода о нарушении пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции (§ 265 настоящего Постановления). Наконец, в Постановлении приводится не исчерпывающий перечень факторов, взятых из устоявшейся прецедентной практики Европейского Суда, которые следует принимать во внимание при определении того, как повлияли процессуальные упущения на досудебном этапе на общую справедливость производства по уголовному делу (§ 274 настоящего Постановления).

7. Данное пояснение общих принципов, подлежащих применению при анализе ограничений права на доступ к адвокату, нужно приветствовать. Дело «Салдуз против Турции» является важной вехой в прецедентной практике Европейского Суда, касающейся пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции. Но исходя из формулировки ключевого фрагмента Постановления по делу «Салдуз против Турции» в § 55, в котором содержится не менее четырех уточняющих выражений: «как правило», «за исключением случаев», «даже при наличии» и «в принципе», – очевидно, что сформулированная норма не является абсолютной, но затрудняет выяснение того, как влияет отсутствие убедительных оснований на определение общей справедливости разбирательства дела и степени тщания, которое необходимо проявлять при отсутствии или наличии этих оснований. В самом деле «Салдуз против Турции» убедительные основания отсутствовали, но Большая Палата Европейского Суда, несмотря на это, перешла к рассмотрению вопроса об общей справедливости разбирательства по делу заявителя.

III. ПЕРВЫЙ АСПЕКТ КРИТЕРИЯ, СФОРМУЛИРОВАННОГО В ДЕЛЕ «САЛДУЗ ПРОТИВ ТУРЦИИ»: ВОПРОС О НАЛИЧИИ УБЕДИТЕЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ В ДЕЛЕ ЧЕТВЕРТОГО ЗАЯВИТЕЛЯ

8. В Постановлении Большой Палаты Европейского Суда приводится один пример того, что может являться убедительными основаниями для целей упомянутого выше критерия: наличие неотлагательной необходимости предотвратить серьезные неблагоприятные последствия для жизни, свободы или физической неприкосновенности (§ 259 настоящего Постановления). В параграфе 258 настоящего Постановления для определения наличия убедительных оснований используется строгий критерий: ограничения права на доступ к адвокату допускаются лишь в исключительных обстоятельствах, они должны иметь временный характер и должны быть основаны на индивидуальной оценке конкретных обстоятельств дела и иметь основания во внутригосударственном законодательстве.

9. Большая Палата Европейского Суда согласилась с тем, что во время проведения допросов первых трех заявителей в интересах безопасности такая необходимость существовала. Обстоятельства были явно исключительными, а потенциальная вероятность гибели большого количества людей – крайне высокой. За две недели до этого г. Лондон столкнулся с самыми крупными терактами в своей истории, а за четыре дня до допроса четвертого заявителя были обнаружены два неразорвавшихся взрывных устройства (см. §§ 14–15 и 138–142 настоящего Постановления), и это указывало на возможность еще одной волны терактов. Все предполагаемые исполнители нового теракта, кроме одного, оставались на свободе и могли беспрепятственно привести в действие другие взрывные устройства, возможно, на этот раз доведя дело до конца. Сотрудники полиции работали под огромным давлением, и их главной целью, что вполне понятно, было безотлагательное получение информации о планируемых терактах и личностях потенциальных участников сговора для предотвращения гибели людей. Ограничение права первых трех заявителей на адвоката имело временный характер, сопровождалось индивидуальной оценкой обстоятельств их дел и имело основу во внутригосударственном законодательстве (§§ 186–198 настоящего Постановления). Впоследствии обоснованность решения об ограничении доступа к юридической помощи проверили судья первой инстанции и Апелляционный суд Англии и Уэльса в рамках применения второго аспекта критерия, сформулированного в деле «Салдуз против Турции» (§§ 65–95, 106–118 и 123–136 настоящего Постановления).

10. Нарушение, допущенное в отношении одного из этих заявителей, Ибрагима, не изменило вывода о наличии убедительных оснований. Действительно, в § 278 настоящего Постановления это нарушение помещено в контекст проводимой полицией операции со ссылкой, в частности, на большое количество задержанных лиц, их содержание в одном отделении полиции, необходимость избежать разговоров между задержанными и обмена какими-либо уликами. Как сказано в настоящем Постановлении, «возможность ограничения доступа к юридической помощи в таких исключительных обстоятельствах, как те, которые возникли в настоящем деле, учитывает уникальные и весьма сложные условия».

11. Применяя те же самые критерии к четвертому заявителю, мы считаем невозможным прийти к выводу, что полиция не могла и в его деле сослаться на убедительные основания с целью оправдать временное ограничение его права на доступ к адвокату. Четвертого заявителя попросили проследовать в отделение полиции, чтобы помочь полицейским, как потенциального свидетеля (§ 139 настоящего Постановления). Когда в какой-то момент в ходе допроса сложилось впечатление, что он может дать показания против самого себя, обычные правила, предусмотренные и применимым кодексом практических указаний для полиции, действующим в Соединенном Королевстве (кодекс С, один из нескольких кодексов, принятых согласно Закону «О полиции и доказательствах по уголовным делам» 1984 года (далее – Закон 1984 года), см. §§ 181–198 настоящего Постановления), и Конвенцией, требовали с этого момента считать его подозреваемым, имеющим обычные права на защиту, в частности, право на предупреждение и получение юридической помощи при первой же возможности, чтобы не причинить ущерба своей позиции. Этого сделано не было. Следовательно, жалобы четвертого заявителя, без сомнения, требуют особенно «тщательного рассмотрения», как признал Апелляционный суд Англии и Уэльса (§ 175 настоящего Постановления).

12. Тем не менее мы при всем уважении не согласны с выводом большинства судей (см. §§ 299–300 настоящего Постановления) о том, что «властям государства-ответчика не удалось убедительно доказать с опорой на имеющиеся в то время доказательства существования в деле четвертого заявителя убедительных оснований» для ограничения доступа четвертого заявителя к адвокату в ходе его первичного допроса в полиции.

13. Прежде всего события, происходившие в г. Лондоне, и обстоятельства, в которых проходила полицейская операция, на момент допроса четвертого заявителя вечером 27 июля были столь же исключительными, как и во время допроса первых трех заявителей. Таким образом, безотлагательная необходимость избежать серьезных неблагопри-

ятных последствий для жизни, свободы и физической неприкосновенности, существование которой большинство судей признали в § 276 настоящего Постановления, в случае четвертого заявителя была столь же реальной, как и в случае первых трех заявителей. Имелись реальные опасения, что, потерпев неудачу, террористы могут вернуться для завершения своего первоначального неудавшегося теракта. Полицейские считали, что четвертый заявитель знает, где мог находиться один из подозреваемых в терроризме, Хусейн Осман, и, вполне возможно, каковы были его планы (см. §§ 15, 61 и 137–139 настоящего Постановления). Полиция оказалась перед нелегким выбором: продолжать получать от заявителя информацию, которая может спасти жизни людей и защитить общество, в отсутствие других непосредственных сведений от подозреваемых в терроризме или связанных с ними, только один из которых находился под стражей, но не разговаривал с полицией, а другие оставались на свободе, или соблюсти применимый полицейский кодекс, сделав заявителю предупреждение, но при этом появилась бы опасность остановить поток ценной информации, важной для обеспечения безопасности. Верховный суд Соединенных Штатов Америки сделал похожее замечание в деле «Нью-Йорк против Куорлза»¹, постановив, что из этого требования допускается исключение по соображениям обеспечения безопасности населения, согласно которому до допроса в полиции подозреваемым нужно сообщать об их конституционных правах хранить молчание и получать юридическую помощь, прежде чем их ответы можно будет использовать на суде в качестве доказательств.

14. То, что процессуальный статус четвертого заявителя первоначально отличался от статуса первых трех заявителей (он был доставлен в отделение полиции в качестве свидетеля, а не подозреваемого) и то, что его сделали подозреваемым со ссылкой на самостоятельное преступление, не может изменить объективный анализ той безотлагательной необходимости, с которой столкнулась лондонская городская полиция 27 июля. Кроме того, четвертый заявитель дал свидетельские показания рано утром 28 июля, а когда позднее этим утром его задержали и сделали ему предупреждение, он отказался от помощи адвоката, и об этом не следует забывать. Иными словами, ограничение его права на доступ к адвокату тоже было временным. Индивидуальная оценка того, как полиция должна была действовать в его случае, была дана вечером 27 июля, когда допрашивавший его сотрудник полиции сделал перерыв в допросе ввиду опасности того, что четвертый заявитель даст показания против самого себя, и обратился за указаниями

¹ 467 US436 (1966), цитируется в § 230 настоящего Постановления.

к своему начальнику, который велел продолжить допрос.

15. Несмотря на это, большинство судей (начиная с § 258 настоящего Постановления) придают существенное и даже решающее значение определению наличия «убедительных оснований» в вопросе о том, имело ли решение полиции не делать ему предупреждения и обеспечить ему адвоката основания во внутригосударственном законодательстве. Данный вопрос, однако, как мы видим, целесообразнее обсуждать в контексте рассмотрения общей справедливости производства по делу (подпункт «b» § 19 и §§ 24–25 настоящего отдельного мнения и подпункт «b» § 274 настоящего Постановления). В результате подобного ошибочного подхода Европейский Суд стал обсуждать, имелись ли убедительные основания в случае четвертого заявителя, не задав себе основного вопроса. Основной вопрос заключается в следующем: обоснованно ли власти в то время считали, что, если сделать свидетелю предупреждение как подозреваемому, это не позволило бы отреагировать на безотлагательную необходимость избежать серьезных последствий, к которым привел бы успешный теракт? Этот важнейший вопрос факта лежит в основе анализа наличия убедительных оснований, но большинство судей его обошли, предпочтя вместо этого сосредоточиться на процессуальном вопросе. Данный вопрос, хотя он и важен для окончательного вывода, логичнее было бы рассмотреть в рамках применения второго аспекта критерия, сформулированного в деле «Салдуз против Турции». Если отвлечься от фактической ситуации, сложившейся во время первоначального допроса в полиции и связанной с безотлагательной необходимостью избежать угрожающих последствий для жизни и физической неприкосновенности населения, анализ наличия или отсутствия убедительных оснований в деле четвертого заявителя, проведенный большинством судей, искажает преобладающее значение, преждевременно приданное такому обстоятельству, как несоблюдение кодекса практических указаний, хотя одновременно предполагается, что полиция могла со всеми основаниями использовать альтернативные возможности. Ирония заключается в том, что альтернативная возможность, предложенная в § 299 настоящего Постановления, проведение допроса в интересах безопасности, как предусматривает Закон «О терроризме», потребовала бы именно наличия убедительных, существенных, оснований.

16. Далее, основная критика в этом отношении (в § 298¹ настоящего Постановления) о том, что «внутригосударственное законодательство не предусматривает возможности лишения подозре-

ваемого процессуальных прав, которые гарантируются кодексом, путем отказа в изменении его официального статуса, [то есть в изменении статуса свидетеля, помогающего полиции, на статус подозреваемого], когда изменение этого статуса становится целесообразным» – несколько оторвана от реальности. Добиваться подробного регулирования в той степени, в какой этого хочет большинство судей, значит требовать от государств-участников чего-то близкого к совершенству. Закон 1984 года и соответствующие кодексы практических указаний сами по себе исключительно подробны. Обстоятельства дела четвертого заявителя, которые, как и обстоятельства дел остальных трех заявителей, предшествуют по времени вынесению Европейским Судом упомянутого выше эпохального Постановления по делу «Салдуз против Турции», являются исключительными. Конвенция не предполагает, что законодатели предусмотрят все возможные варианты развития событий. В настоящем деле очевидно, что применимый кодекс указаний для полиции обычно требует, чтобы свидетелю делали предупреждение и обеспечивали ему доступ к адвокату, когда он становится подозреваемым, на что указывает реакция двух проводивших допрос сотрудников полиции (см. § 140 настоящего Постановления). Руководящий сотрудник полиции, к которому они обратились с этим вопросом, осуществил индивидуальный анализ с учетом конкретных обстоятельств неудавшегося и оставшегося не проясненным теракта с использованием бомб, а то, в чем заключался этот анализ, очевидно любому исходя из здравого смысла. Важно, что законодательная база предусматривает гарантии справедливости любого последующего использования показаний, полученных на допросе в полиции, в качестве доказательств.

17. Как указывалось ранее, несоблюдение применимого кодекса практических указаний для полиции не может отменить объективную оценку опасности и непредсказуемости обстоятельств, с которыми столкнулись полиция и общество в целом. Мы не предполагаем, что такое несоблюдение предусмотренного внутригосударственным законодательством порядка допроса подозреваемых в полиции не должно было повлиять на анализ соблюдения пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, который обязаны производить суды первой и второй инстанций. Однако, как отмечалось выше, правовые последствия данного несоблюдения необходимо, на наш взгляд, выяснять в рамках применения второго аспекта этого анализа при определении общей справедливости разбирательства по делу четвертого заявителя. Следует добавить, что именно такой подход к данному вопросу используется в применимых положениях внутригосударственного законодательства. Из наставлений судьи первой инстанции присяжным (§ 169 настоящего Постановления) ясно, что

¹ Так в тексте оригинала Постановления. Имеется в виду § 299 настоящего Постановления (примеч. редактора).

нарушение кодекса не привело с точки зрения внутреннего законодательства к автоматическому запрету использовать в качестве доказательств письменные показания свидетеля, который впоследствии стал подсудимым. Напротив, вопрос о допустимости этих доказательств должен рассматриваться судьей первой инстанцией в рамках предварительной проверки допустимости доказательств (*voir dire*) на основании очень четких положений пункта 2 статьи 76 и статьи 78 Закона 1984 года. Любой иной подход к первому этапу определения наличия убедительных оснований может лишить всякого смысла первый аспект критерия, сформулированного в деле «Салдуз против Турции».

18. В завершение этого довода мы полагаем, что в критический момент расследования неудавшегося теракта с использованием взрывных устройств у полиции действительно были «убедительные основания» для того, чтобы не делать четвертому заявителю предупреждения и временно отложить получение им юридической помощи на основании индивидуальной оценки конкретных фактов, с которыми она столкнулась. Стало ли последующее разбирательство по возбужденному в отношении него уголовному делу несправедливым из-за того, как впоследствии были использованы полученные таким образом показания заявителя – это уже другой вопрос, который следует рассматривать в рамках анализа общей справедливости производства по делу, состоящего из двух этапов. Как отметила сама Большая Палата Европейского Суда (в § 274 настоящего Постановления):

«жалобы на несоблюдение прав, прямо или косвенно вытекающих из статьи 6 Конвенции, на стадии проведения расследования по уголовным делам нередко возникают в ходе судебного разбирательства, когда используются полученные доказательства».

IV. ВТОРОЙ АСПЕКТ КРИТЕРИЯ, СФОРМУЛИРОВАННОГО В ДЕЛЕ «САЛДУЗ ПРОТИВ ТУРЦИИ»: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЩЕЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ В ОТНОШЕНИИ ЧЕТВЕРТОГО ЗАЯВИТЕЛЯ

19. Факторы, которые следует принимать во внимание при определении справедливости разбирательства в отношении четвертого заявителя в суде первой и второй инстанций в целом, приводятся в не исчерпывающем перечне в § 274 настоящего Постановления:

(а) находился ли заявитель в особенно уязвимом положении, например, в силу возраста или умственных способностей;

(б) правовые нормы, регулирующие предварительное производство по делу и использование доказательств на суде, и вопрос об их соблюдении; если имеет место исключение из правил,

особенно маловероятно, что производство по делу в целом будет считаться несправедливым;

(с) была ли у заявителя возможность оспорить достоверность доказательств и возражать против их использования;

(d) качество доказательств, и заставляют ли обстоятельства их получения сомневаться в их достоверности или точности с учетом степени и характера имевшего место принуждения;

(е) если доказательства были получены с нарушением закона, незаконность, о которой идет речь, а если их получение является результатом нарушения другой статьи Конвенции, характер установленного нарушения;

(f) в случае, если речь идет о показаниях, характер этих показаний, и были ли они сразу же оспорены или изменены;

(g) порядок использования полученных доказательств, и, в частности, являлись ли они составной или важной частью доказательственной базы, положенной в основу обвинительного приговора, а также убедительность других собранных по делу доказательств;

(h) осуществлялось ли определение виновности профессиональными судьями или присяжными, не являющимися юристами, а в последнем из этих случаев – содержание данных присяжным указаний;

(i) значимость интереса общества в проведении расследования и в привлечении к ответственности за конкретное преступление, о котором идет речь в деле;

(j) другие имеющие отношение к делу процессуальные гарантии, предусмотренные внутригосударственным законодательством и правоприменительной практикой».

20. Мы не можем согласиться с выводом наших коллег, составляющих большинство судей, по вопросу о справедливости использования на суде первоначальных показаний четвертого заявителя в полиции в качестве доказательства по двум основаниям.

21. Во-первых, как отмечалось ранее, мы считаем, что сотрудники полиции могли сослаться на наличие убедительных оснований для временного ограничения прав четвертого заявителя, предусмотренных статьей 6 Конвенции. В результате, в отличие от большинства судей, которые отрицают наличие убедительных оснований в его деле, существенно утяжеляя тем самым бремя доказывания, лежащее на властях государства-ответчика, мы будем оценивать общую справедливость разбирательства без очень строгой степени строгости, которую предполагает отсутствие таких убедительных оснований (§ 265 настоящего Постановления). Тем не менее с учетом важности прав на справедливое разбирательство дела мы полагаем, что власти государства-ответчика в рамках этого анализа общей справедливости должны

все-таки доказать, что первоначальное временное ограничение доступа к юридической помощи не причинило непоправимого ущерба правам на защиту. Мы будем иметь это в виду, обсуждая несоблюдение применимого кодекса практических указаний для полиции и указанных выше факторов.

22. Во-вторых, на наш взгляд, если рассматривать обстоятельства, касающиеся четвертого заявителя, с учетом этих различных факторов, станет очевидно, что применение общих принципов, столь четко изложенных в Постановлении по настоящему делу, должно привести к выводу об отсутствии нарушения Конвенции. Еще раз подчеркнем: у нас нет разногласий с большинством судей по поводу подтверждения и разъяснения второго аспекта критерия, сформулированного в делах «Салдуз против Турции» и «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», но мы не согласны с тем, как он был применен к обстоятельствам дела четвертого заявителя.

23. Сейчас мы перейдем к рассмотрению перечисленных выше факторов¹.

(а) Находился ли заявитель в особенно уязвимом положении, например, в силу возраста или умственных способностей

24. В отличие от заявителей по некоторым предыдущим делам, которые рассматривал Европейский Суд², четвертого заявителя нельзя считать находящимся в особенно уязвимом положении в силу возраста, умственных способностей или по другим причинам. Действительно, ни разу не предполагалось, что четвертый заявитель находится в особенно уязвимом положении в силу возраста, обстоятельств или умственных способностей. Судья первой инстанции отметил, что это интеллигентный молодой человек, который работает в адвокатской конторе (§ 171 настоящего Постановления). Несмотря на то, что до раннего утра 28 июля его допрашивали в качестве свидетеля, его первичный допрос не был ни особенно необычным, ни особенно длительным, если не считать неопределенности его процессуального статуса. Апелляционный суд конкретно рассмотрел вопрос об уязвимости положения четвертого заявителя в связи с назначением ему наказания (§ 177 настоящего Постановления).

(b) Правовые нормы, регулирующие предварительное производство по делу и признание доказательств допустимыми на суде, и вопрос об их соблюдении; если имело место исключение из правил, особенно маловероятно, что производство по делу в целом будет считаться несправедливым

(j) Другие имеющие отношение к делу процессуальные гарантии, предусмотренные внутригосударственным законодательством и правоприменительной практикой

25. По поводу этих двух факторов стоит напомнить вывод, к которому пришла Палата Европейского Суда (§ 215 Постановления Палаты Европейского Суда по настоящему делу):

«[И]мелись четкие правовые нормы по вопросу о том, допустимо ли использовать доказательства, полученные в ходе допроса в полиции, в производстве по любому возбужденному впоследствии уголовному делу. В дополнение к запрету использовать в качестве доказательства признательные показания, полученные с применением методов принуждения, или показания, которые могут оказаться недостоверными, установленному статьей 76 Закона 1984 года, судья первой инстанции согласно статье 78 Закона 1984 года может отказаться от использования доказательств, которые, по его мнению, негативно отразятся на справедливости производства по делу (см. §§ 152–154 настоящего Постановления [и §§ 199–210 Постановления Большой Палаты Европейского Суда]). Принимая решение по ходатайству четвертого заявителя отказаться от использования его свидетельских показаний, судья первой инстанции тщательно применил положения законодательства...».

26. В ходе предварительной проверки допустимости доказательств судья первой инстанции установил, что полицейские не сказали и не сделали ничего такого, из-за чего свидетельские показания стали бы недостоверными. Далее, учитывая, что четвертый заявитель добровольно подтвердил свои свидетельские показания после того, как ему было сделано предупреждение и оказана юридическая помощь, судья первой инстанции пришел к выводу, что основания для отказа от использования этих показаний согласно статье 76 или статье 78 Закона 1984 года отсутствуют (§ 159 настоящего Постановления). Могло, конечно, иметь место отступление от кодекса практических указаний, причем отступление умышленное, ввиду существовавшей в то время безотлагательной необходимости, но можно ли на этом основании делать вывод, что «решение продолжить допрос четвертого заявителя в качестве свидетеля не имело оснований во внутригосударственном законодательстве»

¹ Далее авторы рассматривают факторы, указанные в § 19 их мнения, не в алфавитном порядке (примеч. редактора).

² См., например, Постановление Европейского Суда по делу «Адамкевич против Польши» (Adamkiewicz v. Poland), жалоба № 54729/00, §§ 70 и 89, где речь шла об использовании в качестве доказательства признательных показаний, данных в полиции несовершеннолетним, которому было отказано в доступе к адвокату.

(§ 302¹ настоящего Постановления)? Мы думаем, что нет.

(d) Качество доказательств, и заставляют ли обстоятельства их получения сомневаться в их достоверности или точности с учетом степени и характера имевшего место принуждения

(e) Если доказательства были получены с нарушением закона, рассмотреть незаконность, о которой идет речь, а если их получение является результатом нарушения другой статьи Конвенции, рассмотреть характер установленного нарушения

27. Эти два фактора также можно рассматривать совместно.

28. Заявитель не был задержан, и 27 июля 2007 г. он добровольно явился в отделение полиции. Во время допроса, в отличие от дела «Салдуз против Турции» и других дел, не использовались методы сдерживания или принуждения. Это ясно установил судья первой инстанции (§ 159 настоящего Постановления), косвенно подтвердил Апелляционный суд Англии и Уэльса (§ 175 настоящего Постановления) и признали большинство судей в Постановлении (§ 306 настоящего Постановления). Продолжение допроса в условиях, когда заявителю не сделали предупреждения и не предложили ему помощи адвоката, не являлось следствием систематической практики, а было вызвано особыми требованиями в интересах безопасности населения, которые непредсказуемым образом возникли в исключительных обстоятельствах дела.

29. Очевидно, что показания были получены с нарушением применимого кодекса практических указаний: четвертому заявителю в нужный момент не сделали предупреждения. Суды Соединенного Королевства не стали закрывать глаза на это нарушение, а приняли его во внимание, в частности, Апелляционный суд Англии и Уэльса (который отметил, что «то, как вели себя полицейские, несомненно, внушает тревогу», см. § 175 настоящего Постановления). Однако после этого они пришли к выводу, что в целом четвертому заявителю было обеспечено справедливое разбирательство дела. В Постановлении Большой Палаты Европейского Суда повторяется то, что Европейский Суд признал раньше: за исключением ситуаций, когда показания были получены с использованием пыток или других видов жестокого обращения, запрещенных статьей 3 Конвенции, несоблюдение норм внутригосударственного законодательства само по себе

не является «несправедливостью» для целей применения статьи 6 Конвенции (§ 254):

«В... задачи [Европейского Суда] не входит определять как вопрос принципа, какие конкретные виды доказательств, например, доказательства, полученные незаконно с точки зрения внутригосударственного законодательства, могут являться допустимыми... [В]опрос, на который следует ответить, заключается в том, было ли справедливым производство по делу в целом, в том числе и способ получения этих доказательств...».

30. В любом случае несмотря на то, что четвертому заявителю не сразу сообщили о его процессуальных правах, хотя обычно и внутреннее законодательство стран, и Конвенция дают подозреваемым возможность сразу о них узнать, мы, в отличие от большинства судей (см. §§ 299 и 306 настоящего Постановления), не стали бы уничтожительно отзываться о последствиях этого несоблюдения требований внутригосударственного законодательства в том смысле, что оно «ввело заявителя в заблуждение» во время допросов в полиции.

(c) Была ли у заявителя возможность оспорить достоверность доказательств и возражать против их использования

(f) В случае, если речь идет о показаниях, каков характер этих показаний, и были ли они сразу же отозваны или изменены

(h) Осуществлялось ли определение виновности профессиональными судьями или присяжными, не являющимися юристами, а в последнем из этих случаев – содержание данных присяжным указаний

31. Мы рассмотрим эти взаимосвязанные факторы совместно.

32. Несмотря на то, что с момента задержания по окончании первоначального допроса у первого заявителя была возможность оспорить достоверность своих заявлений, в том числе на суде и при рассмотрении дела в Европейском Суде, он так этого и не сделал. В ходе разбирательства по его делу в Соединенном Королевстве он ни разу не попытался выдвинуть какую-то другую версию произошедшего, кроме той, которую он изложил сотрудникам полиции на первоначальном допросе (см., в частности, §§ 149–152 и 168 настоящего Постановления). Мы считаем это очень важным аспектом дела.

33. Четвертый заявитель стал возражать против использования своих первоначальных показаний только после начала судебного разбирательства. До этого, получив юридическую помощь, он фактически опирался на такие показания, чтобы доказать отсутствие умысла и состава преступления (см. замечания по этому поводу в § 219–221 Постановления Палаты Европейского Суда по

¹ Имеется в виду § 303 настоящего Постановления (примеч. редактора).

настоящему делу). После первоначального допроса у четвертого заявителя была возможность отказаться от своих показаний на этом допросе по тем основаниям, на которые он впоследствии ссылался на суде и при рассмотрении дела Европейским Судом. Четвертый заявитель ни разу не пояснял, почему он думал, что он не в состоянии оспорить их на более ранней стадии.

34. Суды Соединенного Королевства двух различных инстанций тщательно изучили его доводы о недопустимости использования показаний, но отклонили их. Судья первой инстанции дал присяжным продуманные указания по поводу условий получения первоначальных показаний, обратил внимание присяжных на доводы четвертого заявителя о недостатках этих показаний и велел им не учитывать данные показания, если им кажется, что они получены недобровольно или являются недостоверными. Признаться, мы с трудом поняли критику, содержащуюся в § 310 настоящего Постановления, о том, что «указания судьи первой инстанции дали присяжным слишком большую свободу решать, каким образом принимать эти показания во внимание и определять их доказательственную ценность без учета того, что они были получены в условиях, когда четвертый заявитель не имел доступа к юридической помощи и не был уведомлен о своем праве хранить молчание». Данная критика, по-видимому, противоречит роли присяжных в системах отправления правосудия по уголовным делам в англосаксонских странах и выставляет в неверном свете смысл самих этих указаний. По первому вопросу прецедентная практика Европейского Суда по статье 6 Конвенции требует определять наличие достаточных гарантий, направленных на то, чтобы избежать опасности произвола и дать обвиняемому возможность понять, по каким основаниям ему был вынесен обвинительный приговор. Такие процессуальные гарантии могут включать в себя, например, указания или наставления присяжным от председательствующего судьи по юридическим вопросам, вытекающим из представленных доказательств, и четкие, недвусмысленные вопросы судьи присяжным, лежащие в основе их вердикта или в достаточной степени компенсирующие отсутствие оснований для ответов присяжных¹. На наш взгляд, сложно утверждать, что в настоящем деле эти требования выполнены не были. В частности, Европейский Суд признал, что [в процессуальном праве Англии] за присяжными остается последнее слово по вопросам факта². В задачи Европейского Суда не входит

стандартизация правовых систем в Европе путем внедрения какой-то конкретной модели рассмотрения дела в суде присяжных или конкретной степени участия граждан в отправлении правосудия³. По второму вопросу в указаниях присяжным, если придавать им обычное значение, говорилось, что им следует с осторожностью отнестись к первоначальным показаниям четвертого заявителя и не учитывать их, если им кажется, что они хотя и соответствуют действительности, но являются недостоверными или были получены с нарушением принципа справедливости («путем обмана», как утверждал четвертый заявитель, см. § 169 настоящего Постановления). В таких указаниях сложно усмотреть какие-то упущения.

(g) Порядок использования полученных доказательств, и, в частности, являлись ли они составной или важной частью доказательственной базы, положенной в основу обвинительного приговора, а также убедительность других собранных по делу доказательств

35. Вопреки тому, что предполагается в постановлении большинства судей, вынесенный четвертому заявителю обвинительный приговор по сути не опирался на его первоначальные показания (см. § 307 настоящего Постановления). Конечно, можно сказать, что они занимали важное место в доводах обвинения, но их значение было во многом обусловлено решением четвертого заявителя не отказываться от них, а повторить их и продолжать ссылаться на них после того, как он был задержан и получил юридическую помощь, а также его решением хранить молчание на суде и не давать показаний, которые бы разрушали, противоречили или поясняли доказательства, представленные обвинением. В любом случае имелись другие существенные доказательства виновности четвертого заявителя и его связей с предполагаемым террористом Османом, в частности: записи с камер видеонаблюдения, запечатлевшие четвертого заявителя с предполагаемым террористом, а в другой раз – с одним из других обвиняемых по его делу (Вахби Мухаммедом), характерные доказательства того, что четвертому заявителю было известно, кто такой Осман и из-за чего его разыскивала полиция, записи разговоров по мобильному телефону, согласно которым четвертый заявитель разговаривал с другим обвиняемым по его делу (Абдулом Шерифом), а также с предполагаемым террористом, анализ передвижения по данным с вышек сотовой связи, согласующийся с версией о том, что

¹ См. среди прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Таске против Бельгии» (Tahquet v. Belgium), жалоба № 926/05, § 92, ECHR 2010-VI (см.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 5 (примеч. редактора)).

² Постановление Европейского Суда по делу «Грегори против Соединенного Королевства» (Gregory v. United Kingdom) от

25 февраля 1997 г., § 44, Reports of Judgments and Decisions, 1997-I.

³ См. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Таске против Бельгии», § 83.

предполагаемый террорист совершал звонки из квартиры четвертого заявителя и что четвертый заявитель встречался с Шерифом для того, чтобы забрать паспорт, которым воспользовался предполагаемый террорист, устные показания самого осужденного к тому моменту террориста, Османа, который подтвердил первоначальные показания четвертого заявителя (все это упомянуто в § 308 настоящего Постановления с отсылками к соответствующим пунктам описательной части). То, что на основании первоначальных показаний полиция сначала получила основания подозревать четвертого заявителя, а затем предъявила ему обвинение (на это сослались большинство судей в § 309 настоящего Постановления), не означает, что их включение в состав доказательств, представленных на суде, привело к причинению непоправимого ущерба его правам на защиту. Анализ остальных факторов из не исчерпывающего перечня, приведенного в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда, указывает на то, что этого не произошло.

(i) Значимость интереса общества в проведении расследования и в привлечении к ответственности за конкретное преступление, о котором идет речь в деле

36. Как поясняется в начале настоящего отдельного мнения, этому соображению, на наш взгляд, большинство судей не придали достаточного значения. Ужасные деяния, совершаемые в последние годы в различных государствах – членах Совета Европы, широко иллюстрируют ключевую роль, которую играет материально-техническая и иная поддержка в совершении современных террористических актов, предполагающих массовые убийства всех подряд. Первым по времени следствием этого являются безотлагательные действия полиции, направленные на то, чтобы максимально ограничить дальнейшую неизбежную опасность для населения, связанную с уже совершенными или планируемыми терактами (главным образом вопрос о наличии «убедительных оснований»), а затем необходимость привлечь к ответственности, по возможности с соблюдением прав на справедливое разбирательство дела, тех, кого есть основания подозревать в том, что они являются частью системы поддержки террористической группы. Когда ведется поиск соответствующих связей между различными правами человека, о которых идет речь, при рассмотрении вопросов, связанных с террористическими актами, как те, которые были совершены в настоящем деле, есть опасность «не увидеть леса за деревьями», если слишком сосредоточить анализ на уголовно-процессуальных требованиях в ущерб более широким соображениям, связанным с обязанностью современных государств обеспечивать практически осуществимую и эффективную защиту прав человека каждому,

находящемуся под их юрисдикцией. Защита прав человека в демократической стране предполагает, что, даже когда власти сталкиваются с неизбежными посягательствами на жизнь и здоровье невинных людей, занимающихся обычными делами и живущих обычной жизнью, правомерная цель обеспечения права на жизнь и личную неприкосновенность не может оправдывать использование недобросовестных и несправедливых средств принуждения. Основной целью статьи 6 Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте является ликвидация опасности вынесения обвинительного приговора невиновным. Таким образом, основной тезис в прецедентной практике Европейского Суда, как отмечалось ранее, заключается в том, что соображения защиты общественных интересов, в том числе и борьбы с терроризмом, не могут оправдывать мер, уничтожающих самую суть прав обвиняемого на защиту¹. Однако параллельное соображение заключается в том, что уголовно-процессуальные требования тоже не могут выхолостить правомерность общественного интереса, о котором идет речь, который сам опирается на важнейшие конвенционные права на жизнь и телесную неприкосновенность других людей.

V. ВЫВОД

37. Наш вывод по вопросу о том, указывает ли дело четвертого заявителя на отказ ему в правах на справедливое разбирательство дела, можно сформулировать следующим образом. Когда четвертый заявитель давал свои первоначальные показания в полиции, сложилась исключительная ситуация опасности для общества. Предполагаемые террористы всё еще оставались на свободе. На момент первоначального допроса имелись «убедительные основания» в том смысле, в каком данный термин понимается в деле «Салдуз против Турции», и в том смысле, в каком он был подтвержден и разъяснен в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда, для того чтобы в порядке исключения ограничить его право на получение юридической помощи с момента начала допроса в полиции в качестве подозреваемого, обычно предусмотренное внутренним законодательством и Конвенцией. После этого общественно-политические сообра-

¹ См. Постановление Европейского Суда по делу «Броуган и другие против Соединенного Королевства» (Brogan and Others v. United Kingdom) от 29 ноября 1988 г., Series A, № 145-B, Постановление Европейского Суда по делу «Хини и Макгиннесс против Ирландии» (Heaney and McGuinness v. Ireland), жалоба № 34720/97, §§ 57–58, ECHR 2000-XII, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яллох против Германии» (Jalloh v. Germany), жалоба 54810/00, § 97, ECHR 2006-IX, а также Постановление Европейского Суда по делу «Александр Зайченко против Российской Федерации» (Aleksandr Zaichenko v. Russia) от 18 февраля 2010 г., жалоба № 39660/02, § 39 (см.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 9 (примеч. редактора)).

жения требуют, чтобы те, кто оказывал террористам материально-техническую и финансовую поддержку, тоже по возможности были привлечены к ответственности. Если говорить о том, как повлияло использование первоначальных показаний на общую справедливость разбирательства по делу четвертого заявителя, законодательство предусматривало достаточные компенсирующие гарантии, которые имелись у него в ходе производства по его уголовному делу, в том числе до суда и при рассмотрении дела судами первой и второй инстанций. Высказывания заявителя, содержащиеся в его первоначальных показаниях в полиции, не были получены с использованием методов сдерживания или принуждения. Он ни разу не оспаривал своих показаний, не утверждал, что они не соответствуют действительности, и ни разу не отказывался от них в ходе предварительного производства по делу, хотя такая возможность ему не раз представлялась, например, на последующих допросах в полиции. Напротив, во всех этих случаях, причем после того, как он получил юридическую помощь, он подтверждал свои первоначальные показания и ссылаясь на них в свою защиту. Помимо этих первоначальных показаний в полиции, в деле имелись и другие серьезные изобличающие доказательства, свидетельствующие против него, на основании которых присяжные признали его виновным, в том числе устные показания самого предполагаемого террориста Османа (которому к тому времени уже был вынесен обвинительный приговор). Четвертый заявитель ни разу не предполагал, что у фактов, касающихся его контактов с Османом, которые подтверждаются другими, прямыми и заслуживающими доверия, доказательствами, есть какое-то другое объяснение. Как указал Апелляционный суд Англии и Уэльса, в деле отсутствуют доказательства того, что четвертый заявитель дал показания потому, что, по его убеждению, его не собирались привлекать к ответственности, а лица, отвечающие за ведение уголовного дела, не делали недвусмысленных заверений на этот счет (см. § 176 настоящего Постановления). Невыполнение требований применимого кодекса практических указаний в связи с его первичным допросом в качестве подозреваемого было принято во внимание судами Соединенного Королевства первой и второй инстанций в рамках подробного рассмотрения вопроса об общей справедливости. Судья первой инстанции дал присяжным продуманные указания, обратив их внимание на доводы четвертого заявителя о несправедливости производства по делу и на исключительные обстоятельства получения показаний, о которых идет речь.

38. С учетом общих принципов, установленных в прецедентной практике Европейского Суда

по пункту 1 и подпункту «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, не в последнюю очередь в деле «Салдуз против Турции», которые были разъяснены в настоящем деле, обстоятельства дела четвертого заявителя и производства по возбужденному в отношении него уголовному делу в целом не приводят нас к выводу, что использование его первоначальных показаний в полиции в качестве доказательства в суде над ним можно считать несправедливым или причинившим непоправимый ущерб его правам на защиту. На наш взгляд, конечно, нельзя сказать, что отказ заявителю в возможности получить юридическую помощь на первоначальном допросе в полиции в тот момент, когда он стал подозреваемым, или последующее использование его первоначальных показаний в качестве доказательства уничтожили самую суть его прав на защиту, которые согласно статье 6 Конвенции у него появились при предъявлении ему «уголовного обвинения».

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПАУЛЯ ЛЕММЕНСА

Я счастлив согласиться с большинством судей в той части Постановления, которая касается изложения и пояснения общих принципов, сформулированных в деле «Салдуз против Турции» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» (*Salduz v. Turkey*), жалоба № 36391/02, *ECHR* 2008). Кроме того, я согласен с большинством судей в отношении применения этих принципов в делах первых трех заявителей.

Однако, к моему сожалению, я не могу разделить позицию большинства судей по поводу того, как они применили эти принципы в деле четвертого заявителя. По этому вопросу я присоединился к соответствующему совместному особому мнению.

Не усмотрев нарушения Конвенции в отношении четвертого заявителя, я голосовал против присуждения ему компенсации судебных издержек и расходов.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ АНДРАША ШАЙО

Согласно настоящему Постановлению отсутствует необходимость присуждать справедливую компенсацию четвертому заявителю. При всем уважении я с этим не согласен по основаниям, изложенным судьями И. Каракаш, М. Лазаровой Трайковской и В.А. де Гаэтано.

Поскольку я считаю, что по делу было допущено нарушение Конвенции в отношении первых трех заявителей, эти соображения относятся и к ним тоже.